Георгий Почепцов

ПРОПАГАНДА 2.0

Георгий Почепцов

Пропаганда 2.0

«OMIKO»

2018

УДК 004 + 621.39

Почепцов Г. Г.

Пропаганда 2.0 / Г. Г. Почепцов — «OMIKO», 2018

ISBN 978-966-03-8284-8

Пропаганда присутствует в любом обществе и во все времена. Она может быть политической, а может продвигать здоровый образ жизни, правильное питание или моду. В разные исторические периоды пропаганда приходит вместе с религией или идеологией.Чаще всего мы сталкиваемся с политической пропагандой, например, внутри СССР или во времена «холодной войны», когда пропаганда становится основным оружием. Информационные войны, о которых сегодня заговорил весь мир, также используют инструментарий пропаганды. Она присутствует и в избирательных технологиях, то есть всюду, где большие массы людей подвергаются влиянию. Информационные операции, психологические, операции влияния – все это входит в арсенал действий современных государств, организующих собственную атаку или защиту от чужой атаки.Об этом и многом другом рассказывается в нашей книге, которая предназначена для студентов и преподавателей гуманитарных дисциплин, также ее можно использовать при обучении медиаграмотности в средней школе.

УДК 004 + 621.39

ISBN 978-966-03-8284-8

© Почепцов Г. Г., 2018
© OMIKO, 2018

Содержание

Введение 5
Глава первая 6
1.1. От пропаганды 1.0 к пропаганде 2.0 6
1.2. Перестройка как пропаганда 2.0 12
1.3. Первые работы по советологии в РЕНД 21
1.4. Советский вариант создания пропаганды 2.0: что было за кадром 27
1.5. Коммуникативный проект «ПЕРЕСТРОЙКА»: некоторые конспирологические версии 34
Глава вторая 44
2.1. Модель пропаганды Хомского – Хермана 44
2.2. Модель пропаганды Жака Эллюля 49
2.3. Модель декодирования Стивена Холла 56
2.4. Пропагандистские войны: от социальных сетей и СМИ к телесериалам 60
2.5. Враг как важный элемент системы пропаганды 65
2.6. Интервенции в чужое информационное пространство 70
Глава третья 74
3.1. Эстетика информационного вторжения 74
3.2. Истоки эстетизации информационных и виртуальных потоков 79
3.3. Нарративные машины воздействия 84
3.4. От фонового воздействия до партизанской информационной войны Умберто Эко 89
3.5. Нарративное или нумерическое: медиаархеология о дигитальном будущем 95
Глава четвертая 103
4.1. Традиционные механизмы «гражданских» информационных войн 103
4.2. Новые методы пропагандистского воздействия: будущее уже рядом 107
4.3. Аудитория как товар: из истории канадской коммуникативной теории 113
4.4. Анекдоты и слухи при переходе от книжного мира в мир Интернета 118
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Георгий Почепцов
Пропаганда 2.0

Введение

Информационные технологии меняют не только мир, но и способы воздействия на него. Чем сильнее становятся информационно-коммуникативные технологии, тем большей становится их результативность. И поскольку воздействие может быть не только открытым, но и скрытым, то у человека остается все меньше возможностей ему противостоять. Сегодня практически все строится на информационных и виртуальных интервенциях: от политических выборов и покупок в магазине до рейдерского захвата предприятия и ведения войны. Фильмы и телесериалы захватывают наши мозги в мирной жизни, политтехнологи делают это же во время выборов, а проведение информационных и психологических интервенций обеспечивает результат войны в физическом пространстве.

Усилив информационный инструментарий, человечество почти ничего не сделало, чтобы подготовить к этому население. Робкие слова о медиаграмотности не могут решить проблему. Создав опасность «огня» в информационных потоках, человечество не побеспокоилось об институте новых информационных пожарных того же уровня, что и возможная опасность.

Автор выражает признательность сайту *Детектор. медиа* за многолетнее сотрудничество.

Глава первая
С пропагандой по жизни

1.1. От пропаганды 1.0 к пропаганде 2.0

Во все века люди находятся в рамках действий определенных систем социального управления. Наложенные на них рамки всегда носили внешний характер. Наиболее известны религиозные требования к правильному поведению. Но и просто человеческие объединения начались с достаточно тоталитарных условий. Это так называемые дворцы-государства (см. о них [1–5]). Это был достаточно жесткий мир бедных людей. Поэтому справедливы слова исследователей того периода [3]: «Бедность и молчание могут лучше отражать в любую эпоху человеческие условия, чем богатство и великолепие».

Информация в тот период имела другой статус. С одной стороны, ее было мало, поскольку мир был сужен пределами видимости, знания не передавались, поскольку не было эффективной системы их фиксации. С другой стороны, мир был постоянным и стабильным, изменения проходили мимо него, по этой причине нечего было фиксировать. С третьей – был резко занижен статус человека в низу иерархии, его мнения и интересы были абсолютно несущественными для тех, кто находился наверху иерархии. Это было традиционное общество, где информация не играла большой роли.

Государства-дворцы начались как способ хранения дополнительной сельхозпродукции. Потом произошел их рост, усложнение бюрократии, которая вскоре перестала справляться с управлением большими территориями, людьми и запасами. Как видим, аграрные цивилизации хранят сельхозпродукцию, как информационные – информацию и знания, видя степень своей выживаемости именно в своем типе продукта. Кстати, отсюда следует, что и идеологические цивилизации, примерами которых были тоталитарные государства, не зря повсюду расставляют памятники своих вождей. Они тоже «хранят их от порчи» таким своеобразным способом.

О дворцах-государствах говорят следующее [5]: «На сегодня это самые ранние государства в истории человечества. Устройство их поначалу казалось странным: центр всего – большое сооружение, целый лабиринт каких-то помещений. Постепенно выяснилось, что это разного рода склады – «закрома родины». Некоторые из государств обладали письменностью, плоды которой заполняют часть помещений дворца, – это архивы. Содержание текстов не оставляет сомнения: это инструкции – что, где, когда сеять, жать, доить, сколько чего поставить в закрома и когда, кому, какие строительные и транспортные работы произвести. А также кому сколько из запасов выдать на пропитание, посев, строительство».

Дворцы-государства создавали дворцы для одних и хижины для других. И это распределение труда должно было удерживаться, что делается чаще с помощью меча, чем слова.

Но меч – это тактический вариант управления. Религия же или пропаганда являются стратегическими вариантами. Они не столько заняты фактами, как правилами. И это более важно, поскольку факты являются результатом применения правил. Создав правило, можно получать новые факты. Создав новый факт, все равно не возникнет нового правила.

Примером пропаганды 1.0 являются социальные протесты. Здесь есть случайность, импровизация, несущественность эстетической составляющей. И самое главное – эта пропаганда направлена на дестабилизацию социосистемы. Это по сути своей любители, которые иногда могут побеждать. И тогда звучат слова из перевода Маршака: «Когда мятеж кончается удачей, зовется он, как правило, иначе».

Открытой формой пропаганды 1.0 занимаются и государства, но не отрицательной, а позитивно-ориентированной, в чем особенно преуспели тоталитарные государства, которые вовсю хвалят себя и ругают других. Они не хотят оставлять человека вне себя ни на работе, ни дома. Тоталитарное государство не боится писать СЛАВА КПСС на каждой крыше, поскольку функционирует вне конкуренции. Это как рекламный лозунг ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА в СССР, когда других компаний просто не было.

Пропаганда 2.0 – это пропаганда профессионалов. В этой систематике появляется важная эстетическая составляющая. Это голос Левитана в одной ситуации, приведший к тому, что он стал личным врагом Гитлера, но это и очарование улыбки Татьяны Самойловой или Одри Хепберн в другой. Это телесериалы, где «свои» всегда побеждают «чужих», что, конечно, более приятно, чем если бы все было наоборот. Пропаганда 2.0 никогда не будет проповедовать пессимизм.

Это более рекламный подход, пришедший с развитием рекламы, когда реагирование является более эмоциональным, чем рациональным. А такое реагирование по сути своей автоматическое, в нем нет места разуму. На очарование мы всегда будет реагировать прогнозируемо.

Если в пропаганде 1.0 работало только содержание, то в пропаганде 2.0 работает и эстетическая форма. Именно по этой причине мы и сегодня можем смотреть советские фильмы как сильные с художественной стороны, оставляя возможные идеологические вкрапления без внимания. Да и не все фильмы могли их иметь. Фильм «Офицеры» – да, фильм «Золушка» – нет. Произведения искусства более далекого прошлого тоже имеют идеологическую составляющую, но она еще сильнее закрыта от нас временем.

Государство строит свои системы предупреждения против негативно-ориентированной пропаганды 1.0, по сути пытаясь уловить переход от индивидуального к массовому протесту. Большие массивы людей не могут возникнуть сами по себе без определенной организационной активности, которую и пытается отслеживать государство. Но оно также занято и оценкой развития протестности по социальным сетям (см., например, в России [6–8], в Британии [9—12], см. также презентацию из «утечки» Сноудена [13]).

Пропаганда 2.0 направлена на удержание картины мира, что делается достаточно часто с помощью эстетически ориентированных методов типа телесериалов и кино, поскольку главная эстетика там – визуальная. Если на вербальную эстетику можно еще отвечать рационально, то визуальная эстетика проходит без таких возможностей, она более эмоциональна с точки зрения ее инструментария воздействия.

Такая пропаганда демонстрирует необходимость существования государства и его институтов (армия, полиция, суд) как гарантов стабильности. Практически все «долгоиграющие» символизации (название улиц и площадей, памятники и пр.) направлены на демонстрацию вечности данной власти. Иногда для этого приходится отображать нестабильность на телеэкране, чтобы показать нужность государства как защитника. О государстве как о торговце страхами говорят Рансьер и Павловский.

Пропаганда 1.0 имеет эстетическую составляющую как факультативную, доминирующим сообщением в ней является идеологическая составляющая. Совершенно наоборот построена Пропаганда 2.0, для нее идеологемы уходят на второй план, хотя и присутствуют. Но будучи фоновыми, они уже не воспринимаются так активно, не требуют реагирования на себя. Получатель информации реагирует на первый план, оставляя второй вне реагирования.

Пропаганда 1.0 сталкивается с Пропагандой 2.0 в случае революций. Это столкновение двух нарративов: доминирующего, который удерживается Пропагандой 2.0, и контрнарратива, привнесенного Пропагандой 1.0. В случае победы революции Пропаганда 1.0 постепенно превращается в вариант Пропаганды 2.0. И население снова получает рассказы о правильности теперь уже новой власти.

Пропаганда 1.0 имеет еще одну важную особенность – она строится на понятии Врага, выстраивая если не все, то очень многое вокруг него. Можно предположить, что это отголосок более древних подходов, когда главным противопоставлением было «мы» и «они». Не зря Красная шапочка построена на запрете не разговаривать с чужими. Тем более в прошлом «чужие» были гораздо опаснее.

Сегодня условная партия «Красной шапочки» выходит на борьбу против партии «Волка». В партию-конкурента вписываются все варианты грехов, в то же время партия «Красной шапочки» чиста и идеальна. Но на следующем этапе все опять меняется.

Враг системно очень интересен, ведь даже когда его нет, его системно все равно вписывают, поскольку без него распадется наше привычное бинарное видение мира. Враг прямо и косвенно помогает становлению Героя. Четкость врага помогает в создании такой же четкости героя.

Вот как о враге отзываются исследователи [14]: «Дискурсы о Враге основаны на серии бинарных оппозиций, таких как добрый/ лой, справедливый/несправедливый, виновный/невиновный, рациональный/иррациональный, цивилизованный/нецивилизованный, – что может быть названо плавающими означающими. Как плавающие означающие эти дихотомии не имеют фиксированного значения, но они артикулируются до, во время и после конфликта. Более того, конструирование Врага сопровождается конструированием идентичности самого Себя, которое делается в антагонистическом отношении к идентичности Врага» (см. подробнее о плавающих означающих [15–19]).

Э. Лаклау (см. о нем [20]) в соавторстве с Ш. Муфф воспользовались не только термином «плавающего означающего», но и известным термином А. Грамши «гегемония» (см. взгляд на гегемонию с современных позиций [21]). Ш. Муфф (см. ее био [22]) считает задачей медиа создание полемических публичных пространств, где есть возможность высказывания несовпадающих альтернатив [23]. Правда, при этом такое понимание несколько не совпадает с ее же представлением о медиа как о проводнике гегемонии.

В другом своем интервью она говорит [24]: «В демократии никто не может тотально оккупировать место власти. Тоталитаризм, наоборот, всегда является попыткой сделать это и стараться снова занимать это место. Конечно, пустое место власти всегда кем-то занято, в противном случае у вас не будет политического порядка. Но реальная разница между демократическим и тоталитарным режимами лежит в том, что при демократии эта власть всегда временна и может быть оспорена».

Пропаганда 1.0 может иметь не только негативную, но и позитивную направленность. Памятники Ленина, стоявшие в каждом городе и поселке СССР, имели позитивную ориентацию. Просто идеологическая составляющая здесь стояла на первом месте, в большинстве случаев даже опережая эстетическую. Как в свое время написал Э. Неизвестный о советских памятниках, что их единственной функцией было занять место на площади, чтобы там не появилось что-то иное. То есть занятие физического пространства более важно, поскольку в символическом пространстве конкуренции уже не было из-за доминирования официальной идеологии.

Ж. Эллюль выделял два вида пропаганды: политическую и социологическую [25]. Политическая – нам хорошо знакома, это вертикальная пропаганда, идущая сверху вниз. В нашей классификации это Пропаганда 1.0, которая и вызывает сопротивление получателя, навязывает ему чужую точку зрения.

Социологическая (другими словами, горизонтальная) пропаганда – это влияние того, что человек видит вокруг себя. И, наверное, того, что не видит. По нашему мнению, население приняло перестройку из-за чисто бытовых контекстов. Все советские люди видели в кино или по телевизору, что такое окружает западного человека. Машины, телевизоры, джинсы выступили не в роли реальных объектов, а символов, которые указывали на более высокий уровень

жизни. Эту пропаганду бытом ничем нельзя было опровергнуть. Людям все время говорили, что надо еще немного подождать. И этот лимит времени пришел к концу. Люди хотели того, что *не видели* вокруг себя.

В числе первых обратили внимание на роль пропаганды в современном обществе американские ученые. Г. Лассуэлл как первопроходец, например, оказался столь важен ([26–29]), что от него способны отталкиваться даже создатели контрстратегий революционной пропаганды [30]. В своей теории политической пропаганды Лассуэлл задает пропаганду как менеджмент коллективных отношений с помощью манипуляции значимыми символами [27]. Причем отношения он задает как тенденцию к действию на основании ценностной модели. Развитие современной пропаганды, по его мнению, подтолкнуло быстрое развитие технологических изменений. Это текст 1927 г., а что бы Лассуэлл сказал о роли изменений сейчас? И еще одна фраза из прошлого – «грамотность и физические каналы коммуникации ускорили связи между теми, кто правит, и теми, кем правят». Это вновь описание изменений и сегодняшнего дня, пришедших вместе с Интернетом. А мы можем сделать еще более общий вывод: технические новинки лишь усиливают пропаганду, а не работают против нее.

Пропаганда 2.0 имеет существенный минус в виде необходимости постоянного подключения к ней потребителя. Это легко сделать на ограниченном отрезке времени и гораздо сложнее на длительном (см., например, анализ взаимоотношений зрителя и пропаганды для российского современного телевидения [31–32]). При этом Г. Павловский акцентирует зависимость пропаганды от потребителя информации, а не от ее источника [33]: «Задолго до президентства Путина российское ТВ превратилось в стрессогенный управляемый инструмент. Российская пропаганда, о которой так много говорят, – это удовлетворение массового спроса на *hate vision*. Два года опаснейших импровизаций власти при неизменной поддержке населения России породили миф о всесильной российской пропаганде. Забыто, что *пропаганда – лишь сервис* политики. Она подсказывает тем, кто согласен вас поддержать, все необходимое: слова, нарративы, эмоциональный мотив. Рынок пропаганды в РФ – прежде всего рынок покупателя, а не продавца».

Пропаганда является естественной коммуникацией со стороны государства. Это институциональный поток, который не может быть таким, каким осуществляется межличностное общение. Институты не умеют просить, они лучше умеют приказывать. Когда же они начинают говорить не с отдельным индивидом, а со всеми сразу, у них получается только пропаганда, поскольку идеологический компонент будет присутствовать автоматически.

Литература

1. *Knappett K. a. o*. Continuity and change in Minoan palatial power // www.longwood.edu/staff/isaacsw/MinoanPower.pdf

2. A totalitarian revolution in ancient China // www.worldfuturefund.org/History/China/chinaancientotal.htm

3. *Thomas C. G., Conant C*. Citadel to City-state: The Transformation of Greece, 1200—700 B. C. E. – Bloomington, 1999

4. The Mycenean collapse // blogs.brown.edu/arch-0420-2014-spring-s01/ 2014/02/11/the-mycenaean-collapse

5. *Дольник В*. Естественная история власти // www.follow.ru/article/269/2

6. *Григорян А.* Новая электронная система оповестит о готовящихся беспорядках // izvestia.ru/news/584958

7. Кто собирается в соцсетях предупреждать беспорядки в России // www.dw.de/%D0%BA%D1%82%D0%BE-%D1%81%D0%BE
%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F-%D0%B2-

%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%81%D0%B5%D1%82%D1%8F%D1%85-%D0%BF
%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%83%D0%BF
%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%BF
%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-
%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/a-18367703?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml

8. Евгений Венедиктов: это война каждого // portal.nov.ru/intervyu/item/ 5749-evgeniy-venediktov-eto-voyna-kazhdogo.html

9. Squeaky Dolphin // en.wikipedia.org/wiki/Squeaky_Dolphin

10. Snowden docs reveal British spies snooped on YouTube and Facebook // investigations.nbcnews.com/_news/2014/01/27/22469304-snowden-docs-reveal-british-spies-snooped-on-youtube-and-facebook

11. *Kelion L.* Snowden leaks: GCHQ 'spied on Facebook and YouTube' // www.bbc.com/news/technology-25927844

12. *Smith C.* There may be a 'Squeaky dolphin' permanently snooping on your YouTube, Facebook habits // news.yahoo.com/may-squeaky-dolphin-permanently-snooping-youtube-facebook-habits-045929605.html

13. Psychology: a new kind of Sigdev // msnbcmedia.msn.com/i/msnbc/Sections/NEWS/snowden_youtube_nbc_document.pdf

14. *Carpentier N.* The ideological model of war. Discursive mediations of the Self and the Enemy // www.researchgate.net/publication/228503953_The_ideological_model_of_war._Discursive_mediations_of_the_Self_and_the_Ene

15. Floating signifier // en.wikipedia.org/wiki/Floating_signifier

16. *Carpentier N. a. o.* Bringing discourse theory into media studies // iksz.fsv.cuni.cz/IKSZ-16-version1-discoursetheory_carpentier_decleen.pdf

17. *Dabirimehr A. a. o.* Laclau and Mouffe's theory of discourse // jnasci.org/wp-content/uploads/2014/12/1283-1287.pdf

18. *Rambeli F.* Floating signifiers: the plural significance of the Grand Shrine of Ise and the incessant re-signification of Shinto // shinku.nichibun.ac.jp/jpub/pdf/jr/JN2709.pdf

19. *Iuul C.* Constitution of Israel. A discursive construction of Israel's national identity // projekter.aau.dk/projekter/files/14964989/final_document_med_forside.doc

20. Ernesto_Laclau // en.wikipedia.org/wiki/Ernesto_Laclau

21. *Лестер Дж.* Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание // www.politnauka.org/library/classic/leyster.php

22. Шанталь Муфф // 2nd.moscowbiennale.ru/ru/mouffe1

23. *Carpentier N. a. o.* Hegemony, democracy, agonism and journalism. An interview with Chantal Mouffe // www.dr-chill.webspace.virginmedia.com/publications/2006_Interview_Mouffe.pdf

24. *Decreus T. a. o.* Hegemony and the radicalization of democracy. An interview with Chantal Mouffe // lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/313715/2/Hegemony+and+the+Radicalisation+of+Democracy.+An+Interview+with+Chantal+Mouffe.pdf

25. *Ellul J.* Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973

26. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. – М.—Л., 1929

27. *Lasswell H. D.* A theory of political propaganda // colectivonovecento.files.wordpress.com/2012/09/lasswell-the-theory-of-political-propaganda.pdf

28. *Лассвелл Г.* Язык власти // www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm

29. Lasswell and Lippmann on propaganda // culturalapparatus.wordpress.com/walter-lippmann/propaganda

30. *Tugwell M. A*. J. Revolutionary propaganda and possible counter-measures // www.nationalsecuritylaw.org/files/pubs/Tugwell.pdf

31. *Гудков Л*. Об эффективности пропаганды в России. Интервью // www.levada.ru/2015/12/16/lev-gudkov-ob-effektivnosti-propagandy-v-rossii

32. *Гончаров С*. Россияне не верили, но продолжали смотреть телевизор // gefter.ru/archive/17049

33. *Павловский Г*. Финал и проблема трансформации Системы РФ // gefter.ru/archive/17065

1.2. Перестройка как пропаганда 2.0

Перестройку мы можем трактовать как Пропаганду 2.0, поскольку ее идеологические цели по разрушению СССР были спрятаны. Пропаганда 1.0 является самой «прозрачной». Свои позитивные или негативные цели она не прячет от массового сознания. Не прячется и авторство в формулировании этих целей.

Пропаганда 2.0 на первое место выносит вроде бы эстетическую составляющую, но она не теряет интереса и к идеологической, просто она носит более мягкий характер, влияя на порождение позитивных эмоциональных реакций.

Пропаганда 2.0 свою идеологию прячет за чужой. Горбачев или Яковлев призывали к Ленину, а шли к тому, чтобы скинуть его с пьедестала. Свои цели пропаганда 2.0 не раскрывает никому до своего завершающего этапа, потому что в противном случае этого завершающего этапа может и не быть.

Перестройка во многом сделала мир обратным тому, каким он был до этого. Даже если признать правильность этого нового мира, неправильным был шоковый поворот, о котором никто не спросил население. Когда люди очнулись от действия пропаганды, они оказались в другой стране.

Вероятно, и так называемый августовский путч был также элементом этого перехода и продумывался теми же конструкторами. Он призван был маркировать переход власти от Горбачева к Ельцину, предоставив для Ельцина нужные для этого героические контексты. В любом случае считается, что путчем руководили с двух сторон: как сами путчисты, так и те, против которых он был направлен. Именно по этой причине путч имел скорее вид спектакля, чем реальности. Его угрозы носили символический характер, там не было стрельбы по Белому дому, подобной той, которую провел в 1993 г. Ельцин.

Перестройка также имела более длинную предысторию, чем нам рассказывали. Уже постфактум А. Яковлев, именуемый друзьями и врагами «архитектором перестройки», рассказал следующее [1]: «После XX съезда [напомним, что двадцатый съезд был в 1956 г. – *Г. П.*] в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, а либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культа личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна».

То есть перед нами та схема разрушения, которая и была задействована перестройкой. Первый этап шел под лозунгом, что Ленина извратил Сталин и другие, поскольку у самого Ленина было не так. А далее и сам Ленин оказался плох. Первая часть шла под цитатами Ленина, тогда как вторая под обвинениями Ленина.

Когда делается такой сложный проект, то его нельзя сделать в одночасье. Должны запускаться процессы первого порядка, которые через некоторое время сами запустят процессы второго порядка. И никто уже не будет способен их остановить. Таким примером может служить ГЛАСНОСТЬ, которая часто становилась почему-то чуть ли не синонимом ПЕРЕСТРОЙКИ.

ГЛАСНОСТЬ позволяла открывать те информационные потоки, которые до этого было просто невозможно себе представить. При этом некоторые тексты ждали своего часа, чтобы быть запущенными позже.

На этом фоне не совсем обычной выглядит реакция «архитектора перестройки» Яковлева на фигуру Андропова, которого часто тоже подают как создателя перестройки. Отвечая на свой собственный вопрос, как отметить юбилей Андропова, Яковлев говорит [2]: «Я бы предложил выпустить роскошно изданную книгу, состоящую из двух частей. В первой части – донос второго секретаря Карельского обкома КПСС Андропова на первого секретаря того же обкома Куприянова. В своем доносе тов. Андропов извещал вышестоящее партийное начальство о неправильной партийной линии, которую проводит тов. Куприянов, о его действиях и высказываниях, противоречащих партийным установкам… Куприянов был тогда арестован и провел в лагерях 10 лет. А первым секретарем обкома стал тов. Андропов. Много позже выяснилось, что его донос состоял из сплошного вранья. Куприянов был реабилитирован. А вторая часть этой книги – письмо председателя КГБ СССР Андропова в Политбюро ЦК КПСС «об антисоветской деятельности» Сахарова и Солженицына. И его регулярные докладные записки в то же Политбюро об инакомыслящих. О том, что они враги народа, что они занимаются подрывной деятельностью против социализма, подрывают доверие граждан СССР к коммунистической партии и к той правде, которую партия несет народу».

Не менее активно Яковлев борется с Андроповым на страницах своей книги «Сумерки» [3]: то в 1968 г. Андропов внес предложение о возобновлении глушения радиоголосов, то Андропов твердо стоял на позициях сталинизма, то Андропов четко делил партию на большевиков и коммунистов, и Арбатов, например, был только коммунистом, но не большевиком.

Так что между «архитекторами перестройки» совершенно нет согласия. Тем более, что Ф. Бобков, причем не он один, утверждает, что перестройку начал Андропов [4]. У него есть также четкая версия о событиях в Тбилиси, отличавшаяся от официальной версии: «Помните Тбилиси в годы наибольшей активности там Гамсахурдии с его лживыми россказнями о зверствах советских солдат, якобы применявших против тамошних демонстрантов саперные лопатки? Сегодня-то мы знаем, что люди там погибли не от ударов саперными лопатками, а от удушения в давке на площади».

И представления о перестройке по-андроповски не очень впечатляют, поскольку Бобков описывает это следующим образом: «Укрепление социалистического государства, а уж никак не его ослабление. По сути, весь план Юрия Владимировича Андропова состоял в том, чтобы все, начиная с руководителей партии и государства, занимались делом. Он лично ездил на предприятия и постоянно, непосредственно призывал к этому людей. Главный способ этой перестройки Андропов видел в укреплении трудовой дисциплины, к этому он и стремился. А не к тому, чтобы граждане бесконечно мотались по заграницам и от чего-то там отдыхали – вместо того чтобы нормально, плодотворно трудиться в своей стране».

Однако в другом интервью Бобков признает, что плана Андропова вообще-то не знает [5]: «Я не могу вам этого сказать, потому что я этого плана не знаю, что это за план вообще? О нем там разговоров много».

Правда, остается еще вариант, что план мог быть в головах других людей, которые общались с Андроповым, в число которых Бобков мог не входить. А по воспоминаниям этих других людей, в том числе и по работе в ЦК, все время проскальзывает его наставление подчиненным – не выносить наружу внутренние разговоры.

В другом интервью Ф. Бобков утверждает [6]: «Он мне говорил, что мы должны разобраться в том, какой у нас социализм. Что, наверное, в социализме у нас можно и нужно что-то корректировать, поправлять, модернизировать, развивать, но ведь другого социализма в мире нет, и никто не знает, каким он должен быть в идеале… А потому нам надо разобраться, что

у нас есть, и идти дальше. Именно так поступает первопроходец. Перестраивать социализм Андропов не собирался».

Сначала в Интернете прозвучал план «Голгофа» как секретный план перестройки, где М. Любимов говорит о такой задаче, поставленной Андроповым [7]: «Любовь к социализму вырастет у нас из ненависти к капитализму. Поэтому вам поручается составить план внедрения капитализма в СССР, причем не мягкого, шведского социал-демократического типа. Мы должны ввергнуть страну в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей».

Сегодня его уже заменили на план Андропова – Путина [8]. Если добавить сюда отсутствие реальной достоверности всего этого, то возникает ощущение, что это просто один из вариантов собственного желания массового сознания внести упорядоченность в окружающую систему хаоса. Если движение идет по плану, значит, будет хороший конец этого движения.

А взаимоотношения между Андроповым и Яковлевым могли опираться еще и на то, что не только Крючков приходил к Горбачеву с докладом, что Яковлев является западным агентом влияния. Оказывается, и Андропов пытался рассказать об этом Брежневу. Вот как В. Чебриков пересказывал слова генерала Питовранова: «Я помню такой случай. Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что Яковлев по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочел и сказал: “Член ЦРК (Центральной ревизионной комиссии КПСС) предателем быть не может”. Андропов при мне порвал эту записку». «Юрий Владимирович не согласился с Брежневым, – вспоминал Питовранов, – но в споры не полез» [9].

А. Яковлев дал по этому поводу несколько интервью, в которых пытался опровергнуть В. Крючкова, говоря, что тот «всегда был мастером провокаций» ([10–11], см. также дополнительную информацию об этих обвинениях [12–13]).

Есть множество иных нестыковок. В своих воспоминаниях «Сумерки» А. Яковлев упоминает, что просил премьера Канады принять М. Горбачева, на тот момент секретаря ЦК по сельскому хозяйству, на самом высоком уровне. На вопрос «почему?» он ответил, что это будущий руководитель страны. Это очень странный факт: откуда Яковлев мог знать или догадываться об этом, ведь визит был в мае 1983-го?

В интервью 2000 г. Яковлев рассказывает, как происходило избрание Горбачева генсеком и о роли Громыко в этом избрании [14]. Оказывается, у Гришина уже были заготовлены заявления от имени генерального секретаря. А слабой стороной Щербицкого он считает отсутствие у него теоретических выступлений. Вот когда вышла статья Андропова о Марксе, ее обсуждали даже в Канаде, хотя автором ее был Р. Косолапов. И самое интересное – успех визита Горбачева в Великобританию, по мнению Яковлева, был предопределен успешностью его канадского визита: вместо одной запланированной встречи с премьером Трюдо у него их было целых три. При этом Яковлев забывает упомянуть, что по другим источникам Щербицкий вообще не смог прилететь на пленум вовремя, поскольку вылет его самолета задержали в США на четыре часа.

Интересно, как М. Полторанин характеризовал А. Яковлева в своем телеинтервью [15]: «Он, Яковлев, был тогда послом Советского Союза в Канаде, и он, уже воспитанный Тэтчер, стал у Яковлева спрашивать, ну, что же делать, и тот ему начал говорить, что надо все ломать, эту систему, эту империю. Причем это он был злой, Яковлев, на эту империю, на свою родину, да. Я до сих пор не понял, почему этот человек из Ярославской глубинки так ненавидел страну нашу. Потому что именно Яковлев тогда начал эти… мазохизмом заниматься по… против Советского Союза».

Такие же вопросы возникают и по поводу известного визита М. Горбачева к М. Тэтчер, по результатам которого она сообщила, что с Горбачевым можно иметь дело. В 2014 г. открылись британские архивы по поводу этого визита. И здесь также возникают вопросы [16–17]. К этому визиту часто употребляли слово «смотрины», но смотрины бывают перед теми, у кого есть влияние на назначение. Непонятно, какое влияние могла иметь Тэтчер? Причем в этих

рассекреченных документах есть указание ее советнику по внешнеполитическим делам: «Не приглашайте мистера Черненко. Это слишком рано». А Черненко тогда был генеральным секретарем.

И советник написал ей по поводу ее возможного слова за ланчем: если шутки будут возможны, то воспользоваться следующей. В одном из писем Энгельсу в мае 1868 г. Маркс вспоминал слова матери: «Лучше бы Карл сделал себе Капитал, чем просто писал об этом».

Кстати, во время этого визита Горбачев не посетил памятник Марксу, как это всегда было в таких случаях, а сослался на нехватку времени, но зато успел поехать заказать себе несколько костюмов в мастерской, обслуживающей королевскую семью [18].

В результате все обошлось удачно. Визит был в декабре 1984-го, а в марте 1985 г. Горбачев был избран генеральным секретарем. Обычно считается, что продвижением Горбачева наверх занимался Андропов. Понятно, что не для того, чтобы отдать ему власть, к которой стремился сам.

Однако В. Крючков отрицает помощь Горбачеву со стороны Андропова, говоря следующее [19]: «Андропов Горбачева к власти не продвигал, хотя действительно поначалу был не против его перевода из Ставрополя в Москву секретарем ЦК. Инициатива перевода исходила от Кулакова и Ефремова, а Брежнев, Суслов и Андропов просто поддержали его кандидатуру. А потом, Горбачев до Москвы был совершенно другим и проявил себя только тогда, когда получил всю полноту власти. Именно полновластие оказалось той лакмусовой бумажкой, которая показала истинное лицо Горбачева. И все-таки где-то месяцев за восемь до кончины Андропов в нем разобрался и стал отпускать довольно-таки нелестные характеристики: говорил, что Горбачев – торопыга, спешит, нет ни в чем основательности: “Словом, не тот человек!”

А о Яковлеве Андропов вообще был отрицательного мнения: «Шеварднадзе, с которым мы как-то летели в самолете из Кабула, резко отрицательно высказался о Яковлеве. А сам Андропов, будучи уже Генеральным секретарем, вообще назвал Яковлева проходимцем и сказал мне лично: “Что он думает на самом деле, ни черта не поймешь! Неоткровенный человек…”».

По свидетельству П. Шелеста, Брежнев поручал Яковлеву определенную секретную миссию [20]. Сделать так, чтобы визит Шелепина в Британию был неудачным. Так и произошло, что позволило Брежневу впоследствии убрать Шелепина с поста главы профсоюзов. И такой же пример по обеспечению восприятия на Западе снятия Хрущева: «будущий «архитектор перестройки» обеспечивал, как бы сейчас выразились, «позитивный пиар» снятию Никиты Хрущева с высшего государственного поста. Выполняя личное поручение Брежнева, Яковлев проинформировал ряд западных послов о том, что якобы Хрущев собирается изъять из Конституции СССР положение о добровольном выходе из Союза республик. Тогдашнее присоединение Карело-Финской ССР к Российской Федерации он выдал за начало «централизации» Союза. А на Западе между тем уже в те времена планировали развалить Советский Союз через выход из него союзных республик. Так что внезапное снятие «централизатора» Хрущева обошлось без ненужного зарубежного резонанса».

Вспомнилось и то, что Яковлеву в тот период также было поручено написать статью о будущем снятии Хрущева. Вот рассказ самого Яковлева [21]: «К вечеру 12 октября меня пригласил к себе Суслов и начал неожиданный для меня разговор о Хрущеве. Необычность темы и характер сусловских рассуждений привели меня в некоторую растерянность. Я был в то время всего-навсего заведующим сектором, каких в ЦК было больше сотни. А Суслов – второе лицо в партии. В голове вертелась всякая ерунда. Суслов тихим, скрипучим голосом говорил, что послезавтра состоится пленум ЦК, на котором будет обсуждаться вопрос о Хрущеве. Сразу же после пленума в газете должна быть опубликована передовая статья. Суслов сказал, что мне поручается написать проект такой статьи.

Наступила пауза. Воспользовавшись ею, я спросил:

– Что может и должно быть в основе статьи?

Суслов помедлил минуту, а затем сказал:

– Побольше о волюнтаризме, нарождающемся культе, о несолидности поведения первого лица в государстве за рубежом…

И замолчал, задумался. Прошло какое-то время, для меня оно казалось бесконечным. Наконец Суслов начал рассуждать о том, что надо посмотреть, как поведет себя на пленуме Хрущев. Затем добавил:

– Вы сами знаете, что делал Хрущев, вот и пишите. Завтра я буду на работе в восемь часов утра. Текст передадите в приемную в рукописном и запечатанном виде. Ильичев в курсе дела. Все.

На свое рабочее место я возвращался в большом смятении. Мысли путаные, какие-то суетливые… Что-то будет – ведь речь шла о творце антисталинского доклада на XX съезде, вокруг которого, не переставая, происходила политическая борьба в партии. Вернулся к себе и понял, что в отделе уже знают, что я был у Суслова. Это считалось большим событием. Начались расспросы. Но по моему озабоченному лицу, видимо, можно было понять, что речь шла не о повышении по службе».

В результате статья не очень понравилась самому Яковлеву, но в речи Суслова на пленуме он услышал несколько знакомых фраз. В результате мы снова попадаем в необъяснимую ситуацию. Пленума еще нет, это большой секрет, а писать о нем должен человек, занимающий достаточно низкую ступеньку иерархии. Почему Суслов мог ему поверить? Что-то явно остается недосказанным нам.

В. Фалин говорит не только об обвинениях против Яковлева, но и некоторые также странные вещи о пражской весне 1968 г. [22]: «Вместе с помощниками генсека А. М. Александровым и А. И. Блатовым мне было поручено отслеживать развитие событий, чтобы дважды-трижды в день информировать Л. И. Брежнева. Когда аргументы против силового решения перевешивали в наших докладах доводы «за», генсек ворчал: «Вам не все известно». Естественно, многие детали мы не знали. Кто управлял «весной»? Одна штаб-квартира находилась в Париже, другая в Цюрихе. Много времени спустя я узнал, что 16 августа 1968 г. сам Дубчек в телефонном разговоре с Брежневым просил вводить войска Варшавского договора в Чехословакию. Позже он всячески открещивался от этого разговора».

Перестройка стала еще одним примером скрытой пропаганды, только теперь одна идеологическая компонента пряталась за другой – просоветской, ведь все, начиная с Горбачева, выступали на тему восстановления ленинского начала. Пропаганда 2.0 обманула всех, как и планировалось.

Естественно, были и другие составляющие этого процесса. Вероятно, важными составляющими были разные «кланы» внутри ЦК. С одной стороны, Суслов и идеологи с пропагандистами, куда относился и Яковлев. С другой – международный, куда относился Андропов. Но Яковлев как двойной специалист – и пропаганды, и международного дела – смог стать полезным для Горбачева, заинтересовавшегося в Канаде отнюдь не сельхозотделами, за которые он отвечал. Горбачев в принципе мог быть фигурой, которую вели куда нужно, играя на его самовлюбленности. Кстати, как только Горбачев выполнил свою роль, его сразу отстранили от всех дел, все в свои руки взял Ельцин. И А. Яковлеву также не нашлось места за начальственным столом.

Перестройка оказалась успешной еще и потому, что Горбачев и Яковлев развернули всю «идеологическую артиллерию» КПСС в обратную сторону. Это равноценно тому, что если бы артиллерия на фронте вдруг развернулась и принялась обстреливать свои тылы. А. Кудрин сегодня четко заявляет, что при Ю. Андропове перестройка была бы невозможна [23]. То есть получен ответ на то, что перестройку начал именно Андропов.

Сегодня и население не столь четко приветствует перестройку. Вот ответы на опросы Левада-центра, где 55 % опрошенных в 2015 г. говорят, что перестройка принесла больше вреда, чем пользы [24]:

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ОБЪЯВЛЕННАЯ В 1985 ГОДУ ПОЛИТИКА «ПЕРЕСТРОЙКИ» ПРИНЕСЛА В ЦЕЛОМ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ – ИЛИ БОЛЬШЕ ВРЕДА? (%)

	апр. 05	мар. 06	мар. 10	мар. 11	мар. 13	мар. 14	мар. 15
Больше пользы	20	16	26	16	19	23	24
Больше вреда	70	67	57	56	60	56	55
Затрудняюсь ответить	10	17	17	28	21	21	21

В своих воспоминаниях А. С. Черняев рисует не очень приятный образ Брежнева, что создает единственный вариант решения всех проблем СССР – Горбачев [25]: «Упадок шел по всем линиям – экономической, политической, идеологической, обнаруживал себя в ментальной и возрастной деградации на высших этажах власти (…). Симптомы разложения учащались. КГБ докладывал не только о диссидентах и эмигрантских настроениях, но и о забастовках то здесь, то там, о микробунтах, о попытках мятежей, в том числе с национальной окраской. Опасным для режима (в свете нашей предреволюционной истории, когда произошел открытый разрыв между властью и наиболее культурным элементом общества) было то, что от него отшатнулась интеллигенция – не только убежденные антисоветчики типа Солженицына, а обычная, обывательская, рядовая. Уже мало кто считал советскую (социалистическую) власть “своею”. Дело могло кончиться всесоюзным “Новороссийском”, и не обязательно с таким же результатом, как у Хрущева в 1962 году. Альтернативой было нечто подобное тому, что предложил Горбачев. Именно такого типа лидер был неизбежен. Ибо назрело (и перезрело, как и 100 лет назад) раскрепощение, которое давало надежду и возможности. А что получилось, это уже другой вопрос».

Но и Черняев здесь также в последнем предложении демонстрирует свое понимание того, что планируемого результата не получилось. Кстати, этот же соцопрос Левада-центра демонстрирует, что к Горбачеву безразлично относятся сегодня 44 % россиян, с раздражением – 11 %, с неприязнью – 14 %, с презрением – 4 %, с ненавистью – 7 %. Понятно, что ни одна трансформация не была бы возможной, если ориентироваться на мнение людей, но все же такой объем негатива вряд ли мог собрать кто-либо другой.

Неизбежность трансформации СССР привела к тому, что пошли по пути, который не дал позитива. Во многом это связано с тем, что те типы управленцев, которые взялись за это дело, особенно сидевшие наверху, не имели нужного опыта управления, не руководствовались тем, что могла предоставить даже слабая на тот момент гуманитарная наука.

Более того, сегодня можно встретить достаточно странные воспоминания о А. Яковлеве, который, вероятно, был более сильной фигурой, продвигавшей перестройку, чем даже сам М. Горбачев. Вот слова С. Чернышева, отражающие воспоминания о Яковлеве в том времени [26]: «Несколько людей, которым я доверял, говорили мне, чтоб я ничего из писанного им не читал, не касался и вообще обходил его стороной. В это время мы просто пытались донести какое-то содержание до начальников, и люди, с которыми имели дело, – это Загладин, Бессмертных, Бобков, Каменцев – все в какой-то форме намекали, что к этому человеку лучше не приближаться и вообще с ним дела не иметь никогда – ничего не объясняя. Не в том дело, что он плохой. Все просто относились к нему, как к черной дыре, и нам советовали, чтобы через него документы никакие не шли, чтобы он вообще не узнал ничего про наши планы. Я как-то верю людям, если к ним проникся, верю. И поэтому для меня он был просто какой-то запретный

человек. Ну, типа палача. Не ходи туда, там плохо. Я никогда этого потом не анализировал. Потом все его за что-то ругали, обличали – я тоже этого не читал».

Есть также альтернативное понимание и Н. Хрущева, из которого оттепель тогда следует не как случайная флуктуация, а как вполне системный переход. Музыкант и продюсер О. Нестеров видит его роль как дирижера, который не столько руководит, сколько вдохновляет оркестр [27]: «Все, что мы знаем про Хрущева, было вброшено до его отставки года за два. И тому был определенный заказ. Нужно было Хрущева зачморить, потому что нужно было Сталина немножко вытащить. Как жить стране и народу, когда народ узнает, что его отец родной – серийный убийца? Как существовать человеку, который всю жизнь думал, что его папа – прекрасный человек, герой и титан, а потом оказалось, что он просто серийный убийца? Как жить? И наша власть тогда подумала, что для всех будет лучше, если мы как-то так плавно вернем доброе имя тирану. Поэтому важно было объяснить, что вот этот парень, Хрущев – дурачок лысый, который совершает странные поступки. Мы очень мало знаем про Хрущева. Мы воспринимаем то время, как эру кукурузника и эру анекдотов. Но мы не знаем, какой, например, была последняя фраза, которую Хрущев сказал Эрнсту Неизвестному. Он сказал так: «Желаю, чтобы вас победил ангел». Как вам такая фраза от Хрущева, который в Бога не верил?».

Отсюда тогда может вытекать и роль малых дел, которые могут породить большое событие. Например, сценариста Г. Шпаликова рассматривать как предтечу перестройки [28]. Кстати, О. Нестеров метафорически предлагает различать «лампочки» и «экран», видя первичной именно роль «лампочки». В этом плане, например, он говорит о фильме «Доживем до понедельника» следующее: «Для меня очень интересен пример Ростоцкого и его фильма «Доживем до понедельника». Ростоцкий ведь снял такой важный и такой антисоветский фильм, что его показывали в Советском Союзе по несколько раз в год без всяких купюр…». Он подчеркивает, что это фильм не про школьников, а про очень важные вещи.

Отсюда следует и то, что прошлое не понято и не пройдено нами, поэтому эти ситуации повторяются бесконечно в каждом якобы новом времени. Нам сказали, что была «оттепель», потом говорят, что ее не было. Нам сказали, что это «перестройка», потом оказывается, что ее не было. Мы постоянно держим в голове не свой собственный опыт, а то, что нам рассказали об этом периоде с экрана другие люди.

Все это имеет существенные последствия. В результате не происходит адекватного освоения этого прошлого, когда главными механизмами становятся не люди, а телевидение, которое порождает и удерживает старый советский образец, о чем справедливо написал Б. Дубин [29]: «Конструирование такой картины, по признанию самих респондентов, в особенности – молодых, то есть, процесс репродукции ключевых для страны образов и значений «истории» с годами все более осуществлялся средствами телевидения и демонстрируемого по телевизору кино, как советского образца, так и позднейших, уже современных кондиций. Так что делиберализация и неотрадиционализация коллективного сознания с помощью новейших медиа в передачах вроде «Старых песен о главном» и им подобных разворачивалась в интересах авторитарной власти и имела, среди прочего, статусно-коммерческую мотивацию со стороны «новых распорядителей» – молодых менеджеров ТВ, политтехнологов, советников и другой интеллектуальной обслуги. Тем самым, мотивация и средства этого процесса были современными и даже архисовременными, тогда как тактика и результаты – неоархаическими».

Конструирование и поддержание советской модели мира имеет множество последствий, одно из которых назвал режиссер А. Герман, объясняя причины своего обращения к Стругацким [30]: «Появилась несправедливость, которая казалась нам преодолимой в 1986–1987 годах».

Постсоветские власти в принципе выстраивают свою нужность для населения не в области медицины, образования, науки, от поддержания которых они давно отказались, а исключительно в сфере безопасности. Е. Шульман, к примеру, говорит [31]: «Власть «продает» угрозы,

чтобы потом продать себя как спасителя от этих угроз. Это то, что можно назвать «минус-услуга»: то есть я не оказываю вам услугу, а спасаю от условного большего зла. При этом, может, этого большего зла и не было в перспективе». Про феномен продажи страхов как функции современного государства говорят многие ученые.

Понимание окружающего мира не становится многообразным, а сжимается до уровня образцов, транслируемых телевидением. И это создает совершенно беспрецедентные возможности для пропаганды. Однако странным образом пропаганда все время возвращается к старым образцам воздействия, возрождая те же модели врагов, которые были раньше. В этом плане Д. Асташкин вполне справедливо констатировал [32]: «Мир изменился, пропаганда – нет».

Перестройка опиралась на коммуникативный инструментарий: занимаясь переименованием в системе виртуального мира. Первые секретари стали президентами, улицы и площади Ленина улицами и площадями Независимости. Дольше всех продержались на сцене памятники Ленину, которые в конце концов были убраны. Соответственно враги народа (Троцкий, Бухарин и др.) стали «друзьями» народа. Правда, улицы и площади не были названы их именами, что говорит о том, что их использовали не ради спасения истории, а ради разрушения советского основания.

Литература

1. *Яковлев А.* Большевизм – социальная болезнь XX века // www.agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm

2. *Яковлев А.* Кумир из «органов». Интервью // media.alexanderyakovlev.org/personal-archive/packs/784/903

3. *Яковлев А. Н.* Сумерки. – М., 2005

4. *Бобков Ф.* Перестройку начал Андропов // file-rf.ru/analitics/534

5. *Бобков Ф.* Интервью на «Дожде» // tvrain.ru/articles/byvshij_pervyj_zampred_kgb_filipp_bobkov_o_shodstvah_putina_i_andropova_vysylke_brodskogo-357733

6. *Бобков Ф. Д.* Перестраивать систему Андропов не собирался. Интервью // old.redstar.ru/2005/11/25_11/5_01.html

7. *Любимов М.* Операция «Голгофа». Секретный план перестройки // www.lib.ru/POLITOLOG/lubimow.txt

8. *Карцев Д.* План Андропова – Путина. Как чекисты получили контроль над страной // rusrep.ru/article/2012/10/31/kgb

9. *Жирнов Е.* «У посла Яковлева появлялись новые дорогие вещи, и он утверждал будто это подарки знакомых» // www.compromat.ru/page_17617.htm

10. *Яковлев А.* Как я был американским шпионом. Интервью // www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009479

11. *Яковлев А.* Пора и власть употребить. Интервью // www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009458

12. *Корольков И.* Лопнувшее дело // www.yeltsincenter.ru/author_comment/release/lopnuvshee-delo

13. Коктейль Полторанина. Тайны Ельцинского закулисья // nanobeton.by/lib/horoshego-prosmotra-vsem/koktejl-poltoranina-tajny-elcinskogo-zakulisja-ch-165.html

14. «Он хотел обвести партию вокруг пальца». Интервью А. Яковлева // Коммерсант – Власть. – 2000. – 14 марта

15. Интервью с Михаилом Полтораниным // www.yeltsincenter.ru/decryption/intervyu-s-mikhailom-poltoraninym

16. *Bowcott O.* Thatcher's courting of Gorbachev laid bare in top secret file // www.theguardian.com/uk-news/2014/jan/03/thatcher-courting-gorbachev-top-secret-file

17. О чем говорили Горбачев и Тэтчер 16 декабря 1984 г. // www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/01/140103_history_uk_archive_gorbachev

18. «Горбачев всегда скрывал свое настоящее лицо». Интервью с А. Островским http://www.km.ru/front-projects/gkchp/gorbachev-vsegda-skryval-svoe-nastoyashchee-litso

19. Неизвестный Андропов. Часть первая // archive.today/20120802161233/www.izvestia.ru/hystory/article3129728

20. *Филин Г.* Александр Яковлев: двойной агент или честный пособник западных разведок? // versia.ru/aleksandr-yakovlev-dvojnoj-agent-ili-chestnyj-posobnik-zapadnyx-razvedok

21. *Яковлев А.* Омут памяти // mreadz.com/new/index.php?id=291542& pages=65

22. *Фалин В.* Как и почему Горбачев простил Яковлеву сотрудничество со спецслужбами США // www.regnum.ru/news/polit/1475019.html

23. *Берец С.* Горбачев и Кудрин: России нужна новая перестройка // www.bbc.com/russian/russia/2015/05/150528_perestroika_report_reax

24. Роль «перестройки» в истории страны // www.levada.ru/22-04-2015/rol-perestroiki-v-istorii-strany

25. *Черняев А. С.* Из воспоминаний: Брежнев и Горбачев // www.politstudies.ru/files/File/2012/3/14.pdf

26. *Павловский Г., Чернышев С.* Жизнь длиною с ладонь // gefter.ru/archive/16921

27. *Нестеров О.* Правда рано или поздно победит. Интервью // www.svoboda.org/content/article/27267727.html

28. Из жизни планет // www.planetslife.ru

29. *Дубин Б.* Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых» // ecsocman.hse.ru/data/2012/ 02/01/1269086589/2011_2_10.pdf

30. *Герман А.* Трудно быть Стругацкими. Интервью // Известия в Украине. – 2010. – 27 августа

31. *Шульман Е.* Если природа режима основана на продаже ресурсов, общество ему только мешает. Интервью // paperpaper.ru/shulman

32. *Асташкин Д.* Имперский континуитет в послевоенной советской пропаганде // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2015. – № 1

1.3. Первые работы по советологии в РЕНД

Начиная с 2008 г. появился проект Минерва по привлечению специалистов в области социальных наук к проектам военного ведомства. Р. Гейтс, на тот момент министр обороны США, сказал, выступая на Ассоциации американских университетов, что они готовы финансировать и совершенно новые науки, которых еще нет, как это случилось в свое время с появлением теории игр и советологии, которые возникли в ответ на военный запрос [1]. А эти науки как раз и возникли в корпорации РЕНД, которая долгие годы была основным think tank'ом Пентагона.

Проект Минерва был встречен не так однозначно академической общественностью, особенно бурно протестовали антропологи. Это, вероятно, было еще связано и с тем, что они уже оказались вовлечены в военные дела, поскольку в это время возникло понятие человеческого пространства войны, куда их активно стали подключать.

РЕНД была первой такой структурой, где использовались социальные науки для решения военных задач послевоенного времени. Отмечаются две причины того, что именно РЕНД стала организацией «социальной науки холодной войны» [2]:

– РЕНД смогла воплотить в своей работе новые требования междисциплинарности;

– специалисты по социальным наукам в РЕНДе трансформировали политологию в науку, опирающуюся на квантитативный анализ и на общепринятые теории.

Большинство ученых, пришедших в РЕНД, до этого работали в области психологической войны, так что их интересовали прикладные проблемы и они имели опыт качественного анализа, а также, что в этих условиях было немаловажным, имели допуск к секретным материалам.

Практически все наиболее интересные работы советологов периода конца пятидесятых – начала шестидесятых вышли отсюда. Мы можем считать, что и сама эта дисциплина сформировалась именно в РЕНДе. Советология должна была быть принципиально прикладной дисциплиной, в то же время академическая среда всегда больше склонна к теории, чем к практике. Более объективные методы анализа и способность решать конкретные практические задачи характеризует во многом другой тип наук, чем тот, который изучается в исследовательских институтах и преподается в университетах.

Политическая составляющая общества была во многом «задавлена» в СССР, если понимать политическое как удержание альтернативного и выбор из альтернативного. И хоть Андропов говорил, что они наказывают не за «инакомыслие», а за «инакоделание», наказывали и за «инакомыслие».

Ш. Муфф, соавтор Э. Лаклау, видит в политическом такую особенность, как обязательность выбора между конкурирующими альтернативами [3]. Либерализм этого не понимает, как она считает, рассматривая политическое как чисто техническое действие. Она пишет: «Доминирующая тенденция либеральной мысли характеризуется рационалистическим и индивидуалистическим подходом, который не может адекватно понять плюралистическую суть социального мира с конфликтами, порождаемыми плюрализмом. Для этих конфликтов никогда не может быть рационального решения из-за антагонизма, присутствующего в человеческих обществах».

И это должно подсказать нам, что никаким голосованием невозможно было решиться перейти в иной мир, называемый перестройкой, а только с помощью решения, навязанного извне.

Кстати, К. Эрроу, а это будущий лауреат Нобелевской премии (см. о нем [4–5]), работая в РЕНД над тем, чтобы понять, как принимает решения коллективное советское руководство, также приходит к выводу, что принятие решений чисто демократическим путем без какого-то вида принуждения невозможно (см. также его книгу, открывшую собой область изучения

социального выбора [6]). Кстати, часть его исследований так и засекречена по сегодняшний день. И вряд ли это математические трактаты.

Вместе с советологами в РЕНД пришли гуманитарные науки, теперь в РЕНДе половину составляют социальные исследования [7]. А тогда в РЕНДе появилась даже известная антрополог Маргарет Мид [8]. Она работала там с 1948-го по 1950-й, изучая такую особенность советского человека, как его отношение к власти [9]. Как и у Эрроу, ее исследование вырастает из того, что нет прямого выхода на население (у Эрроу – на членов политбюро) [10]. В результате изучался базовый русский характер, идеалы большевизма и методы советской педагогики. То есть это можно понять как изучение базовой точки, конечной точки развития и методов перехода от первой ко второй. Цитируются отрывки из Фадеева, Симонова, Бабаевского. Например, из «Кавалера Золотой Звезды» Бабаевского берется фраза: «Наше поколение не создано для того, чтобы отдыхать». И отсюда делались соответствующие выводы.

Как это стало известно сегодня, исследование Мид не было высоко оцененным, поскольку заказчика интересовали только элиты [11]. Заказчиком же был Ганс Шпейер, ветеран Управления стратегических служб, возглавлявший в РЕНДе отрасль социальных исследований. Он считал, что поскольку власть в СССР принадлежит элите, то только внутренний кризис может заставить элиту посыпаться. Поэтому его не заинтересовали исследования на тему русского национального характера.

А Шпейер, который эмигрировал в США еще до войны, весьма интересен правильностью постановки этой задачи (см. о нем [12–13], кстати, в его некрологе не упоминается Управление стратегических служб, хотя есть другие сходные организации). У него есть работа по поводу внедрения методологии политических игр в РЕНДе ([14], см. также взгляд из сегодняшнего дня на пришедшие, как оказывается, из веймаровской Германии военные игры [15]). Кстати, идея Шпейера о внутреннем конфликте хорошо ложится и на перестройку, и на августовский путч. В проекте Перестройка Горбачев и Яковлев противостояли старой номенклатуре, а в проекте Путч (или в том его имидже, который представили населению), наоборот, старая номенклатура попыталась провести активные действия против новой.

Исследования РЕНДа были не одиноки, а стояли в рамках трех направлений того времени [16]: исследования современных культур Колумбийского университета, Гарвардского проекта изучения советской общественной системы [17] под руководством К. Клакхона и собственные исследования РЕНДа. Клакхон был директором Русского исследовательского центра в Гарварде (см. его био [18–19]) и, кстати, имел массу должностей, имеющих отношение к военному ведомству: консультант министра войны, сопредседатель общего исследования морали Министерства войны и Офиса военной информации, член правления комитета по развитию и исследованиям Министерства обороны. На русский язык переведена его книга «Зеркало для человека. Введение в социальную антропологию» [20].

Н. Ссорин-Чайков говорит, что первым директором центра в Колумбийском университете была Р. Бенедикт, а после ее смерти им стала М. Мид [21]. Гарвардский проект покоился на большой количественной основе – более 10 тысяч анкет от эмигрантов, Колумбийский проект был более качественным, чем количественным. Интересно, что Гарвардский проект с анкетами сегодня выложен онлайн ([22], см. также [23]).

Что касается негативного отношения РЕНДа к М. Мид, нам все же следует помнить, что подобное а) делалось впервые, б) делалось вне возможности «прикоснуться» к объекту своего изучения. И отсюда все возможные несоответствия.

Д. Энгерман подчеркивает, что когда в 1946 г. Черчилль заявил о «железном занавесе», США оказались неподготовленными [24]. Он перечисляет несколько десятков людей, из которых только двенадцать вообще знали русский язык.

Соответственно, на базе более фундаментальных работ можно строить работы с прикладными задачами, как, например, такое исследование, как «Разрушение иерархий в Советском

Союзе и Китае: неоинституциональная перспектива» ([25], см. также книгу этого же автора «Кража государства. Контроль и коллапс» [26]).

РЕНД также выпустила в 1952 г. книгу Ф. Зелцника (см. о нем [27]) «Организационное оружие» ([28], см. рецензию на нее [29], как это ни странно, но в 2014 г. она была переиздана с новым предисловием). Учитывая, что за последнее десятилетие на тему организационного оружия были написаны сотни статей, было интересно, что писалось об этом еще в 1952 г., хотя книга и посвящена стратегии и практике большевиков. Это известный социолог, который в 1948 г. выпустил статью «Основы теории организации» [30]. В ней есть интересный постулат о том, что формальные структуры не способны победить нерациональные изменения организационного поведения. Он также считает, что даже в авторитарных структурах нельзя отделить друг от друга контроль и согласие. Человеку в структуре отводится определенная роль, но он может сопротивляться этой деперсонализации. И это отклонение слабо поддается контролю, поэтому его появление непредсказуемо.

Отсюда мы можем вынести определенные выводы для проектов, подобных перестройке. Движение может идти по неконтролируемой среде, то есть будить нужно не рациональные, а эмоциональные чувства. И второе – необходимо активно включиться в борьбу за деперсонализацию человека, развивая его различные интересы, уводящие от мейнстрима. Кстати, несколько лет назад Ф. Блонд, который являлся философским советником правительства консерваторов в Великобритании, заявил, что коммунизм и капитализм сознательно атомизировали человека, чтобы облегчить управление им.

В книге Зелцник определяет организационное оружие как использование элитой в целях захвата власти неконституционных методов организационной практики [28]. Организации, созданные для ограниченных целей, например профсоюзы, могут использовать свои силы для других далеко идущих целей. Под «конституционными» здесь понимаются имеющиеся традиционные практики.

Большевистскую партию Зелцник рассматривает как организационное оружие, поскольку она решила множество проблем превращения добровольной организации в управленческую структуру. В результате просто члены превращаются в деятелей, которые не только верят, но и действуют. Они вербуются на идеологических основаниях, а используются для технических.

Зелцник формулирует четыре основные задачи:

– развивать средства доступа к группам, которые являются целевыми;

– нейтрализовать конкурирующие элиты, которые также претендуют на контроль над этими группами;

– легитимизировать все полученные позиции во власти, чтобы они воспринимались людьми как власть;

– мобилизовать полученные группы, чтобы они вышли на линии, нужные для партии.

Массы в контексте партии как авангарда масс автор задает не количественно, а по степени манипулируемости. Причем манипулируемость задается под цели, которые не признаются группой.

Если опираться на гипотезу о том, что перестройке помогли извне, то следует признать, что все эти вышеприведенные четыре задачи стопроцентно были нужны и перестройке. Перестройка активировала интеллигенцию, которая вышла на передовые коммуникативные позиции, а они уже обеспечивались группой сверху – Горбачева – Яковлева, существование которой стало настоящим элементом организационного оружия, поскольку можно было не бороться с имеющейся иерархией, а опираться на нее.

Коммуникации интеллигенции, а активную роль в ней играла и техническая интеллигенция, которая за те годы была опущена на инженерную зарплату и была недовольной, охватили

на следующем шаге уже более широкие слои. Выстраивается следующий переход, который нес нужный месседж:

Все это отнюдь не говорит о том, что все эти люди были подлинными разработчиками перестройки, но это говорит о том, что был готов соответствующий научный фундамент, позволяющий осуществлять такие действия на объективной научной основе. И если Советский Союз готовился к перестройке только тем, что порождал ритуальные тексты в честь очередного юбилея, то в этом вина самого Советского Союза.

В той советологии были проведены и серьезные исследования, значимые для всей политологии. Например, это подход Н. Лейтеса (см. о нем [31–33]) по психологическому профилированию политических лидеров и анализу принятия ими решений. Это книга «Операционный код Политбюро» ([34], см. также оценку этого подхода с более современных позиций со стороны А. Джорджа [35]). Потом Лейтес писал на темы анализа повстанцев, которые и сегодня остаются актуальными, поскольку там можно увидеть, например, прообраз того нарратива, который сегодня обсуждается в контексте коммуникативной борьбы, вышедшей на первое место после Афганистана и Ирака [36–37].

Есть переводы некоторых статей и редкие анализы этого периода на русском, где возник даже термин «лингвистическая советология» у Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [38–40]. Сами американские исследователи сегодня анализируют то включение социальных наук в советологию и более профессионально, а не идеологически, как раньше, и более документированно [41–43].

В США за прошедшие десятилетия принципиально изменился тип людей, интересующихся СССР. В довоенное время это были люди левой ориентации [44]. В тридцатые и послевоенные годы антисталинские, но все левые. Многие исследования также были сделаны людьми левых взглядов, например, Исааком Дейчером, который в свое время был троцкистом [45]. В целом интерес растет, когда его стимулируют события типа определенного шока после запуска спутника в 1957 году.

Была также большая проблема, которая сегодня стоит не так остро, в использовании в исследованиях СССР людей, сотрудничающих с нацистами [46–47]. Там упоминаются одни и те же фамилии, правда, все они оказались власовцами. В привлечении их к работе обвиняли, причем сами американцы, известного социолога Т. Парсонса (см. о нем [48]). Но сегодня эта проблема постепенно уходит с авансцены. Уже нет ни тех, кого обвиняли, ни тех, кто обвинял.

Перестройка, сконструированная по модели Пропаганды, в рамках которой конечную идеологическую задачу прячут за той, что декларируется, легко вошла в умы, поскольку СССР привык к ритуальной идеологии, которая присутствовала всегда, а ее нюансы могли видеть только те, кто этой идеологией занимался. Перестройка начального этапа была правильным и обычным советским «телодвижением», которое в конце вдруг обернулось совершенно новым поворотом истории, которого никто не ждал.

Литература

1. *Gates R.* Speech // www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid= 1228

2. *Bessner D.* Organizing complexity: the hopeful dreams and harsh realities of interdisciplinary collaboration at the Rand Corporation in the early Cold War // onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jhbs.21699/full

3. *Mouffe S.* Artistic activism and agonistic spaces // www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html

4. Kenneth Arrow // en.wikipedia.org/wiki/Kenneth_Arrow

5. *Абелла А.* Солдаты разума. – М., 2009

6. *Arrow K. J.* Social choice and individual values. – New York etc., 1963

7. *Steinberger P.* The original 'think tank' // www.atharosama.com/the-original-think-tank-an-article-about-rand-my-almamater

8. Margaret_Mead // en.wikipedia.org/wiki/Margaret_Mead

9. *Lutkehaus N.* Margaret Mead. The making of an American icon. – Princeton, 2008

10. *Mead M.* Soviet attitudes toward authority. An interdisciplinary approach to problem of Soviet character. – Santa Monica, 1951

11. *Mandler P.* Return from the natives. How Margaret Mead won the Second World War and lost the Cold war. – New Haven, 2013

12. Hans Speier // de.wikipedia.org/wiki/Hans_Speier

13. *Cook J.* Hans Speier, author, exile school founder and sociologist, 85 // www.nytimes.com/1990/02/23/obituaries/hans-speier-author-exile-school-founder-and-sociologist-85.html

14. *Goldhamer G., Speier H.* Some observation on political gaming // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P1679.pdf

15. *Bessner D.* Weimer social science in Cold war America: the case of the political-military game // www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp010/bu-supp10_091.pdf

16. *Mead M. a. o.* Russian culture. – New York etc., 2001

17. Harvard project on the Soviet social system, 1950–1951: life history interview // www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/DSDR/studies/8972

18. Clyde Kluckhohn // en.wikipedia.org/wiki/Clyde_Kluckhohn

19. Papers of Clyde Kluckhohn // www.lib.uiowa.edu/scua/msc/tomsc650/msc640/kluckhohn.html

20. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в социальную антропологию. – СПб., 1998

21. *Ссорин-Чайков Н.* Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и дс. – М., 2009

22. The Harvard project on the Soviet social system online // hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html

23. *Balzer M. M.* Materials for the Project on the Soviet Social System: guide. Cambridge, 1980

24. *Engerman D. C.* Know your enemy. The rise and fall of America's Soviet experts. – New York, 2009

25. *Solnick S. L.* The breakdown of hierarchies in the Soviet Union and China. A neoinstitutional perspective // ernie.itpir.wm.edu/pdf/NewArticles/Non-paradigmatic/25053961.pdf

26. *Solnick S. L.* Stealing the state. Control and collapse in Soviet institutions. – Cambridge,1998

27. Philip Selznick // en.wikipedia.org/wiki/Philip_Selznick

28. *Selznick P.* The organizational weapon. A study of bolshevik strategy and practice. – Santa Monica, 1952

29. *Blumer H.* Review of *The organizational weapon. A study of bolshevik strategy and practice* by Philip Selznick // www.brocku.ca/MeadProject/Blumer/Blumer_1952.html

30. *Selznick P.* Foundations of the theory of organization // www2.bc.edu/~jonescq/mb851/Mar19/Selznick_ASR_1948.pdf

31. Nathan Leites // en.wikipedia.org/wiki/Nathan_Leites

32. Nathan Leites is dead at 75; was expert on Soviet Union // www.nytimes.com/1987/06/10/obituaries/nathan-leites-is-dead-at-75-was-expert-on-soviet-union.html

33. Nathan Constantin Leites // www.rand.org/pubs/authors/l/leites_nathan_constantin.html

34. *Leites N*. The operational code of politburo. – New York, 1951

35. *George A. L.* The "operational code": a neglected approach to the study of political leaders and decision-making. – Santa Monica, 1967 // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2008/RM5427.pdf

36. *Leites N. a. o*. Rebellion and authority: myths and realities reconsidered // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P3422.pdf

37. *Leites N. a. o.* Rebellion and authority: an analytic essay on insurgent conflicts // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R0462.pdf

38. *Лейтес Н. и др*. Сталин глазами Политбюро // journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling29/ling_29_15.pdf

39. *Будаев Э. В., Чудинов А. П*. Лингвистическая советология эпохи холодной войны // cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-sovetologiya-epohi-holodnoy-voyny

40. *Лассвелл Г. Д*. Стратегия советской пропаганды // cyberleninka.ru/article/n/strategiya-sovetskoy-propagandy

41. *Farish M.* The contours of America's Cold War. – Minneapolis, 2010

42. Cold war social science: knowledge production, liberal democracy and human nature. Ed. by M. Solovey *a. o.* – New York, 2012

43. *Simpson C.* Science of coercion. Communication research and psychological warfare, 1945–1960. – Oxford, 1994

44. *Engerman D. C*. The ironies of the Iron curtain // monderusse.revues.org/pdf/2659

45. Дойчер, Исаак // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%B9 % D1%87%D0%B5%D1%80,_%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B0%D0%BA

46. *Oppenheimer M*. Social scientists and war criminals // nova.wpunj.edu/newpolitics/issue23/oppenh23.htm

47. *Wiener J*. Professors, politics and pop. – London – New York, 1991

48. Парсонс, Толкотт // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F %D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D1%81,_%D0%A2%D0%BE%D0%BB %D0 % BA%D0%BE%D1%82%D1%82

1.4. Советский вариант создания пропаганды 2.0: что было за кадром

Советский Союз постепенно ритуализировал свою пропаганду, идеологическая ее составляющая перестала быть «живой». В целом сохранялся архаичный временной цикл, где обязательными элементами были празднования 7 ноября и 1 мая. Точкой отсчета «нового мира» был 1917 год. Главными героями – герои 1917 года. Таким образом, годичный идеологический цикл всегда имел свое начало и свое завершение 7 ноября.

Потом героика сместилась на героику отечественной войны, которая уже удерживалась до конца СССР как государства. «Невооруженные» герои тоже были. До войны героическим подвигом было спасение челюскинцев, после войны – полеты в космос. Кстати, и в том, и в другом случае присутствие военных было значительным, к примеру, все космонавты были людьми в погонах.

Все подвиги являются эстетическими объектами, поскольку в их мифологии сохраняется только героическая составляющая, только позитивная. В них нет негатива или быта. Подвиг – это не быт и кровь, а победа, увенчанная лаврами. Это спортсмен, побеждающий других, но не спортсмен, который тратит тысячи часов на тренировки.

Андропов создал модель, которую можно обозначить как «выпускание пара», при которой вместе с «правильным» искусством параллельно существовало «неправильное». Это были Любимов и Высоцкий, которым, например, позволялось то, что не было позволено никому. В конце концов, каждому правителю хочется быть просвещенным, чтобы его хвалили, а не ругали.

Государство, обладая легитимным аппаратом насилия, эстетизирует его также, чтобы сделать «своим» для населения, тем самым легитимизируя его. Любовь к армии всегда стоит в центре патриотического воспитания. Можно вспомнить традиционные советские концерты 10 ноября в День милиции в СССР, где собирались лучшие звезды. Андропов известен своей работой с Юлианом Семеновым, результатом чего стал популярный фильм «Семнадцать мгновений весны». Странным только является бесконечное число ляпов в фильме (см. [1–2]). Но это не играло никакой роли, вся страна с замиранием сердца смотрела фильм.

Эта виртуальная операция Андропова – Семенова позволила заменить в образе КГБ следователя ГПУ-НКВД-КГБ на образ разведчика. Странным образом, но Путина избирают президентом после того, как население назвало в качестве своего главного героя именно Штирлица.

Сама судьба Семенова также оказалась непростой из-за этого альянса со спецслужбами [3–4]. Вот что вспоминает дочь писателя: «Отрицать связь отца с КГБ было бы нелепо – он был с ним связан тесно и на самом высоком уровне, – признается Ольга, младшая дочь писателя. – В конце 60-х творчеством папы очень заинтересовался Юрий Владимирович Андропов и начал его поддерживать. Ему искренне нравилось то, что писал отец, к тому же Андропову как человеку образованному, писавшему стихи, было далеко не безразлично отношение к нему творческой интеллигенции, и при любой возможности он ей помогал. Помогал и отцу. Вербовкой это даже с большой натяжкой назвать трудно. Скорее – интеллектуальным флиртом просвещенного правителя с творцом. Частые папины поездки за границу – по два-три раза в год, да к тому же в капиталистические страны, да беспартийного (дело по тем временам невиданное) – были, конечно, «благословлены» Андроповым».

Зам. председателя КГБ генерал Ф. Бобков «курировал» историка Н. Яковлева, в результате чего также появлялись нужные книги. Бобков прямо говорит, что он соавтор книги Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» [5]. Кстати, Бобкову нравилось, когда подчиненные называли его «мозг КГБ» [6]. Специалисты опровергают слова Андропова и Бобкова в пересказе Н. Яко-

влева, что и Тургенев, и Белинский, и Достоевский имели прямое отношение кто к разведке, а кто к охранке [7].

Есть также непонятная история с помощью М. Бахтину со стороны Андропова [8]: «Началось мощное и загадочное продвижение Бахтина. Да, загадочное! Потому что мощное продвижение бывшего политссыльного, осужденного по делу антисоветской организации, в эти годы требовало, подчеркну еще раз, очень специфического покровительства и фактически было по плечу только одной советской организации – КГБ СССР» (см. также [9—18], а также близкое к этой гипотезе мнение С. Кургиняна [19]).

Слабой стороной этой гипотезы является ее основная часть – причина, по которой М. Бахтину помогал Андропов. И Кургинян, и Кудинова подчеркивают, что интерес вызвала его теория разрушения иерархии путем раскрепощения низа. Однако нам представляется все это слишком сложной конструкцией, чтобы она могла быть реализованной.

В одной из статей этого цикла А. Кудинова перечисляет пять причин, по которым фигура Бахтина оказалась в центре ее рассмотрения. Это статья «Реставраторы» [18]. И первая причина ясна: «Бахтин талантлив и компетентен. Потому что только очень талантливый человек мог создать столь масштабный системный план обрушения СССР, каковым стала так называемая перестройка». Вторая причина – наличие связки Андропов – Бахтин. Третья причина – западная идея, что СССР надо разрушать как красную церковь. Четвертая – особую роль Бахтина обсуждают и другие. Пятая – нет Бахтина, есть круг Бахтина, уходящий в древность. А общая схема такова: «Обсуждая Рабле и карнавальность, Бахтин, по сути, обсуждал инструменты тотального обрушения советской системы, настаивая, что эту систему надо обрушать так же, как обрушали другие смысловые вертикали, включая ту, которую обрушал Рабле».

Опять следует подчеркнуть, что это слишком громкий вывод для литературоведческой или культурологической книги о Рабле. Можно согласиться со странностями биографии Бахтина, но не меньшее количество странностей существует и в биографии Андропова. Что касается антисемитизма Бахтина, то, оказывается, ОГПУ все время боролась с сионистами, что можно увидеть по биографии Менжинского, возглавлявшего этот орган после смерти Дзержинского [20].

И демократизм Андропова быстро улетучивается при прочтении его речи, когда он уходил из КГБ и ЦК. Там есть и такое высказывание [21]: «Я вам прямо скажу, что у меня такое впечатление, что был какой-то момент в нашей деятельности, в начале 67 года, когда обстановка складывалась таким образом: все эти длинноволосые, всякие поэты-диссиденты и т. д. под влиянием всяких нелепых мыслей Хрущева активизировались, вышли на площади, а у нас в арсенале, понимаете, одна мера – арест. И больше ничего нет. А теперь вы знаете (не обо мне речь, а просто повод, видимо, и в связи со мной), говорят, что КГБ все-таки диссидентов и врагов напрочь разгромили. Я думаю, что переоценивать себя тоже не надо, работа еще осталась и по линии диссидентов, и по линии любых врагов. Как бы они там ни назывались, они врагами остаются».

Возможно, и Бахтин – это очередной миф об Андропове, коим нет числа, начиная с его любви к джазу и виски. Можем перечислить еще такое:

– Андропов разрешил Литературке иметь отличное от официального альтернативное мнение. Но это решение Сталина, когда он назначал на пост главного редактора К. Симонова;

– Андропов входит с фразой, что мы не знаем страны, в которой живем. Но это фраза спичрайтера Суслова, статья которого готовилась к печати, но Суслов умер и автором статьи стал Андропов [22];

– Андропов поддерживал Горбачева, но многие свидетельства говорят о том, что он быстро в нем разочаровался и не думал вести его на генсека (см., например, слова Ф. Бобкова: «Андропов к нему относился очень аккуратно. И когда уже Юрий Владимирович болел, Чеб-

риков мне рассказывал о том, что они очень много говорили на тему о том, что не Горбачев должен быть. Он не видел в нем первую фигуру» [13]).

Да и роль самого Андропова все еще остается не совсем «прозрачной». Например, вот что говорится о личной разведке Андропова, возглавляемой генералом Питоврановым [23]: «Юрий Владимирович Андропов, – вспоминал один из ветеранов отдела, – решительностью не отличался, а генерал Питовранов упорно подталкивал его к смещению Брежнева. В том, что такие планы существовали, Питовранов напрямую не признавался, но время от времени ронял отдельные фразы, из которых складывался план продвижения Андропова наверх. Он отчетливо понимал, что его шеф слабо разбирается в экономике и не очень популярен в партии… Отдел собирал компромат на сына генсека Юрия Брежнева и его окружение, а также держал под контролем тех, кто имел хотя бы минимальные шансы составить конкуренцию Андропову в качестве генсека. В свою очередь, люди из ближнего круга Брежнева следили за всеми действиями Андропова настолько прочно, что связным между ним и обладавшим точными данными о состоянии Брежнева главным кремлевским врачом Евгением Чазовым стал генерал Питовранов. Как он вспоминал, важно было точно выбрать момент перехода Андропова из КГБ в ЦК КПСС, чтобы не потерять контроль над Лубянкой, но успеть стать признанным вторым лицом в партии».

Идеологию «переворота» А. Кудинова выводит из Отдела международных связей Коминтерна и фигуры Куусинена [24–26]. На особую роль последнего, кстати, также неоднократно указывает и С. Кургинян (см. также и другие работы А. Кудиновой [27–28]).

Исследователи отмечают и другие странности [29]: нет доступа в архивах к делам об аресте, следствии и ссылке Бахтина, проходившие с ним по одному делу получили высшую меру наказания, а Бахтин еще во время следствия был отпущен на лечение. Он вскоре дождался выхода своей монографии о Достоевском, потом вместо Соловков его отправили в Кустанай.

Если признать во всем этом «авторство» КГБ, то это оказывается очень сложным процессом. Все это примеры парадоксальной работы КГБ не на тактическом, а на стратегическом уровне, где и угрозы совсем иные.

Встречаются такие же взгляды и на роль ЦК КПСС, но на уровне помощников и экспертов, в сумме именуемых сегодня спичрайтерами. Но ЦК обладал очень мощными личными информационными потоками, которые только сегодня стали предметом изучения. В целом его характеризуют все же достаточно консервативным органом. Н. Митрохин, к примеру, пишет ([30], см. также [31]): «Аппарат ЦК в этом отношении был средоточием «партийной» интеллигенции, переваривавшей или исторгавшей любого представителя «критической», если тот туда попадал, поскольку критику там попросту нечего было делать. Аппарат не занимался формулированием новых идеологических задач и целей, не проводил исследований и не создавал культурных символов и смыслов – а именно это было в общем и целом полем деятельности «критической интеллигенции». Аппарат ЦК, «закрытое» общество аккуратных отличников, имел другую важнейшую функцию – он был высшей школой советского администрирования, центром финального обучения представителей «партийной интеллигенции» управленческим навыкам, развивавшим их понимание того, как реально работает нигде и никем реально не описанная система, где так сложно было различать «партийное» и государственное, корпоративное и частное».

В ЦК были вливания новых лиц: в конце пятидесятых взяли выпускников МГУ и других московских вузов, отсюда помощник Горбачева А. Черняев. В начале шестидесятых пришли молодые фронтовики с высшим образованием, прошедшие годичные стажировки в американских университетах, среди которых были А. Яковлев, работавший в Отделе пропаганды, и Б. Владимиров, работавший тоже в пропаганде, а потом ставший ведущим помощником М. Суслова. Это его «андроповская» цитата о стране, которую мы не знаем. Если Яковлев пришел из Колумбийского университета, то Владимиров – из Гарвардского.

ЦК еще сильно определялось «близким кругом» людей, работавших с новым первым лицом. Последние такие смены, прошедшие относительно не так давно, связаны с именами Андропова и Горбачева. Вот один из примеров прихода иной команды, о которой рассказывает С. Меньшиков [32]: «Вскоре после смерти Л. И. Брежнева при Ю. В. Андропове было принято решение о подготовке новой редакции Программы КПСС, которую предстояло принять на очередном съезде партии в 1986 году. Работа по составлению этого документа началась заблаговременно – в 1983 году. Как всегда, на загородной даче засела очередная группа, в которую входили представители Отдела пропаганды, а также директор Института США и Канады Георгий Арбатов, политический обозреватель «Известий» Александр Бовин и только что назначенный директором ИМЭМО Александр Яковлев. Отбор группы был странным, т. к. в нее не вошли такие видные идеологи того времени, как главные редакторы «Правды» Виктор Афанасьев и «Коммуниста» Ричард Косолапов, директор Института философии АН Георгий Лукич Смирнов и другие. По-видимому, на таком составе группы настоял новый Генсек Юрий Андропов, который лично знал Арбатова и Бовина, работавших в руководимом им Отделе социалистических стран ЦК еще до его перемещения в КГБ. Знал ли он об особых настроениях этой группы? Не мог не знать».

Была определенная система многовластия, когда ЦК могло вмешиваться в профессиональные проблемы других ведомств, собственно говоря, как и КГБ. Эти два института обладали «экстерриториальностью», поскольку занимались всем, причем не в плане реальной работы, а в плане контроля.

К. Шахназаров вспоминает о работе отца в ЦК и поддержке Ю. Любимова и его театра [33]: «В международном отделе ЦК, где работал мой отец, были почитатели этого театра. И когда у «Таганки» возникали проблемы, они делали все возможное, чтобы театр не закрыли. Шли наверх, передавали кому надо письма. Поэтому «Таганка» тогда и существовала. Мой отец в свое время также много помогал этому театру. В ЦК ведь существовала своя жизнь, и вовсе не такая, какой ее сегодня пытаются представить. Ведь кто-то закрывал картину или спектакль, но кто-то их потом и открывал. Кстати, именно из-за «Таганки» у отца начался конфликт с министром культуры СССР Екатериной Фурцевой – какой властью обладала в то время Фурцева, думаю, объяснять не стоит. Закрыли очередной спектакль Любимова, отец сначала передал письмо, а потом кому-то позвонил и сказал, что зря закрыли – спектакль-то хороший. А через какое-то время отцу позвонила Фурцева и сказала: «Вы знаете, это не ваше дело, и не лезьте. Вы этим не должны заниматься».

Это такая сложная конструкция формального и неформального управления, где каждое последующее действие не всегда вытекает из предыдущего. А. Черняев в своем дневнике тоже напишет [34]: «Меня звал Любимов на юбилейные «Зори здесь тихие», а затем на праздничный капустник на Таганке. Ох, как мне хотелось там быть среди этих людей, которым я чем-то нравлюсь, во всяком случае, они мне всегда рады. А сами они талантливы и веселы». И это говорит уже о том, что и со стороны Ю. Любимова была определенная «организация любви» к хорошим людям.

При этом Любимов называл секретаря ЦК, а впоследствии министра культуры П. Демичева, который единственный мог позволить себе вмешиваться в его театральные дела, то химиком (по его основной специальности), то Ниловной (последнее из-за совпадения отчества Демичева Нилович и имени героини дореволюционной драмы). В норме этого никто бы не мог себе позволить.

В рецензии на книгу Черняева прозвучала фраза [35]: «Те “вольности”, которые позволяли себе писатели и театральные деятели при Брежневе, были возможны во многом благодаря поддержке этих людей, и упомянутые выше слова А. Бовина относительно “малых дел” относятся в первую очередь к тем усилиям, которые он и его коллеги прилагали для того, чтобы не дать поборникам “соцреализма” эти вольности упразднить».

Структура цековского управления состояла как бы из деятелей первого ряда – члены Политбюро и секретари ЦК, второго ряда – первые помощники, имевшие постоянный контакт с первым рядом, а также эксперты из третьего ряда, которые иногда пересекались с игроками первого ряда и более часто с представителями второго ряда.

И именно третий ряд лиц являлся связующим звеном между бюрократией и небюрократией. Они могли позволить себе острое словцо (как это бывало у Бовина). Они также отличались либеральной идеологией, что хорошо можно увидеть в воспоминаниях спичрайтеров [36]. И именно они были главным связующим звеном с Западом, когда становились доверенными лицами с двух сторон (можно упомянуть воспоминания посла В. Исраеляна, которого посол Л. Филдс, доверенное лицо Буша, бывшего еще вице-президентом, просил о встрече с Горбачевым, упомянув его как вероятного будущего руководителя СССР [37]).

А. Черняев пишет о приходе новых лиц в окружение генсека [34]: «Брежнев, несколько опомнившийся после интервенции в Чехословакию, утвердившийся во власти, обнаружил наличие здравого смысла. С подачи Андропова и Цуканова он приблизил к себе интеллигентов «высшей советской пробы» – Иноземцева, Бовина, Арбатова, Загладина, Шишлина. Допущенные к сверхзакрытой информации, широко образованные, реалистически мыслящие и владеющие пером, они сумели использовать «разумное, доброе» в натуре Генсека для корректировки политики – там, где это было возможно в рамках системы. Регулярное неформальное общение их с Брежневым, советы, собственные мнения и возражения, в которых они себя с ним не стесняли, а главное – «стилистика» изложения политических установок, которая была на 90 % в их руках, сказались, прежде всего, во внешних делах, а именно – поворот к курсу на разрядку, к диалогу с Америкой, с Западной Германией, перемена отношения к «третьему миру» – отход от безоглядной поддержки «национально-освободительного движения», опасной, в принципе недальновидной и наносившей вред государственным интересам СССР».

Судя по воспоминаниям Г. Арбатова, именно такой поиск новых идей и новых людей был характерен для О. Куусинена [38]. Для написания учебника «Основы марксизма-ленинизма», которым ему было поручено руководить, он не принял людей, которых ему предоставил ЦК, а набрал их сам. Он также собирал людей, с которыми работал, несколько раз в году у себя на даче для отдыха и неформального общения. Кстати, у Г. Арбатова есть также примеры того, как политический курс мог существенно измениться именно под влиянием экспертного уровня.

Эти три уровня советских высших управленцев (политбюро, помощники, эксперты) по сути чаще функционировали как фильтр, как вариант самоцензуры, когда каждый более высокий уровень отсеивал то, что порождали внизу. И только в случае кризиса система становилась более восприимчивой к инновациям. Но этот скрытый от постороннего взгляда третий уровень экспертов, которые время от времени переходили на посты директоров академических институтов или редакторов СМИ (А. Бовин, правда, стал послом), был для первого уровня практически единственным каналом новых идей. Они же создавали некую прослойку более либерального толка, которая могла выступать в роли «защитника» некоторых «отклоняющихся» от мейнстрима деятелей культуры. Все это создавало более позитивный эстетический фон для функционирования институтов власти в стране.

Однако красивая эстетика была фоном и в тридцатые годы, когда репрессии прятались за бурно развивающейся культурой и искусством. В результате настоящей жизнью люди считали то, что видели на экране, а свою собственную жизнь рассматривали как исключение. Искусство витрины оказалось сильнее искусства жизни.

Литература

1. Логические ошибки сериала // mgnoveniya.ru/logicheskie-oshibki-seriala
2. Киноляпы // mgnoveniya.ru/kinolyapy

3. *Фочкин О.* Жизнь и мифы Юлиана Семенова // www.chitaem-vmeste.ru/pages/material.php?article=60&journal=69

4. *Грачев С.* О чем молчал Юлиан Семенов? // www.aif.ru/culture/28320

5. Мир – это война // www.ilinskiy.ru/publications/sod/mirvoina-sod.php

6. *Жирнов Е.* Одна жизнь Филиппа Денисовича // www.compromat.ru/page_10425.htm

7. Тургенев начинается с детства // www.amr-museum.ru/russ/oficial/magazine/mag_n7_02/mag_n7_2.htm

8. *Кудинова А.* Бахтин и «нечто» // gazeta.eot.su/article/bahtin-i-nechto

9. *Кудинова А.* Диалогизация сознания // gazeta.eot.su/article/dialogizaciya-soznaniya

10. *Кудинова А.* Раскрепощение Низа // gazeta.eot.su/article/raskreposhchenie-niza

11. *Кудинова А.* Бахтин в Мордовии // www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/gazeta-sut-vremeni/138-informatsionno-psikhologicheskaya-vojna/ 714-informatsionno-psikhologicheskaya-vojna-1-25?showall=&start=2

12. *Кудинова А.* Бахтин в Мордовии – 2 // www.ussr-2.ru/index.php/sut-vremeni/gazeta-sut-vremeni/138-informatsionno-psikhologicheskaya-vojna/ 714-informatsionno-psikhologicheskaya-vojna-1-25?showall=&start=1

13. *Кудинова А.* Бахтин в Мордовии – 3 // gazeta.eot.su/article/bahtin-v-mordovii-3

14. *Кудинова А.* Отретушированный портрет // gazeta.eot.su/article/otretushirovannyy-portret

15. *Кудинова А.* Отретушированный портрет – 2 // gazeta.eot.su/article/otretushirovannyy-portret-2

16. *Кудинова А.* Охранная грамота // gazeta.eot.su/article/ohrannaya-gramota

17. *Кудинова А.* Рабле и францисканцы // gazeta.eot.su/article/rable-i-franciskancy

18. *Кудинова А.* «Реставраторы» // gazeta.eot.su/article/restavratory

19. *Кургинян С.* Кризис и другие – 39 // www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2258

20. *Жирнов Е.* Интеллигент с Лубянки // www.kommersant.ru/doc/401131

21. *Жирнов Е.* «Человек с душком» // www.kommersant.ru/doc/167343

22. *Млечин Л.* Юрий Андропов. Последняя надежда режима. Через Елисевский гастроном к Гришину // www.telenir.net/istorija/yurii_andropov_poslednjaja_nadezhda_rezhima/p23.php

23. Как Юрий Андропов закладывал мины под СССР // brezhnevnews.ru/page/adaptive/id331360/blog/2409732/?ssoRedirect=true

24. *Кудина А.* Два в одном // gazeta.eot.su/article/dva-v-odnom

25. *Кудина А.* Пятьдесят на пятьдесят // gazeta.eot.su/article/pyatdesyat-na-pyatdesyat

26. *Кудина А.* По следу ОМС // gazeta.eot.su/article/po-sledu-oms

27. *Кудина А.* Пазл // gazeta.eot.su/article/pazl

28. Кудина А. Пазл – 2 // gazeta.eot.su/article/pazl-2

29. *Огрызко В.* Нас, может, двое // www.litrossia.ru/2012/30/07318.html

30. *Митрохин Н.* Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 годах как пример «закрытого общества» // magazines.russ.ru/nlo/2009/100/mi44.html

31. *Митрохин Н.* Личные связи в аппарате ЦК КПСС // www.nlobooks.ru/node/2288

32. *Меньшиков С.* На Старой площади. Часть четвертая // www.fastcenter.ru/smenshikov/OldSquare-4.htm

33. *Шахназаров К.* Я не экранизирую собственную жизнь. Интервью // www.vokrug.tv/article/show/Karen_SHahnazarov_YA_ne_ekraniziruyu_svoyu_zhizn

34. *Черняев А. С.* [Дневники] // www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html

35. *Перегудов С. П.* Хроника летального исхода (по страницам дневника А. С. Черняева) // www.politstudies.ru/files/File/2010/3/14.pdf

36. *Александров В*. Кронпринцы в роли оруженосцев. Записки спичрайтера. – М., 2005

37. Давно у Буша на крючке // www.sovross.ru/old/2005/31/31_2_4.htm

38. *Арбатов Г*. Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. – М., 2002

1.5. Коммуникативный проект «ПЕРЕСТРОЙКА»: некоторые конспирологические версии

Перестройка была коммуникативным, а не только информационным проектом, поскольку была направлена на одновременную активацию населения. Практически это был единственный советский проект такого рода, поскольку а) была направленность на все население, б) предполагалось опереться на активное население через головы партийного аппарата (вспомним известную фразу Горбачева, обращенную к рабочим: «Вы их давите снизу, а мы будем давить сверху»).

При этом нужно было решить две задачи: сначала активировать население, а потом остановить (или перенаправить) эту активность. Причем вторая задача была не менее сложной, чем первая. На втором этапе «диссидентов» первого призыва постепенно оттеснили с занятых ими позиций.

Перестройка была таким мощным проектом, что не могла не породить конспирологических объяснений. Конспирология бессмертна, она только меняет свои обличья. С. Кургинян видит ее как параполитику, которая занимается нетранспарентной сферой [1], Д. Скотт как глубинную политику, порождающую соответственные глубинные события, реального понимания которых нет ни у населения, ни у СМИ [2–4], но в любом случае это тайная политика, которая практически никогда не выходит на поверхность.

К. Санстейн начал свою борьбу с конспирологическими теориями статьей [5], а завершил целой книгой. Однако его предложение об инфильтрации в такие группы правительственных агентов, чтобы они разрушали конспирологию, например, 11 сентября, даже вызвало в ответ целую контркнигу против его идей [6]. Санстейн также считает, что люди, которые верят в одну конспирологическую теорию, как правило, верят и в другие [7].

Перестройка также часто трактуется конспирологически как проект, инициированный извне, поскольку на свое самоуничтожение советская элита, особенно партийная, вряд ли бы пошла.

Какие внешние причины, кроме противостояния двух держав как глобальная причина, могли способствовать перестройке как идее и как реализованному проекту? Одной из них, по нашему мнению, могло быть то, что главный военный think tank того периода увлекался новым методом разработки сценариев и проведением политических и военных игр. Только что возникшие методы, хотя игры пришли в США из донацистской Германии, всегда кажутся особо привлекательными и всемогущими.

Особую роль в продвижении игровой методологии сыграл Г. Шпейер, возглавивший в РЕНД проведение социальных исследований, в том числе и переход к новому типу проблем и методов для их решения. Например, Шпейер говорит, что ему удалось подтолкнуть РЕНД к выходу из-под крыла ВВС, стоявших у истоков создания корпорации, к более широкому кругу проблем НАТО и СССР [8]. И в числе новых методов, которых требовали новые объекты для анализа, оказались военно-политические игры (см. некоторые подробности их проведения впервые [9—10]).

Шпейер был аспирантом К. Мангейма, который считал, что в любом общественном процессе есть рациональные структуры и иррациональные отклонения [11]. Отсюда следует, что нельзя недооценивать социальные и культурные особенности.

Справедливым и одновременно интересным с точки зрения нашей темы представляется замечание по поводу того, что в играх трудно держаться высокой теоретической планки [12]: «Если результат игры появляется в языке и может быть прочитан как подтвержденный вывод для политики, есть существенная вероятность того, что он так и будет прочитан».

Шпейер считал, что термины «психологическая война» и «политическая война» в определенной степени ошибочны [13]. Они преследуют не только цели настоящей войны, но и цели создания друзей в лагере врага, то есть в 1951 г. он говорил нечто, что весьма схоже с сегодняшним понятием мягкой силы.

Говоря о «воле к борьбе», он выделяет в среде противника четыре силы, главной из которых является политическая элита, а говоря об ослаблении «воли к сопротивлению», останавливается на шести направлениях этой работы.

Шпейер также констатирует следующее: «Население в целом не является подходящей целью для пропаганды из-за рубежа. Усилия по разрушению их желания подчиняться могут иметь успех только в особых условиях, которые пропаганда не может дать. Любое обратное понимание может быть названо демократической ошибкой демократических пропагандистов, которые не принимают во внимание различие в политических структурах между режимом, где они живут, и режимом, где живет их аудитория».

Он подчеркивает, что Геббельс различал два вида реакции: *Stimmung* и *Haltung*. Первым термином обозначается политически несущественная внутренняя реакция (отношение), второй представляет собой внешнюю реакцию (поведение). Если властям удается предотвращать переход из внутреннего во внешнее, внутреннее не играет роли.

И еще одно важное наблюдение: «Вместо того чтобы вводить отклоняющееся поведение во всем вражеском населении, что основывается на абсурдном представлении, что все население может быть охвачено духом героизма и самопожертвования, психологическая война должна сконцентрироваться на отобранных группах, чьи собственные интересы, предиспозиции и организации ведут к отклонению. Работа с ячейками сопротивления и нелояльной частью населения скорее будет более эффективной, чем беспорядочная агитация».

И это легко переводится в определенные правила для создания проекта «перестройка», когда перестроечные ячейки сами становятся работающими механизмами после активации. Это схоже с распространением анекдотов и слухов, которые не нуждаются для своего распространения в механизмах СМИ.

В качестве слухов и анекдотов в пропагандистских проектах могут выступать даже книги, имеющие контрнаправленность. В разрушении СССР диссидентская литература сыграла свою роль, но еще большей она, вероятно, была в соцстранах, имевших более либеральные режимы. Польша получила много машин для тиражирования газет и литературы, в том числе через церковь, которые способствовали распространению контрмнений (см. также исследование по распространению ЦРУ книг в Польше [14], Би-би-си, рассказывая, как ЦРУ печатало «Доктора Живаго» Б. Пастернака, перечисляет ряд книг, которые продвигали через границу [15]).

Однако такой сложный проект как советская перестройка не мог быть выполнен с применением только внешних сил, несомненно, что две важнейшие силы СССР – ЦК и КГБ – должны были принимать в этом участие. Известно, что для работы в Чили после переворота заранее стали готовиться группы экономистов. Есть сведения о такой же подготовке молодежи для Венесуэлы [16]. Практически то же мы видим и в случае СССР.

Экономистов готовили под чутким взглядом КГБ. Помощник В. Крючкова разъясняет контекст работы групп Гайдара и Чубайса [17]: «Давайте не использовать слово «завербованы»: оно не из этого словаря и не про это. Экономисты делали свою работу, органы свою. Я даже не уверен, что тогда, в начале 80-х, все эти будущие министры понимали, что их работой интересуются в органах. Насколько я знаю от коллег, которые непосредственно с ними работали, некоторые просто не понимали, что находятся в довольно плотном контакте с сотрудниками органов. Ну, им и лет-то было по двадцать – тридцать, интеллигентные мальчики, даешь работать, они и счастливы».

О. Греченевский констатирует странный факт: по количеству арестованнных диссидентов на душу населения Ленинград был первым в стране, поэтому кружок Чубайса не мог

остаться незамеченным. И далее [18]: «Когда Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, Чубайса совместно с Гайдаром включили в группу экономистов, которые в составе специальной комиссии Политбюро (Комиссия Тихонова-Рыжкова) готовили проект реформирования советской экономики! Вот так! Чудеса не только в сказках бывают, но и в реальной советской действительности. Три года Чубайс диссидентствовал, а потом вдруг этого экономического диссидента не кто-нибудь, а целая Комиссия Политбюро привлекла для разработки планов экономической «перестройки». Самый интересный вопрос, который в связи с этим возникает: откуда вообще Политбюро узнало про молодого Чубайса, который был всего лишь рядовым членом КПСС?».

Этот «кирпичик» в виде кураторства КГБ годится под любую конспирологическую версию, поскольку и внешняя версия, и внутренняя должны были опираться на внутренние механизмы. Ведь даже оккупация не может обойтись без внутреннего аппарата.

Военные игры в Пентагоне и РЕНДе должны были породить военно-политические, а затем и политические игры. Это в свою очередь порождает другие мозги. Другие люди с другими идеями оказались допущенными в качестве экспертов к столу, где принимаются реальные решения. Непонятное пришлось решать с помощью специалистов по непонятному, а именно такими ученые предстают перед высшей управленческой элитой.

Нам встретилось интересное замечание по поводу того, что игры уводят прошлый опыт как неадекватный новым реалиям, заменяя его на приобретенный в игре [19]: «Наиболее сильным результатом получения научно обоснованного стратегического актива (а именно, атомного и термоядерного оружия) стало занижение (или замещение) личного опыта высших офицеров, полученного в боевых условиях, в пользу интуиций, возникающих от повторяющейся практики в лабораторных игровых условиях будущей войны. В пятидесятые в среде военных и их консультантов были решительно забраны полномочия в области стратегического планирования от живого опыта старших офицеров к гражданским виртуозам методов Монте-Карло, системного анализа, оперативной военной игры, человеко-машинных исследований и других инноваций в сфере игровых боевых операций».

И вот говорится о военном опыте, есть возможность продолжить такое же наблюдение и на опыт политический. Тем более это было время одновременного зарождения и развития футурулогии, анализа будущего, сценарного подхода, которые также меняли точки отсчета.

И сама эта сфера новых подходов к политическим и военно-политическим механизмам усиленно менялась за время, ведущее к перестройке, после чего советология перестала быть интересной в той степени, как раньше [20–22]. И даже Горбачев стал информатором КГБ еще во время учебы в МГУ [23]. В противовес этому, даже В. Цоя депутат Е. Федоров обвинил в том, что косвенно он мог выполнять чужую программу со своей песней о переменах [24–25].

И последние добавления к версии Кургиняна, которые были раскрыты им в видеовыступлении, оттиражированном на многих сетевых ресурсах, на тему андроповской матрицы, дополняющие его книги. Здесь снова фигурируют имена-сцепки Куусинен – Андропов, Андропов – Стругацкие и Андропов – Ракитов.

Кургинян считает, что Куусинен сохранился в период сталинских репрессий, поскольку был мостиком для Сталина на Запад. Уничтожение его одновременно уничтожало бы и его контакты. Такими возможными контактами видятся Кургиняну два направления: либо масоны, либо закрытые структуры третьего рейха.

О Стругацких он писал и до этого, что их романы по сути являются художественным оформлением некоторых аналитических разработок спецслужб. Стругацкие действительно сформировали целое советское поколение, куда входили и Чубайс, и Гайдар. Если советская идеология стремительно устаревала, то Стругацкие, наоборот, были предельно новы, тем более к ним дополнительно привлекал несомненный «флер запретности».

М. Липовецкий пишет о максимальном вхождении идеи прогрессорства в современное массовое сознание [26]: «Прогрессор никуда не исчезал, давно превратившись в других областях культуры из литературного персонажа в доминантную модель самосознания позднесоветской и постсоветской интеллигенции. Значение этой модели, по-видимому, возросло в последнее время. Во всяком случае, «Новая газета» 9 октября 2014 года печатает практически без комментария составленную Борисом Вишневским подборку цитат из книг Стругацких под заголовком «Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее». И другое, сказанное Стругацкими. Половина этих цитат – про прогрессоров».

Получается, что формирование мозгов имеет две ипостаси. Одну давала советская школа, и это были знания, которые могли помочь, например, поступить в вуз. Другую давало контробразование, под которое можно подвести контркультуру (например, Битлз), контрлитературу (например, Стругацкие), контрискусство (например, Любимов). При этом интересно и то, что, создавая препоны этим контрявлениям, государство одновременно тем самым «подталкивало» население, особенно молодежь, к ним, ведь то, что запрещается, всегда интереснее того, что разрешается.

Нелюбимый Кургиняном А. Ракитов (см. его био [27]) также не в первый раз вызывает законный «гнев», поскольку предлагает полную смену национальных «кодов». Вот мнение Ракитова, например [28]: «Могу предложить национальную идею для России: из России наконец нужно сделать Родину. Родина – это страна, где жить удобно и приятно. Комфортно! В этом смысле большинство россиян – люди, у которых нет родины. Они люмпены, а у люмпенов нет отечества. Поэтому многие и уезжают отсюда в другие страны, в те же США. Они уезжают в поисках родины – ни больше, ни меньше. В понятие комфорта входят социальная безопасность, законность, чистые улицы, хорошие дороги, доброжелательная дорожная полиция, улыбающиеся прохожие, отсутствие мусорных баков под окнами, безопасность личной жизни, неприкосновенность собственности… Все остальное вырастает на этой основе. Вот и вся идеология. А эти разговоры о душевности, духовности, соборности, особом пути России – попытка пить воду из колодца, в котором нет живой воды».

И вот довод: «Еще, кстати, наша русская традиция – традиция интеллигентской борьбы с государством! Русская интеллигенция боролась и с царским государством, и с советским. А главный смысл жизни не борьба, как утверждал Маркс, а работа, конструктивная, позитивная деятельность. Так что если уж сохранять и поддерживать традиции, то только такие, которые улучшают жизнь людей. Японцы ничего не стали возрождать, просто взяли западные технологии и пересадили на свою почву, оставив из традиций только кимоно для голливудского кино. Теперь эта нация занимает второе место после Америки по числу путешественников и по продолжительности жизни своих граждан».

Выводы тут понятны: поменяйте свои мозги, и все будет хорошо. И не выступайте против государства, которое будет эти мозги менять, потому что опять будет плохо. А все революции и выборы идут по одной схеме: с нами вам будет хорошо…

С. Кургинян и сам переходит на загадки, когда излагает свои представления о произошедшем [29]: «Я на 100 % знаю, чьи специальные разработки превращали в научную фантастику братья Стругацкие. И чьи специальные разработки превращал в научные теории господин Ракитов. Речь идет о специальных разработках, осуществлявшихся специальными же группами, находившимися под руководством одного и того же человека, игравшего особую роль в андроповский период и играющего особую роль до сих пор. Этот человек не был кустарем-одиночкой в андроповский период, и он не является им сейчас. И в андроповский период, и сейчас этот человек был частью определенной элитной системы. Да, он в силу своей незаурядности существенно влиял на замыслы этой системы, а также на способы реализации этих замыслов».

Одновременно следует признать, что эта борьба с затемненностью политики ведется также несколько затемненно, поскольку этот странный «спец» не называется. К тому же, возникают сомнения по поводу того, сколько же ему должно быть лет на данный момент, если, к примеру, он «писал» руками Стругацких.

Но вопрос о роли Стругацких все равно беспокоит многих. Даже если гипотеза Кургиняна верна, вряд ли все это было столь прямолинейно, как ему представляется. Есть более или менее подтвержденный документами опыт работы Ф. Бобкова с историком Н. Яковлевым и Ю. Андропова с Ю. Семеновым. В этих работах основным является все же помощь в документах, а не в четких указаниях со стороны КГБ.

Мы тоже хотим представить подборку документов-свидетельств со стороны как условных «друзей», так и условных «врагов» Стругацких и их творчества. К примеру, такой «друг», как Л. Радзиховский, несомненно, признает влияние на формирование мировоззрения Гайдара творчества Стругацких [30]: «Теперь не могу их разделить: Стругацких (особенно «Обитаемый остров») и Гайдара». «Мы говорим «Обитаемый остров» – подразумеваем Егора; мы говорим «Гайдар» – подразумеваем «Остров». Нет, правда: ведь вся проблематика «прогрессоров» и «странников», все эти вечные хождения восьмерками: КАК РЕФОРМИРОВАТЬ ТОТАЛИТАРНЫЙ СТРОЙ – разве это не круг мысли Гайдара? Такое впечатление, что Гайдар всю жизнь перечитывал «Остров», да не «перечитывал», а переживал, проигрывал его снова и снова. Если верно, что вся наша жизнь – реализация какого-то «своего» сюжета, то сюжет Гайдара – «Остров». […] Правда, в других, более ранних интервью, говорил противоположное – например, что и собственно экономикой («инфляцией») заинтересовался под влиянием «Обитаемого острова».

А такой условный «враг», как А. Илларионов, спорил с Гайдаром не только по поводу его экономической политики, он также вписывает Стругацких в определенную причинно-следственную связь с той ситуацией, в которой мы все оказались [31]: «На самом деле Стругацкие – знаковые авторы советской эпохи. Они всегда были знаменем низовой интеллигенции, своими романами подготовили почву для слома страны и идеологически создали тот перевернутый мир, в котором мы живем. Глашатай либеральных ценностей Анатолий Чубайс вспоминал: «*Егор Гайдар как-то позвонил мне и говорит: «Ты думал, что из себя представляет мир Стругацких? Ты вспомни их роман «Трудно быть богом». А ведь это и есть либеральная империя, когда приходишь куда-то с миссией и несешь с собой нечто, основанное на свободе, на правах человека, на частной собственности и предприимчивости, на ответственности*». Это они обсуждали расстрел Верховного Совета России из танковых орудий. Кстати, Егор Гайдар с детства дружил со Стругацкими, а потом женился на дочери одного из них, Аркадия. А экономикой занялся под влиянием романа «Обитаемый остров». Так же из книги можно узнать, что отец Стругацких был тем самым «комиссаром в пыльных шлемах» из песен Булата Окуджавы. То есть служил чекистом в продотрядах по физическому выколачиванию хлеба из крестьян».

Егор Гайдар и сам участвовал в обсуждении творчества Стругацких на семинаре в Высшей школе экономики [32]. Но ничего существенного из его уст, по крайней мере, в изложении автора статьи об этом семинаре там не прозвучало. Зато, отвечая на вопросы журнала *Форбс,* он достаточно четко говорит [33]: «Я люблю все написанное Стругацкими. Но если вы хотите меня спросить, было ли то, что мы делали, когда начинали реформы в России, как-нибудь связано с линией прогрессорства, – твердо могу ответить «нет». Во времена тяжелейшего кризиса, связанного с крахом советской экономики, нам было не до прогрессорства».

На вопрос, почему использовалась терминология Гэ Бэ – Галактическая Безопасность, Егор Гайдар отвечает так: «После публикации «Гадких лебедей» на Западе у Стругацких были тяжелые проблемы с тем, чтобы их печатали. Многие годы они писали в стол. И я думаю, что здесь был флирт с организацией, которая давала санкцию на публикации. Это моя догадка, не более того: ни Аркадий Натанович, ни Борис Натанович мне этого не говорили».

Если говорить честно, это немного странный ответ, поскольку такие организации не особо приветствуют «флирт» с ними. Или, говоря точнее, «флирт» мог быть там, где уже был хороший контакт, когда обе стороны знали друг друга.

Сам С. Кургинян видит ситуацию достаточно четко, можно сказать, политтехнологически [34]: «Номенклатура сформировала несколько колонн. Она, во-первых, отрывала тех, кто говорил о революции, от самого актива, а во-вторых, перемещала актив с революционной повестки дня на какую-то соседнюю, то есть переформатировала его. Одними из участников такого переформатирования были Стругацкие.

Два главных политических субъекта, которые выполняли такое переформатирование, – это академик Андрей Сахаров, который переформатировал все на либеральную повестку дня, и писатель Александр Солженицын, который переформатировал все на консервативную повестку дня. И то, и другое уже не было революционной повесткой дня – их задача заключалась не в том, чтобы вывести нашу социальную систему на качественно новый уровень, а в том, чтобы ее разрушить. Спрашивается: что дальше? Ответ: а вот как разрушим – так все и станет хорошо. Было ясно, что ничего хорошего не будет, новая система не создастся, страна развалится, будут обломки, но, тем не менее, наш актив тянули именно туда. Стругацкие же в этом процессе выполняли пусть относительно второстепенную, но очень сложную и необходимую функцию, поскольку речь шла о технократах – а основное ядро нашего потенциально революционного актива, этого советского когнитариата, было технократическим. Советская коммунистическая номенклатура боялась гуманитарных наук, потому что развивать их, не развивая обществоведение, было невозможно. А технические науки развивать надо было».

И этому взгляду мы тоже можем верить, поскольку в тот период КГБ действовала достаточно нетрадиционно, вплоть до участия в создании партии Жириновского или народных фронтов в национальных республиках. Более сильный игрок всегда может позволить себе более сильный ход, поскольку он сам задает правила игры, поэтому все сделанное им всегда будет правильным.

При этом в книге о братьях Стругацких приводится следующий разговор двадцатитрехлетнего Аркадия Стругацкого с родителями жены в 1948 г., где будущий фантаст предлагает (цит. по [35]): «*отнимать детей у родителей и помещать в закрытые санатории в Крыму*», где способных будут всячески развивать, создавая подлинную элиту… а из неспособных получатся «рабы» (сын красного комиссара употребил именно это слово)».

Это все ниточки, идущие, по мнению С. Кургиняна, от Андропова, но точно так можно тянуть ниточки, идущие от Суслова (см., например, [36]). Ср. также такое описание ситуации, идущее от сусловского окружения [37]: «Одна из характерных черт кризиса состояла в том, что в коридорах высшей власти шла борьба, и если чисто условно описывать ее в системных терминах известной теории игр, то это была, образно говоря, своеобразная сложная «игра», где с одной стороны, имеет место кооперация, а с другой – конкурентная борьба на выживание. Но она имела специфический характер и чисто внешне мало походила на борьбу. Цели у «игроков» (в данном случае – членов Политбюро) были разные. Кто-то претендовал на первые роли. Кто-то (особенно из «стариков») хотел лишь подольше сохранить свои позиции. Основной поведенческой тактикой в этой борьбе было (как бы лучше выразиться?) «напряженное выжидание». Почти никто не хотел делать резких, неосторожных ходов. Впрочем, по крайней мере один такой человек, который не только выжидал, но в какие-то моменты активно действовал, все же был. Речь идет об Андропове. Он, начиная с какого-то времени, очень настойчиво и последовательно стремился к высшей власти. Это был своего рода его «суперпроект», который он шаг за шагом реализовывал. Был очень осторожен, до поры до времени не торопился, боясь, что раньше времени будут разгаданы его намерения. При этом подчеркнуто и умело демонстрировал свои верноподданнические чувства Брежневу».

Есть целый «ворох» конспирологии, идущий от А. Байгушева [38–42]. Здесь во все это сложно поверить, но ключевые, реперные точки все же присутствуют. И все это возникает из-за того, что по сегодняшний день многие вопросы современной истории, когда еще живы множество свидетелей событий, остаются невыясненными. Например, как происходило заседание Политбюро 11 марта 1985 г., где Горбачев стал генсеком [43], правдивость обвинений В. Крючкова против А. Яковлева в сотрудничестве с западными спецслужбами [44]. Поэтому время от времени и появляется информация, которая не укладывается в схему, принятую в учебниках. Даже такая вроде бы проясненная ситуация, как смена Хрущева в 1964 г., остается, по сути, закрытой. Г. Арбатов четко пишет, что Брежнев не мог быть «мозгом и волей заговора» [45]. Он также дает ответ на вопрос, который остается открытым: почему Хрущев как достаточно активный человек никак не сопротивлялся своему снятию. Арбатов предполагает, что Хрущеву накануне объяснили, кто участвует в акции и кто ее поддерживает.

Есть также одна «промежуточная» версия, в соответствии с которой людей для будущего готовил Андропов, но потом проект рухнул и те, кого готовили, ушли под более сильного западного игрока [46]: «Нельзя винить наших стажеров за то, что они практически единодушно приняли участие в грандиозном грабеже России. Ведь Андропов отбирал их именно за соответствующие склонности: чтобы ими было легко манипулировать всегда, на любых, сколь угодно высоких постах, даже если власть КПСС рухнет, и в стране останется только КГБ. Но он и в кошмарном сне не мог представить себе полного краха всей системы, в условиях которого манипулировать нашими сотрудниками будем уже не мы. Вот, собственно, и вся история». В числе этих стажеров называют Гайдара, Чубайса, Авена.

И Н. Рыжков подтверждает, что основные положения по реформе страны были сделаны Андроповым, когда через месяц после своего назначения он поручил это Рыжкову, Горбачеву и Долгих. Рыжков рассказывает [47]: «Если же речь о переменах, то зачинателем надо считать все-таки Андропова. Известный доклад Горбачева на апрельском пленуме ЦК партии, когда прозвучали тезисы о необходимости реформ в стране, не был озарением нового генсека. Доклад этот целиком и полностью состоял из положений той концепции, которую мы разрабатывали начиная с 1983 года. Говорю это, потому что помогал Горбачеву готовить тот доклад. Мы разложили бумаги по всему полу у него в кабинете. Ходили и отмечали, что из концепции нужно обязательно взять для доклада, а стенографистка записывала за нами. Уверен, что слава, которая обрушилась на Горбачева после доклада, стала причиной последующих событий. Горбачев просто потерял чувство реальности. Решил, что он мессия. Его не страна интересовала, а то, как он выглядит на ее фоне».

Еще более полон странностями августовский путч [48]). Такое чувство, что путч планировался по зрелищным эффектам, а не по реальным действиям. При этом В. Крючков отрицает важность иностранного управления путчем, говоря в интервью «Российской газете» следующее [49]: «Внешний фактор присутствовал. Но он не был решающим. Взять конкретно развал страны. Что тому виной? Объективные и субъективные обстоятельства. И решающие, конечно, субъективные».

В результате «бессильный» путч подается в истории как мощная сила, пытавшаяся повернуть страну назад, а Ельцин как герой, который не дал этого сделать. Правда, М. Полторанин как носитель «внутренней» информации рисует несколько иную картину. Его точка зрения такова в ответе на вопрос, кто стоял за путчем [50]: «Горбачев с Ельциным вместе. Путч был разыгран. Потом он стал выходить из-под контроля благодаря председателю Комитета госбезопасности Крючкову. И когда стали чувствовать, что он выходит из-под контроля, Крючков попытался обдурить Ельцина. Это все было сделано, чтобы разрушить КПСС как систему, которая сдерживала Советский Союз».

А. Руцкой, ставший, кстати, вице-президентом по подсказке спичрайтеров Л. Пихоя и Г. Харина [51], также отрицает наличие заточения на Форосе. Свою встречу с Горбачевым

он описывает так [52]: «Заходим к Михаилу Сергеевичу – он в бежевом пуловере, небритый, и тут же эмоционально начал рассказывать: «Связь отключили, так я старенькую «Спидолу» на чердаке нашел и эфир прослушивал». Я про себя думаю: ну какая может быть старенькая «Спидола» на чердаке, если здание дачи сдано год назад? Потом он описывал, как пленку с видеозаписью своего обращения чуть ли не сжевал и не проглотил – ну детский лепет!»

Нельзя сбрасывать со счетов мнение Б. Гейтса, бывшего на тот момент замдиректора ЦРУ, который считал, что Горбачев перестройкой просто создает передышку, чтобы восстановить силы СССР [53–54]. Поэтому в другом своем выступлении он призывал ни в коем случае не финансировать перестройку, а только наблюдать.

Современная политика стала достаточно сложным процессом, где задействовано множество факторов, поэтому она и вызывает множество интерпретаций. И среди этих интерпретаций всегда будут конспирологические, которые, к тому же, через некоторое время вполне могут оказаться правдой.

Литература

1. *Кургинян С.* Качели. Конфликт элит – или развал России? – М., 2008

2. About Peter Dale Scott // understandingdeeppolitics.org/peter-dale-scott

3. *Scott P. D.* The doomsday project and deep events // www.globalresearch.ca/the-doomsday-project-and-deep-events-jfk-watergate-iran-contra-and-9-11/27806

4. *Scott P. D.* 9/11, JFK and war: recurring patterns in America's deep events // www.journalof911studies.com/volume/2007/ProfScottJFK,911,andWar.pdf

5. *Sunstein C. R.* Conspiracy theories // www.law.uchicago.edu/files/files/ 387.pdf

6. *Sunstein C. R.* Conspiracy theorists have suspicious, and sometimes paranoid natures // www.nytimes.com/roomfordebate/2015/01/04/are-conspiracy-theories-all-bad-17/conspiracy-theorists-have-suspicious-and-sometimes-paranoid-natures

7. *Griffin D. R.* Cognitive infiltration. An Obama appointee's plan to undermine the 9/11 conspiracy theory. – Northampton, 2011

8. *Speier H.* The truth on the hell and other essays on politics and culture, 1935–1987. – Oxford, 1989

9. *Bessner D.* Organizing complexity: the hopeful dreams and harsh realities of interdisciplinary collaboration at the Rand Corporation in the early Cold War // onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jhbs.21699/full

10. *Goldhamer G., Speier H.* Some observation on political gaming // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P1679.pdf

11. *Daye C.* Methods of Cold War Social Science: the development of political gaming and Delphi as means of investigating futures // www.academia.edu/ 4421094/ Methods_of_Cold_War_Social_Science_The_Development_of_Political_Gaming_and_Delphi_as_Means_o

12. *Levine R.* Crisis games 27 years later // jsoma.org/SNCRex14/Breakout ElectiveAY14/Gaming/LevineEtAl-CrisisGamesETC.pdf

13. *Speier H.* Psychological warfare reconsidered. – Santa Monica, 1951

14. *Sowinski P.* CIA covert book program: book programs in Poland // www.wilsoncenter.org/publication/cia-covert-book-program-book-programs-poland

15. *Vennard M.* How the CIA secretly published Dr Zhivago // www.bbc.com/news/magazine-27942646

16. Ex-CIA agent reveals how Venezuelan 'students' get putschist training // www.voltairenet.org/article183131.html

17. *Карцев Д.* План Андропова – Путина. Как чекисты получили контроль над страной // rusrep.ru/article/2012/10/31/kgb

18. *Греченевский О*. Подготовка кадров для будущей «перестройки» продолжается // dokumentika.org/lt/pasaulio/kto-gotovil-i-prichini-razvala-sssr-chast-2

19. *Ghamari-Tabrizi S.* Simulating the unthinkable: gaming future war in the 1950s and 1960s // msrc.fsu.edu/system/files/Ghamari-Tabrizi%202000%20Simulating%20the%20unthinkable-gaming%20future%20war%20in%20the%201950s%20and%201960s.pdf

20. *Johdo R.* Armed with expertise. The militarization of American social research during the Cold war. – Ithaca, 2013

21. *Bridger S.* Scientists at war. The ethics of Cold war weapons research. – Cambridge, 2015

22. *Rutland P.* Sovietology: from stagnation to Perestroika? A decade of doctoral research in Soviet politics // www.wilsoncenter.org/sites/default/files/op241_stagnation_perestroika_rutland_1991.pdf

23. *Crozier B*. The other side of perestroika. The hidden dimension of the Gorbachev era // www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya% 20archive/04-1_Crozier.pdf

24. Депутат Евгений Федоров: кампания о Цое и ЦРУ – это война, показывающая мощь пятой колонны // sobesednik.ru/politika/20140422-deputat-evgeniy-fedorov-kampaniya-o-coe-i-cru-eto-voyna-po

25. *Bennetts M*. Was this Soviet-era rock star a CIA-agent? // www.vocativ.com/world/russia/soviet-era-rock-star-cia-agent

26. *Липовецкий М*. Еще раз о комплексе прогрессора // magazines.russ.ru/nz/2015/99/13l.html

27. Ракитов, Анатолий Ильич // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2,_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87

28. *Ракитов А*. Требуется идеология чистых сортиров. Интервью // 2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/59n/n59n-s24.shtml

29. *Кургинян С*. Наш путь (продолжение – 9) // gazeta.eot.su/article/nash-put-prodolzhenie-9

30. *Радзиховский Л*. Остров, где обитал Гайдар // www.ej.ru/?a=note&id= 9758#

31. *Илларионов А*. Семья // aillarionov.livejournal.com/420439.html

32. *Новикова Е.* «Понять и упростить»: о семинаре «Опыт позднесоветского чтения и литература братьев Стругацких: «смысл жизни» и «смысл текста» // www.hse.ru/org/persons/yasin/news/3264116.html

33. *Гайдар Е*. Кризис приведет к изменению существующей системы. Интервью // m.forbes.ru/article.php?id=8191

34. *Винников В.* Стругацкие лебеди. Беседа с С. Кургиняном // www.zavtra.ru/content/view/strugatskie-igra-v-istoriyu

35. *Шубинский В*. Рецензия на книгу Ант. Скаландис. Братья Стругацкие // os.colta.ru/literature/projects/79/details/1938

36. *Огрызко В.* Вмешательство Старой площади, или тайные роли Михаила Суслова // www.litrossia.ru/2014/26/08949.html

37. *Сумароков Л*. Штрихи к личностному проекту Суслова // old.nasledie.ru/persstr/persona/symarokov/article.php?art=28

38. Незримый бой: Александр Байгушев и Бенедикт Сарнов // www.litrossia.ru/2010/20-21/05249.html

39. *Байгушев А. И*. Партийная разведка. – М., 2007

40. *Байгушев А. И*. Русский орден внутри КПСС. – М., 2005

41. Особые тетради аса стратегической разведки // www.litrossia.ru/2013/ 06/07791.html

42. Мы хотели восстановления монархии. Интервью с А. Байгушевым // www.pravaya.ru/expertopinion/393/14526

43. *Швед В*. Горбачев. Решающая схватка // www.specnaz.ru/articles/ 204/27/1905.htm

44. *Крючков В.* Личное дело. – М., 2003

45. *Арбатов Г.* Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. – М., 2002

46. Лонжюмо имени Андропова // stringer-news.com/publication.mhtml?Part=39&PubID=400

47. *Рыжков Н.* «Горбачева не страна интересовала, а то, как он выглядит на ее фоне». Интервью // izvestia.ru/news/575877

48. *Ермолин А., Грушка Л.* Засекреченный путч // www.newtimes.ru/articles/detail/86093

49. *Снегирев В.* Исповедь маленького человека. Бывший шеф КГБ СССР Владимир Крючков в эксклюзивном интервью «РГ» // www.rg.ru/2004/07/09/krychkov.html

50. Реформаторы приходят к власти: Михаил Полторанин // www.forbes.ru/interview/46921-reformatory-prihodyat-k-vlasti-mihail-poltoranin

51. *Бурбулис Г.* «Смертный приговор Советскому Союзу подписал ГКЧП». Интервью // lenta.ru/articles/2015/04/08/burbulis

52. *Руцкой А.* «Путч 1991 года – это проект Горбачева, он сам придумал его сценарий». Интервью // www.business-gazeta.ru/article/68539

53. *Gates B.* Gorbachev's gameplan – the long view // nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB504/docs/1987.11.24%20Gorbachev's%20Gameplan, %20The%20Long%20View.pdf

54. CIA official says watch perestroika, don't finance it // www.larouchepub.com/eiw/public/1988/eirv15n43-19881028/eirv15n43-19881028_064-cia_official_says_watch_perestro.pdf

Глава вторая
Пропаганда среди друзей и врагов

2.1. Модель пропаганды Хомского – Хермана

Н. Хомский оказался единственным ученым самого высокого уровня, который обратился к изучению пропаганды, сделав это вместе со своим соавтором Э. Херманом (см. о нем [1]). Их книга получила название «Производство согласия» [2]. Внимание Хомского к этой проблематике можно объяснить тем, что он еще является активным публицистом, чаще критикующим, чем хвалящим государство, это началось с критики войны во Вьетнаме, поэтому пропаганда с неизбежностью должна была попасть в поле его внимания.

Двадцатилетию выхода книги была посвящена специальная конференция в Виндзорском университете (Канада) [3]. Была еще одна конференция в Великобритании, часть материалов из которой попала в специальный номер журнала [4]. Журнал открывается интервью с соавторами – Херманом и Хомским [5]. И мы вернемся к этому интервью после обсуждения самой пропагандисткой модели.

Главной составляющей пропагандистской модели Хомского, как ее именует пресса, хотя у нее два соавтора, являются пять фильтров, которые формируют новости [2]: объемы (размеры, ориентация на прибыль, концентрация собственности), реклама как главный источник дохода для масс-медиа, опора на медиа при предоставлении информации правительством, бизнесом и «экспертами», исходящими из первичных источников, «обстрел» как метод дисциплинирования медиа, «антикоммунизм» как национальная религия и средство контроля.

Поток сырой информации, проходя через эти фильтры, оставляет на выходе только то, что не конфликтует с их требованиями. Это в целом не государственная, а элитная цензура, поскольку для того американского общества, которое описывается данной пропагандистской моделью, все же главной управляющей силой является крупный бизнес.

Херман объясняет эту ситуацию следующим образом [6]. Медиа зависит от элиты и ее информационных источников. Поскольку их модель демонстрирует антидемократический характер медиа, ее стараются не обсуждать в дискуссиях о предубежденности медиа.

В своем интервью Хомский и Херман говорят о тех изменениях, которые прошли за два десятилетия после выхода книги [5]:

– собственность стала еще более концентрированной и более глобализированной;

– реклама стала еще более важным компонентом, теперь конкуренция есть не только между традиционными медиа, но и между ними и Интернетом;

– отмеченные изменения создали большую зависимость от информационных агентств, предложений от паблик рилейшнз фирм, от проплаченных экспертов и пресс-релизов;

– «обстрелы» прессы стали более важным ограничителем, чем это было в 1988 г., правительства стали более строгими в наказании СМИ за отклонение от официальной линии;

– антикоммунизм ушел как идеологический фактор, но индивидов все равно можно привязывать к Сталину или Мао, к Милошевичу, чтобы предупреждать население об опасности социализма, дополнительно к этому «война с террором» удачно заменила советскую угрозу.

Отвечая на опрос, что бы они изменили в своей модели сегодня, если бы им довелось делать это сейчас, авторы говорят, что модель осталась бы принципиально той же. Идеологическими основаниями ее стали бы «свободный рынок», «антитерроризм» и «война с террором». Последние дали конкретику зла. Еще они могли бы добавить: агрессивный правительственный

новостной менеджмент, рост масс-медиа правого крыла типа Fox News и слабый рост других альтернативных медиа, включая интернет-издания.

Херман считает также, что пропагандистские кампании имеют место только тогда, когда они совпадают с интересами тех, кто контролирует фильтры [6]. В качестве примера он приводит разгром Солидарности польским правительством, что было признано новостным и заслуживающим осуждения, в то же время разгром турецким военным правительством профсоюзов не являлся таковым.

Во втором издании книги 2002 г. также присутствуют дополнения к исходной модели пропаганды 1988 г. [2]. Авторы подчеркивают, что глобальный баланс власти существенно сместился в сторону коммерческих систем, что развлекательные медиа стали прекрасным способом прятать идеологические сообщения, что два десятка фирм полностью контролируют все медиа, которые доступны жителям США.

Херман и Хомский также пишут: «Централизация медиа и сокращение ресурсов, связанных с журналистикой, сделали медиа еще боле зависимыми, чем это было всегда». Такой общий вывод можно сделать из той новой ситуации, к которой пришла медиаиндустрия. Понятно, что степень управляемости такой индустрией тоже возросла.

Развлекательные медиа, по их мнению, выполняют функцию, сходную со зрелищами Древнего Рима, отворачивая людей от политики и порождая политическую апатию. И это, вероятно, тоже важная функция социального управления.

Все эти слова авторов вполне понятны. Такой мощный ресурс, как медиа, не может остаться вне использования в целях социального управления. В противном случае власть пришлось бы менять каждое воскресенье, когда очередной разоблачительный фильм прошел бы по телеэкранам.

В качестве позитива данной пропагандистской модели исследователи отмечают то, что новостные дискурсы подаются не в вакууме, а в исторических и современных политико-экономических контекстах [7]. Модель также дает взможность рассматривать ситуацию с разных позиций. Акцент сделан также на том, что взгляд на новости связан с позицией власти.

Сделана попытка проследить эти же фильтры, отмеченные в пропагандистской модели Хермана – Хомского, на материале Голливуда [8]. И производство фильма полностью укладывается в эту модель. Если мы возьмем антикоммунизм как вариант идеологической борьбы, то это фильмы «Красная угроза» или «Рембо III». Когда холодная война завершилась, то Другой стал ассоциироваться с Востоком, часто это ислам в его радикальной форме. Можем вспомнить также характерного британского борца с коммунизмом – Джеймса Бонда, который теперь хорошо известен и на постсоветской территории.

Другое исследование подтверждает вышесказанное, утверждая, что на экране у арабамусульманина нет человеческого лица [9]. Соответственно, наличие таких серьезных фильтров говорит о том, что любая пропагандистская кампания будет требовать участия государства. Херман и Хомский пишут в своей пропагандистской модели [2]: «Пропагандистские кампании могут быть запущены или государством, или одной из медиа структур верхушки. Кампания по дискредитации правительства Никарагуа, по поддержке выборов в Сальвадоре как опыта по легитимизации демократии, по сбитому СССР корейскому лайнеру как средства мобилизации общественной поддержки роста вооружений были начаты и проведены правительством. Кампании информирования о преступлениях Пол Пота и мнимого заговора КГБ по убийству Папы были начаты журналом *Reader's Digest* с серьезной поддержкой со стороны NBC-TV, *New York Times* и другими основными медиаструктурами. Некоторые пропагандистские кампании запускаются совместно правительством и медиа, но все они нуждаются в сотрудничестве с масс-медиа».

Есть в их пропагандистской модели и право на некоторое отклонение: «Масс-медиа не являются монолитными по всем вопросам. Где сильные мира сего не могут найти согласия,

будет возникать определенное разнообразие тактических суждений на тему достижения согласованных целей, отраженных в медиадебатах».

Но в целом это исключение из общего правила, которое констатирует наличие согласия в верхах, которое транслируется в низы. Кстати, следующая вторая глава их книги называется «Достойные и недостойные жертвы», где речь идет о том, что жертвы во враждебном государстве всегда подаются как достойные, заслуживающие внимания, в то время как жертвы своего правительства такого внимания не достойны.

Тактические разногласия, хотя и возможны, но они не так часты, медиа не имеют того разнообразия, которое должно вытекать из этого наблюдения Хермана и Хомского. И отсутствие этого разнообразия на практике ставят им в вину, их теоретическая модель недостаточно адекватно отражает реальность [10] (см. также перечисление ряда недостатков, которые обнаружили в этой модели за двадцатилетие [11], при этом во второй части этой статьи констатируется, что модель инетренат отлична от моделей газет, радио и телевидения [12]).

Ш. Ремптон считает, что модель с помощью своих пяти фильтров отражает механизм того, как не те новости не будут попадать к потребителю и без использования оружия или Гулага [13]. Однако он же подчеркивает, что модель лучше отражает ту реальность, которая была на момент написания книги.

Правда, с точки зрения Ремптона Интернет внес существенные коррективы в пропагандистскую модель Хермана – Хомского. И он раскрывает их по всем предложенным фильтрам:

– концентрация собственности, но в Интернете достаточно просто завести свой сайт;

– реклама, но в Интернете реклама размещается в соответствии с поисковиком Гугл, то есть не информация создается под рекламу, а наоборот – реклама приходит к соответствующей информации;

– опора на официальные источники, но Интернет создал новый тип информирования – «журналистику граждан»;

– «обстрел» прессы как средство ее контроля, но для Интернета не так характерно обвинение с помощью юридической системы;

– антикоммунизм: он исчез, так что сегодня есть только «антитерроризм», «антиислам», что можно объединить как «антиантиамериканизм».

Через двадцать семь лет после выхода книги уже в 2015 г. Н. Хомский вновь отвечает на многие вопросы по поводу своей пропагандистской модели [14]. Хомский считает, что появление Интернета фундаментально не изменило пропагандисткую модель. Он также отвечает на интересный вопрос, не противоречит ли его модели освещение в СМИ разоблачений Сноудена, ведь это же подрыв интересов элиты.

Хомский отвечает следующим образом: «Что касается пропагандистской модели, то она является первым приближением, очень хорошим приближением того, как функционируют медиа. Мы также подчеркнули, что есть множество других факторов. Если вы посмотрите на книгу «Производство согласия», то практически треть книги, которую, кажется, никто не читал, посвящена защите медиа от критики от тех, кого называют организациями по правам граждан – Freedom House в данном случае. Это защита профессионализма и точности медиа в их освещении от жесткой критики, утверждавшей, что они являются виртуальными предателями, подрывающими правительственную политику. Мы должны знать, в противовес этому, что они были достаточно профессиональны».

В интервью упоминается выступление Р. Кайзера, экс-редактора *Washington Post*, с весьма привлекающим названием «Плохие новости о новостях» [15]. Он проработал в газете 50 лет и как журналист, и как редактор. Кайзер приводит такую статистику: американцы тратят на печатные медиа всего 5 % времени, но 20 % рекламы идет именно на них. Только треть американцев до 35 лет раз в неделю заглядывают в газету, и этот процент все уменьшается с каждым

годом. Кайзер говорит, что большая часть читателей нескольких качественных газет ближе к могиле, чем к старшим классам.

В 2002 г. у Кайзера выходила книга «Новости о новостях: американская журналистика в опасности» [16]. Первая глава ее заканчивалась словами: «Для американцев должно быть важно, что новости сегодня попали в зону риска. В информационное время, когда хорошая журналистика должна была бы расцвести, этого не происходит».

В своей новой книге он говорит: «Здоровому демократическому обществу нужны судьи – авторитетные фигуры со свистками, которые засвистят, когда почувствуют нарушение правил. Прокуроры и судьи выполняют эту роль в отношении закона, но их предписание ограничено пределами закона».

Все эти слова говорят об определенной ловушке, куда попала журналистика. Став зарабатывать деньги, она потеряла былую свободу. И ее функции тогда становятся иными.

Группа Media Tenor по заказу *Frankfurter Allgemeine Zeitung* проанализировала телекорпорации пяти стран [17]. Их исследование показало, что BBC предоставляет наименьшее время противоположным к доминирующим взглядам – 2 % времени, в то время как американский вещатель ABC дает 7 %. Речь идет о поддержке американских войск за рубежом, что американские СМИ традиционно делают лучше.

Есть также интересные данные 2013 г. о негативе в освещении американских мусульман, что они чаще возникают на экране в контексте криминала [18]. Еще одной составляющей этого процесса стало и то, что сегодня террористы стали определять имидж ислама. По сути, все это подтверждает пропагандистскую модель Хермана – Хомского, поскольку является отражением позиции элиты по этим вопросам.

Пропагандистская модель Хермана – Хомского отвечает на вопрос о механизмах создания во многом единого мнения у большинства жителей западных стран. Сильные медиаресурсы активно удерживают доминирующую картину мира, куда не особенно попадают альтернативные мнения. Правда, близкая ситуация есть и на постсоветском пространстве. Только если в случае США работают власть и корпорации, то в случае постсоветского пространства власть даже сильнее медиакорпораций. В любом случае доминирующая на данный момент элита может удерживать нужную картину мира, что в конечном счете облегчает ей осуществление социального управления.

Литература

1. *Edward S.* Herman // en.wikipedia.org/wiki/Edward_S._Herman

2. *Herman E. S., Chomsky N.* Manufacturing consent. The political economy of the mass media. – New York, 2002

3. 20 years of propaganda? // web4.uwindsor.ca/propaganda

4. Westminster Papers in Communication and Culture. – 2009. – Vol. 6. – № 2

5. The propaganda model after 20 years: interview with Edward S. Herman and Noam Chomsky // www.westminster.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0019/35119/002WPCC–Vol6-№ 2-Andrew_Mullen_interview.pdf

6. *Herman E. S.* The propaganda model: a retrospective // human-nature.com/reason/01/herman.pdf

7. *Klaehn J.* The propaganda model: theoretical and methodological considerations // www.westminster.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0013/35122/ 004WPCC–Vol6-№ 2-Jeffery_Klaehn.pdf

8. *Alford M.* A propaganda model for Hollywood // www.westminster.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0016/35125/009WPCC–Vol6-№ 2-Matthew_Alford.pdf

9. *Shaheen J. G.* Holywood's Muslim arabs // www.hartsem.edu/wp-content/ uploads/ shaheenart1.pdf

10. *Freedman D.* 'Smooth Operator?' The propaganda model and moments of crisis // www.westminster.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0011/35120/005WPCC–Vol6-№ 2-Des__Freedman.pdf

11. *Pedro J.* The propaganda model in the early 21st century. Part I // International Journal of Communication. – 2011. – № 5

12. *Pedro J.* The propaganda model in the early 21st century. Part 2 // International Journal of Communication. – 2011. – № 5

13. *Rampton S.* Has the Internet changed the propaganda model? // www.alternet.org/ story/54339/has_the_internet_changed_the_propaganda_model

14. *Lee S.* Chomsky: "I don't look at Twitter because it doesn't tell me anything" // www.huffingtonpost.com/seungyoon-lee/noam-chomsky-twitter-interview_b_7064462.html

15. *Kaiser R. G.* Bad news about news // www.brookings.edu/research/essays/2014/bad-news#

16. *Downie L., Jr., Kaiser R. G.* The news about the news: American journalism in peril. Chapter 1. News matters // www.washingtonpost.com/wp-srv/style/longterm/books/chap1/ thenewsaboutthenews.htm

17. *Doherty A.* The BBC and the popaganda model // lists.stir.ac.uk/pipermail/media-watch/2004-March/001030.html

18. Coverage of American muslims gets worse: muslims framed mostly as criminals // us.mediatenor.com/en/library/speeches

2.2. Модель пропаганды Жака Эллюля

Странным образом модель пропаганды Ж. Эллюля (см. о нем [1–2]) остается вне внимания как «прикладников», так и военных. Хотя при этом военные уже вовсю занялись изучением того, что уже давно известно, например, копаются в литературоведении, надеясь понять, что такое нарратив. Это связано со смещением военных конфликтов из физического в информационное пространство с констатацией того, что не так важно, кто победил на поле боя, как то, кто в результате победил на поле СМИ. Число примеров обратного толка, когда СМИ-победа оказывалась важнее, достаточно велико. Среди них Вьетнам, когда американцам пришлось уйти из-за проигрыша в телевойне на своем домашнем фронте. Это Чечня в варианте первой войны, когда телесимпатии были на стороне «бойцов за свободу Ичкерии». И одна из первых – бурская война, когда англичане в собственной прессе стали писать о бурах как борцах за свободу, а им самим досталась противоположная роль, то войну также прекратили. Во всех этих примерах мы видим значимость третьей стороны конфликта – собственного гражданского населения, которое сегодня является весьма важным компонентом. Отсюда, кстати, внимание к иным параметрам так называемой долгой войны, которое возникло после Афганистана и Ирака, в рамках которого появилось понимание того, что нужно доказывать справедливый характер собственных военных действий.

Есть Международное общество Жака Эллюля ([3], существует даже отдельное южнокорейское общество, но на его сайте нет никаких материалов). Все это говорит об интересе к человеку и его идеям, хотя они и были созданы достаточно давно.

Есть также попытка ответить на вопрос, почему некоторые люди не понимают концепции Эллюля? [4]. Эллюль действительно продвигал взгляды, которые не только новы, а просто противоречат обычным представлениям. Например, он считал, что тоталитарным государствам пропаганда особенно не нужна, у них есть иные методы. А вот демократическим государствам она нужна, и они пользуются более сложными формами пропаганды. Эти сложные модели не так заметны, потому не вызывают такого сопротивления со стороны аудитории, как пропаганда привычного порядка. Поэтому опровергать и бороться легче с нацистскими и коммунистическими моделями. С точки зрения Эллюля, пропаганда как раз добивается того, чтобы доказать своей жертве, что она защищена от манипуляции, что образование и выступает в роли такой защиты. Но все это не соответствует истине, поскольку чем образованнее человек, тем легче он поддается воздействию.

Книга «Пропаганда» Ж. Эллюля имеет подзаголовок «Формирование отношений у людей» [5]. Он считает, что пропаганда может быть только тотальной. Нельзя спорадически пользоваться только одним из медиа, должны быть задействованы все сразу. Необходимо задействовать не только разные средства, но и разные формы пропаганды. Следует различать также открытую и скрытую пропаганду. В последнем случае прячутся цели, идентичность, значимость и источник. Люди в этом случае не могут почувствовать, что кто-то пытается на них воздействовать.

Первая фраза в его книге такова: «Настоящая современная пропаганда может функционировать только в контексте современной научной системы». Это парадоксальное высказывание он объясняет с таких позиций:

– современная пропаганда основывается на научном анализе психологии и социологии;

– научность пропаганды лежит в том, что она устанавливает набор правил, точных и протестированных;

– для современной пропаганды важно адекватно проанализировать среду и индивида, поскольку требуются разные типы пропаганды для разных типов сред;

– научный характер пропаганды лежит и в обязательном измерении ее результатов, анализе ее эффектов.

У него также есть и такое интересное замечание: современная пропаганда адресуется одновременно и индивиду, и массе, поскольку разделение их невозможно.

И только на 61 стр. возникает его собственное определение пропаганды. Оно таково: «Пропаганда – это набор методов, используемых организованной группой, которая хочет добиться активного или пассивного участия в своих акциях массы индивидов, объединенных с помощью психологических манипуляций и включенных в организацию». Кстати, коммунистическую пропаганду он хвалит за вскрытие противоречий между ценностями буржуазного общества и реалиями этого общества.

Исследователи подчеркивают, что жизнь и идеи Жака Эллюля очень тесно переплетены [6]. В его биографии они выделяют два решающих момента – знакомство с книгами Карла Маркса и принятие христианства. Когда он в 1930 г. стал читать «Капитал», то он понял, что теперь ему все в этом мире стало понятным. А Библия, в свою очередь, дала ему ответы на те вопросы, на которые не смог ответить Маркс. Правда, подчеркивается и то, чо он изучал Маркса, но не был революционером по Марксу [7].

В фильме «Предательство технологии» Эллюль говорит, что резкие изменения произошли с человечеством в четырнадцатом и пятнадцатом веках [8]. Люди тогда отказались от традиций, от старых ценностей. С тех пор технологии разрушили все то, что было сакральным в прошлых обществах. За каждый новый шаг технологий человечеству приходится платить.

Эллюль находит следующую парадоксальную особенность в медиа: «Эра медиа является также эрой одиночества. Это очень важный факт. Мы можем увидеть это в молодежи. В 1953-м было так называемое «восстание без причины». Студенты взбунтовались в Стокгольме. Это было первым восстанием молодежи без причины. У них было все. Они были счастливы. Они жили в прекрасном обществе. Им ничего не было нужно. И внезапно перед праздником Нового года они вышли на улицы и принялись все разрушать. Никто не мог этого понять. Но они нуждались в чем-то другом, кроме потребления и технологий».

Следует также признать, что с того времени возникли не только революции без причины, но и безлидерские варианты, к которым относятся все протесты арабской весны. Так что ничто не стоит на месте, даже революция.

Р. Марлин выделяет двух основных теоретиков пропаганды: Дж. Оруелла и Ж. Эллюля, подчеркивая, что они оба были очень озабочены положением индвида в будущем массовом обществе [9]. При этом Оруелл особенно сильно боролся за свободу на фронте языка. Эллюль выделял управляющие массовым сознанием мифы: работа, счастье, страна, молодежь, герой. Эти мифы проникают в мышление.

В другом исследовании выделяются четыре таких теоретика [10]. Это У. Липпманн, Э. Бернейс, Ж. Эллюль и Н. Хомский. Так что Эллюль присутствует и в таком списке.

В одной из рецензий на книгу Эллюля подчеркивается, что мифопорождающую функцию массовых коммуникаций наиболее адекватно описал Г. Лассвелл, за которым последовал ряд других ученых, начиная с Д. Рисмена [11]. Эллюль же не знал всех этих работ. Интересно, что книга Лассвелла 1927 г., уже выходит в 1929 г. в русском переводе [12]. И только в последнее время через много-много десятилетий Лассвелла стали переводить снова [13–16].

На русский язык переведены два фрагмента книги Эллюля: «Индивид и масса» и «Ортопраксия» в статье А. Белоусова [17], есть также сайт любителей Эллюля – jacques-ellul.narod.ru, где можно посмотреть книгу Эллюля «Политическая иллюзия» [18].

Вот несколько цитат из данного перевода А. Белоусова [17]: «Чтобы быть эффективной, пропаганда не может увлекаться частностями – и не только потому, что склонять на свою сторону людей, одного за другим, займет слишком много времени, но также и по такой причине: весьма затруднительно формировать взгляды у изолированного индивида. Пропаганда закан-

чивается там, где начинается обычный диалог». Это по поводу необходимости работы с толпой, а не с отдельным индивидом, о чем мы говорили выше.

Эллюль легко сегодня бы поддержал британскую модель информационных операций, поскольку она направлена на изменения в поведении, а не в отношениях, как это имеет место в американской модели. Дословно Эллюль пишет следующее «Мы уже говорили о необходимости выполнения индивидом действий, полностью соответствующих целям пропагандиста. Это заставляет нас утверждать, что если классический, но устаревший взгляд на пропаганду настаивает на определении ее как приверженности человека к ортодоксии, то современная пропаганда, напротив, стремится к ортопраксии – действиям, которые уже сами по себе, а не по причине ценностных суждений действующего человека, непосредственно приводят к цели, не являющейся для индивида сознательной, но рассматриваемой как таковой пропагандистом. Он знает, какую цель предстоит достигнуть и какие действия должны быть выполнены, поэтому чередует многообразие инструментов, с помощью которых обеспечивается искомое действие. Это отдельный пример более общей проблемы разделения мыслей и действий в нашем обществе».

И о мифах: «Укажем на великие мифы, созданные различными пропагандами: мифы расы, пролетариата, фюрера, коммунистического общества, производительности. Со временем миф овладевает человеческим разумом настолько, что ему посвящается вся его жизнь. Но такой эффект может быть создан лишь неспешной, кропотливой работой с использованием всех средств пропаганды, а не какой угодно спешной пропагандистской операцией. Только когда у человека сформированы условные рефлексы и он живет в коллективном мифе, человек легко поддается мобилизации. Хотя оба метода – мифы и условные рефлексы – можно использовать в сочетании, каждый имеет собственные преимущества. Соединенные Штаты отдают предпочтение мифам, в Советском Союзе долгое время делали выбор в пользу рефлексов. Важно другое: когда приходит время, индивида можно увлечь действием, используя активную пропаганду, запуская установленные психологические рычаги и воскрешая в памяти миф. Не существует обязательной взаимосвязи между его действиями и моими рефлексами или содержанием мифа. Действия не обязательно обусловлены психологической стороной определенных аспектов мифа. Самое удивительное заключается вот в чем: подготовительная работа приводит лишь к готовности человека. Как только он готов, его можно мобилизовать в самых разных направлениях, но для этого, конечно, мифы и рефлексы необходимо постоянно реставрировать и воскрешать, иначе они атрофируются».

Есть перевод отрывка из первой главы книги «Пропаганда», которая носит название «Характеристики пропаганды», на сайте центра Аналитик ([19], см. также советский текст о социологической пропаганде, отталкивающийся от идей Эллюля [20]).

Собственно говоря, идея вычленения социологической пропаганды и является самым важным открытием Эллюля. Политическая пропаганда как бы вертикальная, она идет сверху вниз, в отличие от нее социологическая пропаганда является горизонтальной [5]. «Вертикальная» пропаганда вполне традиционна, мы легко ее распознаем и сопротивляемся ей, чего нельзя сказать о «горизонтальной» пропаганде.

Что же такое горизонтальная пропаганда? Говоря словами советской пропаганды – это распространение американского образа жизни ([20], см. также статью А. Мозолина с современным взглядом на образ жизни [21]). И тут советская пропаганда оказалась полностью права – именно через быт произошло разрушение советского еще до того, как Горбачев и Яковлев стали его рушить с помощью «вертикальной» пропаганды. То есть отставание, причем явное, Советского Союза в товарах народного потребления, если снова воспользоваться советской терминологией, оказалось более болезненным, чем любое отставание в гонке вооружений.

Эллюль задает социологическую пропаганду следующим образом [5, с. 63]: «В основе своей это проникновение идеологии с помощью социологических контекстов». И еще одно

разъяснение с его стороны: «Идеология распространяется, чтобы сделать разные политические действия, принимаемыми людьми. Но в социологической пропаганде это движение является обратным. Существующие экономические, политические и социологические факторы постепенно разрешают идеологии проникать в индивидов или массы».

Эллюль пишет, что так она задает определенный порядок вещей, тем самым готовит в неосознаваемом режиме индивидов к подчинению обществу. Социологичская пропаганда проходит в следующих видах носителей: в рекламе, в кино, в технологиях, в образовании, в Reader's Digest и др. Он считает, что все эти подталкивания человека идут вроде случайно, но всегда в нужном направлении, причем это трудно назать пропагандой. Но тем самым общество погружено в пропаганду на самом глубинном уровне.

С его точки зрения, наиболее преуспели в области социологической пропаганды США и Китай. Эллюль считает, что такой моделью успешной пропаганды в Азии является статус учителя, который обучает чтению и в то же время выполняет пропагандистскую роль.

Следует признать, что и Советский Союз в шестидесятые годы также обладал такой пропагандой как смесью вертикального и горизонтального вариантов. Я имею в виду реальные, а не пропагандистские достижения типа первого спутника или полета Гагарина в космос. Это характеристики из другой сферы, не из сферы быта, но они пропагандистски были сильны без всяких дополнительных слов. Таким образом, горизонтальную пропаганду мы можем определить еще и как пропаганду без слов.

Помимо разграничения политической и социологической пропаганды, Эллюль также разграничивает пропаганду как агитацию и пропаганду как интеграцию. Пропаганда агитации наиболее видна. Это может быть агитация, идущая от оппозиции, которая направлена на смену существующего строя. Но это может быть и правительственная пропаганда в случае мобилизации страны на войну. Чем менее образованными будут люди, на которых направлена эта пропаганда, тем больший успех она принесет в вовлечении индивида в общее дело.

Пропаганда интеграции является приметой развитых стран. Это пропаганда согласия, когда от гражданина требуется не просто проголосовать нужным способом, но и принять все истины данного общества и его модели поведения. Интеграционная пропаганда направлена на стабилизацию социосистемы, на ее объединение и усиление.

Примером такой пропаганды, с точки зрения Эллюля, являются США. Интеграционная пропаганда требует не временного подчинения какой-то конкретной задаче, а полного переформатирования человека. Интеллектуалы более чувствительны к ней, чем простые люди. В результате они разделяют все стереотипы данного общества, даже будучи его политическими оппонентами.

Революционная партия до взятия власти пользуется агитационной пропагандой, а сразу же после получения власти переходит на интеграционную пропаганду. Эллюль считает, что Советская Россия в двадцатые годы уже начала интеграционную пропаганду, но революционная ментальность менялась очень медленно. В качестве такого примера он приводит Кронштадтский мятеж, который произошел в 1921 г. в ответ на ухудшение экономических условий жизни людей. Правда, Эллюль не мог знать, что сегодня есть версия, что этот мятеж был организован самим ЧК, которому в той сложной ситуации нужна была маленькая победоносная война [22]. X съезд партии, который должен был дать экономические послабления, почему-то отложили, а в Петрограде начали арестовывать представителей всех партий, оппозиционных большевикам. Все это было сделано, когда еще не было даже ясно, кто именно руководит мятежом. Радиостанция Кронштадта передавала сообщение о восстании, а большевики не могли его заглушить. Все эти факторы и создают ощущение того, что мятеж был нужен двум сторонам, хотя и для разных целей.

Эллюль также разграничивает рациональную и иррациональную пропаганду. Современный человек нуждается в фактах. Поэтому содержание пропаганды всегда напоминает такого

рода информацию, стараясь быть рациональным и фактическим. Но факты останутся просто фактами, если не получат ответной реакции у объекта воздействия. Поэтому, с точки зрения Эллюля, проблемой пропаганды является создание иррациональной реакции на рациональные и фактические элементы. Пропаганда строится как логическая и рациональная, но ее результат остается иррациональным.

Эллюль рассматривает определенные требования, которые нужны для осуществления тотальной пропаганды. На первом месте стоит определенный жизненный уровень. Совершенно бедный человек не подходит для интеграционной пропаганды, поскольку все его усилия направлены только на выживание. К тому же, для тотальной пропаганды характерно использование всех средств, включая радио и телевидение, которых может не быть у бедного человека.

Еще одним условием является наличие минимального культурного уровня. Интеграционная пропаганда будет невозможна, как он считает, когда у людей западной социосистемы не будет характеристик западной культуры. Необходимо, к примеру, не просто уметь читать, а понимать то, что читаешь, без этого чтение не имеет значения. На некультурного человека невозможно повлиять с помощью пропаганды.

В отличие от других исследователей Эллюль сближает пропаганду и информацию. Он считает, что реально даже невозможно их разграничить. Информация является важным компонентом пропаганды, для успеха пропаганды необходима отсылка на политические и экономические реалии. Пропаганда не может выдумать проблему, на которой будет строиться, она должна быть в реальности.

Интеллектуал в его концепции легче поддается пропаганде, поскольку, к примеру, читая газеты, он получает разные точки зрения. По этой причине информация не только задает основу для пропаганды, но и дает средства для работы, ведь информация и порождает проблемы, которые используются пропагандой.

Условием успешной пропаганды также является наличие мифов и идеологий. С его точки зрения, идеология отличается от мифов в трех аспектах. Во-первых, миф находится более глубоко в душе человека, идеология с этой точки зрения более поверхностна. Во-вторых, идеология – это набор идей, миф более интеллектуально расплывчат. В-третьих, миф более сильно активирует, идеология более пассивна.

Эллюль считает, что мифы были во всех обществах, но не во всех существовали идеологии. Главными мифами он считает мифы Работы, Прогресса и Счастья. Главными идеологиями – Национализм, Демократию, Социализм. При этом пропаганду времен Французской революции, американской жизни в двадцатые или советской в сороковые он все равно считает выходящими из идеологии демократии. Эти три разные концепции пропаганды опирались на одну концепцию демократии.

По поводу психологических эффектов пропаганды Эллюль подчеркивает, что пропаганда дает людям стереотипы, так что им не надо беспокоиться самим об их выработке. Пропаганда стандартизирует идеи и модели мышления во всех сферах. Эти коллективные представления человек считает своими.

Аналитик корпорации РЕНД К. Келлен, написавший предисловие к английскому переводу книги Эллюля, упомянул, что на французском книга называлась «Пропаганды». Именно это и объясняет разные варианты пропаганд, обсуждаемых автором. Сам Келлен также представляет отдельный интерес (см. его био [23]). Он эмигрирует из Германии в 1933-м, в США одно время был личным секретарем Томаса Манна. Потом начинает работать в РЕНД. Его персону связывают с окончанием вьетнамской войны, поскольку он писал в своей аналитике о невозможности выиграть эту войну [24]. В некрологе РЕНД говорится об этом и о том, что он работал с Г. Каном и дружил с Альбертом Эйнштейном, чьим дальним родственником был [25]. В последнее время он работал в области анализа терроризма (см. его совместную с дру-

гими авторами монографию о концептуальных подходах к анализу террористических групп, вышедшую в 1985-м, то есть задолго до 11 сентября 2001 года [26]).

Когда Келлен работал в РЕНДе и писал на тему невозможности выигрыша во вьетнамской войне, его пытались свести с Киссинджером, который был архитектором этой войны. Но Киссинджер не захотел его выслушать. А если бы услышал, то мировая история была бы другой. Уже выйдя на пенсию, Келлен иногда все равно просыпался в страхе, что нацисты пришли за ним. А жил он в доме на берегу океана, где на стене висела картина Шагала.

Эллюль сделал попытку заложить фундамент понимания того, что же такое пропаганда. Сегодняшние тексты этого направления несомненно носят более объективизированный характер, поскольку вытекают каждый раз из конкретики того или иного прикладного направления. Однако Эллюль был вне этой прикладной направленности, поэтому ему и удалось увидеть более общие закономерности.

Литература

1. Jacques Ellul // en.wikipedia.org/wiki/Jacques_Ellul
2. Jacques Ellul (192—1994) // www.tentmaker.org/biographies/ellul.htm
3. International Jacques Ellul Society // ellul.org
4. *Bois D.* Why some people not understand Jacques Ellul? // www.themontrealreview.com/2009/Why-do-some-people-not-understand-Jacques- Ellul.php
5. *Ellul J.* Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973
6. *Greenman J.* P. *a. o.* Understanding Jacques Ellul. – Cambridge, 2013
7. *Yaroshin O. V.* Technocratic consciousness in the thought of Jacques Ellul. A dissertation. – Washington, 2014 / Catholic University of America
8. Transcript of The betrayal by technology // www.naturearteducation.org/R/Artikelen/Betrayal.htm
9. *Marlin R.* Propaganda and the ethics of persuasion. – Ontario etc., 2013
10. *Mars E.* Four perspectives of propaganda and their Implication in a modern society // www.york.cuny.edu/academics/honors/theses/2010/mars_thesis
11. Two ways of looking at propaganda // uscpublicdiplomacy.org/blog/060629_two_ways_of_looking_at_propaganda
12. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. – М.—Л., 1929
13. *Ласвелл Г.* Язык власти // www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm
14. *Лассвелл Г.* Стиль в языке политики // www.philology.ru/linguistics1/lasswell-07.htm
15. *Лассвелл Г.* Стратегия советской пропаганды // www.twirpx.com/file/625386
16. *Якобсон С., Лассвелл Г.* Первомайские лозунги в советской России (1918–1943) // bib.convdocs.org/v31143/%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0 %B1%D1%81%D0%BE%D0%BD_%D1%81.,_%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%BB_%D0%B3.%D0%B4._%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BB%D0%BE%D0%B7%D1%83%D0%BD%D0%B3%D0%B8_%D0%B2_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_1918-1943
17. *Белоусов А.* «Пропаганда» Жака Эллюля // www.academia.edu/8758180/ _%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD %D0%B4%D0%B0_%D0%96%D0%B0%D0%BA%D0%B0_%D0%AD%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D0%BB%D1%8F_2010_
18. *Эллюль Ж.* Политическая иллюзия // jacques-ellul.narod.ru/business.html

19. *Эллюль Ж.* Характеристики пропаганды // www.rc-analitik.ru/propaganda/teoriya_i_praktika_propagandy_hrestomatiya/vypusk__2_harakteristiki_propagandy

20. Социологическая пропаганда // www.rc-analitik.ru/propaganda/teoriya_i_praktika_propagandy_hrestomatiya/vypusk__1_sociologicheskaya_propaganda_

21. *Мозолин А. В.* Теоретические и технологические аспекты формирования образа жизни. – Пропаганда. Вып. 4 // www.rc-analitik.ru/file/%7B08375827-50a9-49f6-9bae-28ed864700de%7D

22. *Кузнецова С.* «ЧК было получено предписание организовать Кронштадтский мятеж» // www.kommersant.ru/doc/1572760

23. Konrad_Kellen // en.wikipedia.org/wiki/Konrad_Kellen

24. Viewpoint: could one man have shortened the Vietnam War? // www.bbc.com/news/magazine-23037957

25. Obituary: RAND analyst Konrad Kellen helped explain motivation of terrorists and other U. S. foes // www.rand.org/news/press/2007/04/12/index2.html

26. A conceptul framework for analyzing terrorist groups // www.rand.org/pubs/reports/R3151.html

2.3. Модель декодирования Стивена Холла

Пропаганда, являясь по сути своей междисциплинарной сферой, ищет новые идеи повсюду. Есть известная на Западе и менее известная у нас модель кодирования/декодирования С. Холла (см. о нем [1]), которую он предложил еще в 1973 г. [2–3]. Главная новизна в ней заключается в проблемах декодирования, поскольку Холл считал, что каждый получатель декодирует получаемое сообщение по-своему, опираясь на свой культурный и прочий багаж. Собственно говоря, это же подчеркивал на нашей территории и Ю. Лотман, постулируя даже несовпадение кодов у того, кто отправляет сообщение, и того, кто его получает. Но у Холла это получило политический «поворот», чего, конечно, не могло быть у Лотмана, писавшего в советские времена.

Холл также подчеркивает следующее: «Событие должно стать «рассказом», прежде чем оно станет коммуникативным событием. В этот момент всем руководят формальные правила дискурса […] «Форма сообщения» является необходимой «формой появления» события при переходе от источника к получателю». И в другом месте: «Разные сферы общественной жизни переходят в дискурсивные измерения, иерархически организованные в доминирующие или предпочитаемые значения».

Холл говорит практически теми же словами, что и Херман и Хомский, что профессиональный код работает не сам по себе, а в рамках «гегемонии» доминирующего кода: «Интерпретации с точки зрения гегемонии, к примеру, политики Северной Ирландии или чилийского путча принципиально порождаются политическими и военными элитами: конкретный выбор презентационных форматов и ситуаций, отбор персоналий, выбор картинки, постановка дискуссий отбирается и комбинируется с помощью оперирования профессиональным кодом».

Холл выстроил три возможных типа декодировки. В первом случае получатель принимает «предпочитаемые» значения, чего и хотел добиться отправитель. Во втором, опираясь на оппозиционный код, он отрицает сообщение. В третьем – возникает «договорное» значение, в котором сочетается что-то из «предпочитаемого» с отрицаемой другой его частью.

Все это отражает борьбу с гегемонией в коммуникации. Слово «гегемония» сразу же вызывает к жизни представления А. Грамши, и мы понимаем, что находимся в рамках неомарксистского подхода.

П. Лау считает, что своей теорией Холл открыл новый подход к исследованию как «аудитории», так и «чтения» [4]. Читатель предстает в ней как создатель значений, соответственно, начинает рушиться и манипулятивная теория, поскольку активная позиция читателя легко ее разрушает. П. Лау говорит о читателе как о «герое сопротивления».

Правда, при том как-то забывается, что что-то должно толкать читателя на непринятие предлагаемого ему прочтения. Всегда будет легче, не затрачивая дополнительных усилий, довольствоваться теми значениями, которые предлагаются. Вероятно, в этом лежит серьезная притягательность массовой культуры, которая не требует от читателя/зрителя дополнительных размышлений. Она даже не требует от него особой памяти, поскольку строится на бесконечных повторах.

Объединяя подходы Грамши и Холла, Лау выстраивает следующий набор возможных позиций по декодированию:

– декодировщики, обладающие властью (внутри правящей гегемонии);

– декодировщики, выстраивающие власть (устанавливают и консолидируют новые гегемонии);

– декодировщики, пытающиеся сбросить существующие властные отношения (они находятся в оппозиции к гегемоническим порядкам);

– декодировщики, амбивалентные к результату битвы за власть;

– декодировщики, вписанные в правящую гегемонию;

– декодировщики, которые находятся в оппозиции к правящей гегемонии (они могут быть вписаны, а могут и нет, в группы контргегемонии);

– декодировщики, являющиеся амбивалентными по отношению к правящей гегемонии;

– декодировщики, которые амбивалентны к группам контргегемонии и/или битвам за гегемонию.

Лау подчеркивает, что сопротивление значениям, которые навязывают отправители, является лишь возможностью, которая не всегда реализуется. Можно сказать даже более определенно: оппозиционная интерпретация является более редкой, чем та, которая навязывается. Однако в конфликтных ситуациях оппозиционные интерпретации идут вверх, в ряде случаев становясь достаточно частотными.

Теория Холла протипоставляется имеющимся на тот момент представлениям, в которых коммуникация рассматривалась как односторонний процесс, роль отправителя сообщения резко завышалась, а роль получателя была заниженной. Подход Холла был совершенно другой, аудитория также получала в нем свои права и могла вступать в конфликт с тем, чего хочет отправитель. При этом у интерпретаторов его теории возникает потребность в еще одном элементе – идеологии [5]: «Невозможно иметь значения без идеологии, поскольку идеология является рамкой для чтения этого значения. Отправители кодируют конкретную идеологию с помощью значения текста. Аудитория также декодирует значение, основываясь на идеологии, хотя это может быть другая идеология, чем этого хочет отправитель».

Введение идеологии как еще одного компонента в процессе порождения и восстановления значения вполне справедливо. Но это должна быть идеология другого типа – нечто вроде здравого смысла элитной группировки. Идеология только более системна и ориентирована на болевые точки.

В более полной версии этой работы Холла речь идет именно о телевизионных сообщениях и автор говорит о несимметричности кодов кодирования и декодирования [6]. Он также подчеркивает, что телевизионный знак является сложным, поскольку сочетает в себе два дискурса: визуальный и слуховой. Визуальный дискурс переводит трехмерный мир в двухмерные изображения, как говорит Холл, собака с экрана может лаять, но не может кусать.

Самым важным моментом, который проявляется в кризисных ситуациях, Холл считает тот, когда «договорное» значение становится «оппозиционным». То есть в этом случае происходит полное вычеркивание доминирующего понимания.

Этот акцент на оппозиционности и привлекает постоянное внимание к С. Холлу. Например, конференция, посвященная ему, которая прошла в Нью-Йоркском университете в 2015 г., называлась «Стюарт Холл: географии сопротивления» [7]. Стюарта Холла относят к марксистской теории медиа, отсюда его внимание к оппозиционному декодированию, гегемонии Грамши, постколониальной теории [8]. Даже с будущей женой он знакомится на марше во время кампании за ядерное разоружение в 1963 г.

В Великобритании Холл является также основателем Бирмингемской школы культурных исследований. В этом плане он акцентирует внимание на особенностях коллективной работы в одном из своих интервью [9]: «Культурные исследования не имели бы места, если бы мы не старались собрать вместе людей с разными способностями и умениями. Именно это делает все таким интересным. Как вы знаете, мы реально пытались в Бирмингеме взяться за ужасную задачу коллективного писания. Но мы и писали коллективно, что я рекомендую старшим товарищам».

Есть транскрипт лекции Холла в фильме о нем, посвященном репрезентации, которую он начинает с разъяснения своего объекта анализа [10]: «Я взял визуальную репрезентацию, поскольку это уже стало разговорным клише, что в современном мире наша культура насыщена изображениями в самых разных формах. Изображение само по себе – движущееся или непо-

движное, передаваемое с помощью разных медиа, – кажется, стало или должно стать превалирующим знаком позднесовременной культуры. Позднесовременная культура – это не только культура, которую можно найти в развитых, индустриальных, постиндустриальных обществах западного мира. Но и из-за глобального взрыва в коммуникативных системах, это также насыщающий медиум, насыщающая идиома всемирных коммуникаций».

Холл приводит еще такой пример. Человек может сказать, что он видит людей на встрече в Северной Ирландии, обсуждающих ситуацию в Северной Ирландии. Но что именно это означает, понять трудно, потому что нужно знать историю проблемы, что хочет каждый из участников, каковы будут последствия того или иного решения. То есть нет одного фиксированного значения.

В работе по репрезентации Холл подчеркивает, что культура задается общими значениями [11]. Язык представляет собой вариант «медиа», становясь посредником, с помощью которого мысли, идеи и чувства оказываются отраженными в культуре. И именно такой тип репрезентации является центральным.

Холл видит такие отличия в семиотическом и дискурсивном подходе: семиотику интересует, как происходит репрезентация, то есть как язык производит значения, а дискурсивный подход – последствия репрезентации. В первом случае мы имеем дело с поэтикой, во втором – с политикой.

Семиотика, по его мнению, занимает внеисторическую позицию, в то время как Фуко, например, «историзировал» дискурс, репрезентацию, знание, правду [12]. Психическая болезнь является для него такой только внутри определенного исторического периода. Сумасшествие, наказание, сексуальность существуют только внутри дискурсивных практик о них, так как значения порождаются только в дискурсе (см. также исследования Холла в области создания культурной идентичности [13–16]).

Холл умер в 2014 г., в его некрологах представлена палитра его идей во всей полноте [17–20]. Холл родился на Ямайке и эмигрировал в Британию в 1951 г. Один из профессоров назвал его «ведущим теоретиком черной Британии». Сам он писал о том, что людей черной Британии всегда представляют в новостях только в связи с негативными событиями.

Если подвести итог, то самым важным для нас является активная роль получателя сообщения, способного изменять получаемое содержание с доминирующего на оппозиционное. При этом промежуточный вариант обсуждаемого сообщения, где часть доминирующих значений не признается, может служить инструкцией для построения кампаний. Так поступили, к примеру, конструкторы перестройки, сняв с доминирующего пантеона вождей Сталина за счет обращения к Ленину, а потом избавились и от Ленина, признав вину не вождей, а самой системы. То есть оппозиционное понимание выстраивалось в несколько этапов, а не напрямую.

Правда, У. Эко предложил еще один путь анализа, выделив не только интенцию автора и интенцию читателя, но и новое понятие – интенция текста [21]. То есть текст также может быть запрограммирован на определенное прочтение.

Холл, как представитель направления культурных исследований, связал медиа и культуру. Общей единицей при этом становятся значения, поскольку общие для всех значения и составляют культуру. С точки зрения пропаганды особый интерес в концепции Холла представляют как «договорные», так и «оппозиционные» значения. Кстати, сегодня политические психологи так и говорят, что независимо от политических предпочтений можно пытаться убедить человека, поскольку он все равно имеет разное отношение к разным проблемам [22–23]. При этом он остается либералом или консерватором, но по отдельным вопросам имеет свое собственное мнение, на которое можно опираться, пытаясь перевести его на свою сторону. Это очень важно, особенно для западной модели выборов, где политтехнологии в первую очередь ориентируются на тех, кто еще не принял своего решения.

Литература

1. Stuart Hall (cultural theorist) // en.wikipedia.org/wiki/Stuart_Hall_%28cultural_theorist%29

2. *Hall S.* Encoding, decoding // faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/SH-Encoding-Decoding.pdf

3. Encoding/decoding model of communication // en.wikipedia.org/wiki/Encoding/decoding_model_of_communication

4. *Louw P. E.* The media and cultural production. – London, 2001

5. *Damon D.* The last day on Earth: encoding and decoding of resistant ideology in music video // digitalcommons.trinity.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=comm_honors

6. *Hall S.* Encoding, decoding // faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/SH-Coding.pdf

7. Stuart Hall: geographies of resistance // centerforthehumanities.org/program/stuart-hall-geographies-resistance

8. *Chandler D.* Marxist media theory. Stuart Hall // visual-memory.co.uk/daniel/Documents/marxism/marxism11.html

9. A conversation with Stuart Hall // quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.0007.107/—conversation-with-stuart-hall?rgn=main;view=fulltext

10. Transcript. Stuart Hall. Representation and the media // www.mediaed.org/assets/products/409/transcript_409.pdf

11. *Hall S.* Introduction // Representation. Cultural representations and signifying practices. Ed. by S. Hall. – London etc., 1997

12. *Hall S.* Representation, meaning and culture // Ibid

13. *Hall S.* The question of cultural identity // www.csuchico.edu/~pkittle/101/hall.html

14. *Hall S.* Cultural identity and diaspora // sites.middlebury.edu/nydiasporaworkshop/files/2011/04/D-OA-HallStuart-CulturalIdentityandDiaspora.pdf

15. *Hall S.* Cultural studies and its theoretical legacies // msuweb.montclair.edu/~furrg/pursuits/hallcultstuds.html

16. *Hall S.* New ethnicities // www.amherst.edu/media/view/88663/original/ Hall%2B-%2BNew%2BEthnicities.pdf

17. *Williamson M.* Professor Stuart Hall: Sociologist and pioneer in the field of cultural studies whose work explored the concept of Britishness // www.independent.co.uk/news/obituaries/professor-stuart-hall-sociologist-and-pioneer-in-the-field-of-cultural-studies-whose-work-explored-the-concept-of-britishness-9120126.html

18. *Morley D. a. o.* Stuart Hall obituary // www.theguardian.com/politics/2014/feb/10/stuart-hall

19. *Chappel B.* Stuart Hall, 'godfather of multiculturalism,' dies // www. npr.org/blogs/thetwo-way/2014/02/10/274789348/stuart-hall-godfather-of-multiculturalism-dies

20. *Wainwright H.* The spirit of Stuart Hall // www.jacobinmag.com/2014/02/the-spirit-of-stuart-hall

21. *Eco U.* Interpretation and overinterpretation: world, history, texts // tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf

22. *Westen D.* The political brain. The role of emotion in deciding the fate of the nation. – New York, 2008

23. *Lakoff G.* The political mind. A cognitive scientist's guide to your brain and its politics. – New York etc., 2009

2.4. Пропагандистские войны: от социальных сетей и СМИ к телесериалам

Одним из факторов, мешающих развитию теории и практики информационного конфликта и противоборства (ИКП), является употребление множества понятий для одних и тех же процессов, а также как подведение одних и тех же процессов под разные термины, так и обозначение одним термином разных процессов.

Такое неудачное многообразие отражает отсутствие внятной объединяющей теории. Однако реальность все время движется вперед, поэтому практика, а не теория, порождает многообразие всей этой терминологии. В США это объяснили тем, что каждое министерство взяло себе на вооружение свой собственный термин. Например, госдепартамент занимается публичной дипломатией, а министерство обороны – информационными операциями.

Причем США имеют запрет на использование такого рода методов при воздействии на собственное население. Но сразу следует подчеркнуть условность этого запрета, так как если не конкретно эти, но другие методы активно развивают бизнес в виде разнообразного инструментария рекламы и паблик рилейшнз, а также политтехнологии, которые сегодня пришли к достаточно интересному и сложному методу воздействия, получившему название микротаргетинга. Это практически точечный метод вхождения в индивидуальное сознание.

Термины и методы также меняются со временем. То, что в первую мировую войну стало пропагандой, сегодня несомненно будет именоваться информационной войной. И в этом, как нам представляется, содержится важное изменение, которое позволит нам выстроить новую классификацию информационных воздействий.

Информационная война, или информационные операции, как это принято именовать у военных, поскольку война бывает не всегда, а термин операции позволяет работать всегда, направлены на чужую аудиторию. Пропаганда со времен тоталитарных государств описывает воздействие на свою собственную аудиторию.

В рамках пропагандистского воздействия на свою аудиторию (СССР на СССР, Россия на Росию, Украина на Украину) это в большей степени остается делом своей страны. Тут вмешательство невозможно. Конфликтные ситуации возникают при воздействии на чужое население. Они становятся вдвойне заметными, поскольку здесь конфликтуют не только факты или их подбор, а и разные картины мира, что воспринимается достаточно болезненно.

Запад, да и не только он, не употребляет этот термин сегодня по отношению к своей аудитории. Но если быть честным, то, по сути, любая страна занята тем, что удерживает свою картину мира всей своей информационной мощью. Аналогами авианосцев физического пространства являются информагентства, электронные и печатные издания, постоянно заполняющие информационное пространство своими сообщениями, которые создаются под одним углом зрения. Нюансы политического характера, которые часто приводят в качестве примера альтернативности взглядов, на самом деле не являются существенными, так как эти сообщения все равно принадлежат одной картине мира.

Помимо пространств физического и информационного, есть пространство виртуальное, которое работает больше со стратегическим, чем тактическим продуктом. И точно так поступают в виртуальном пространстве свои собственные «авианосцы» – киностудии, театры, издательства. Их объемы производства несопоставимы с индивидуальными, это индустриальные машины по порождению информации.

Информационное пространство имеет в виде точки отсчета информационную повестку дня. Но есть такая же и виртуальная повестка, о которой никто не говорит. Поскольку на создание фильма уходит 3–4 года, мы уже не можем говорить в этом случае о сегодняшней повестке дня. Это скорее повестка десятилетия.

Иногда население готовят к грядущим переменам, а не описывают их. Практически в преддверии кризиса 2008 г., например, Голливуд заявил, что принимаемые в производство сценарии теперь будут только комедиями и мелодрамами, никаких трагедий.

Иногда действие виртуального продукта является столь же заметным, как и продукта информационного, не говоря уже о чисто физическом. Именно поэтому он встречает жесткое сопротивление со стороны другой картины мира. Можно вспомнить следующие примеры:

– Иран: запрет на ввоз куклы Барби;

– США: разработка куклы демона Бен Ладена;

– Россия: изъятие из магазина «Детский мир» немецких игрушечных солдатиков времен войны;

– Украина: борьба со статуями Ленина;

– СССР: борьба с джинсами, длинными волосами, музыкой и танцами, в которых усматривали символы западности.

Это все физически реализованные виртуальные объекты. Но есть виртуальные объекты из чисто виртуального пространства, которые, как оказалось, тоже обладают мощным потенциалом.

Профессор Вермонтского университета Э. Гирзински (см. о нем [1]) выпускает в 2013 г. исследование о влиянии «Гарри Поттера» на молодое поколение [2]. Кстати, в книге он подчеркивает, что социальная наука мало уделила внимания тому, как художественная литература воздействует на политические взгляды. А в случае Гарри Поттера 60 % его читателей голосовали за Обаму, а 83 % не одобряют деятельность Дж. Буша.

Книга сразу же получила широкое освещение (см., например, [3–8]). И понятно почему. В ней он попытался доказать, что «Гарри Поттер» так изменил представления молодых, что эти «молодые» мозги отдали свои голоса Обаме против того, что они увидели за время правления Буша.

Гирзински проинтервьюировал более тысячи студентов. Он получил данные о том, что фаны Поттера в отличие от нефанов более открыты разнообразию и более политически толерантны. Они меньше поддерживают использование пыток, они более политически активны, они, как видно, имеют отрицательное мнение об администрации Буша. Другими словами, это можно переформулировать менее политически корректно – они скорее за демократов, чем за республиканцев.

Сам Э. Гирзински уходит от громких слов, что Гарри Поттер промыл мозги американцам или что он избрал Обаму. Его точные слова таковы [5]: «Я нашел эмпирическое подтверждение идеи того, что серия про Гарри Поттера повлияла на политические ценности и перспективы поколения, которое повзрослело вместе с этими книгами. Чтение этих книг коррелирует с большим уровнем принятия групп, стоящих вне общества, с меньшей предиспозицией к авторитаризму, с большей поддержкой равенства и большей оппозицией к использованию насилия и пыток. Как заметили фаны Гарри Поттера, это основные темы, потворяющиеся во всех сериях. Эти корреляции остаются значимыми даже при применении более сложных статистических анализов, когда контролировалось, среди прочего, влияние родителей».

Можно даже сказать, что «Гарри Поттер» переключил массовое сознание молодежи, а точнее, своих поклонников, на иную картину мира, косвенно признав «бушевскую», бывшую актуальной на тот момент, неправильной. И хоть республиканцы смеялись, услышав о результатах этого исследования, что им заменили мозги фантазиями, но это оказалось правдой.

Гирзински говорит также, что восприятие литературы отличается от восприятия информации, поскольку на читателя воздействуют эмоции, он может не соотносить все это с фактами реальной жизни. Он ссылается при этом на работу М. Грин, которая подчеркивает [9]: «Кроме потери доступа к фактам реального мира, транспортированные читатели могут испытывать сильные эмоции и мотивации, даже если они знают, что события в рассказе не являются

реальными». А свою статью она начинает со следующего утверждения: «Скорее, пропагандистские месседжи, а не нарративные изучались учеными в области убеждения за последние полстолетия. Этот удивительный дисбаланс научного внимания продолжался, даже при том, что по опыту людей повсюду публичные нарративы доминируют над пропагандистскими: романы, фильмы, мыльные оперы, музыкальная лирика, истории в газетах и журналах, на телевидении и радио привлекают намного больше внимания, чем реклама, проповеди, передовицы, билборды и пр. Сила нарративов в изменении представлений никогда не подвергалась сомнению, и ее всегда боялись».

Речь идет о теории транспортации с помощью чтения печатных текстов М. Грин. Но для нее понятие читателя включает и слушателя, и зрителя, и любого другого получателя нарративной информации. Речь идет о транспортации в нарративный мир, компонентами которого являются эмоциональные реакции, ментальное воображение и отсутствие доступа к информации реального мира.

В результате этой транспортации читатель начинает ассоциировать себя с героем. В результате он переносит на себя определенные характеристики героя. Пример с Гарри Поттером демонстрирует, что этот перенос может иметь и косвенные политические последствия.

Мелани Грин (ее био – [10], ее сайт – green.socialpsychology.org) предложила нарративную теорию транспортировки, хотя сам термин транспортация по отношению к процессу погружения в вымышленный мир принадлежит не ей (см. [11–12]). Это термин Р. Геррига из его книги 1993 г. [13]. Здесь он отталкивается от метафоры путешествия в нарративные миры. Герриг, разрабатывая эту метафору, выстраивает в книге такие элементы транспортировки [14]:

– путешественник транспортируется с помощью каких-то элементов транспортировки, в результате проведения определенных действий;

– путешественник проходит какое-то расстояние от мира своего происхождения;

– это делает некоторые аспекты мира происхождения недоступными;

– путешественник возвращается в мир происхождения, изменившись за время путешествия.

Через десять лет Герриг выступает как когнитивный психолог, изучая взаимодействие между литературным опытом и когнитивными процессами [15]. В целом это направление развивается достаточно успешно, поскольку оно дает возможность объективизировать некоторые ощущаемые переходы между реальным и виртуальными мирами (см. некоторые другие работы [16–17]).

Можем ли мы считать «Гарри Поттера» пропагандой? И да, и нет. Но в любом случае существует множество непрямых методов влияния, таких и других, не информационных, а именно виртуальных объектов эмоционального воздействия, несущих вместе с тем свою собственную картину мира.

Виртуальные объекты могут существенно влиять на трансформации общества. Великобритания, к примеру, внезапно ощутила рост студентов, которые хотят изучать физику [18–19]. Число студентов, подающих заявки на физические факультеты, выросло с 2012 г. на 40 %. И что же считают причиной этого? Такие фильмы-блокбастеры, как «Гравитация», «Интерстеллар», «Теория всего». Последний фильм рассказывает о жизни Стивена Хокинга. А еще юные умы заинтересовались адронным коллайдером и марсоходом. Тут не упоминаются и другие фильмы, которые вышли в последнее время. Это и фильм о Тьюринге, четыре серии фильма о Флеминге, фильм о Цукерберге, американский сериал «Числа», повествующий о работе математика на ФБР. Сериал «Круг Блетчли» рассказывает о жизни дешифровщиц, которые читали кодированные тексты немцев во время войны, а после войны занялись расследованием преступлений, поскольку они умеют находить закономерности там, где их не видит никто другой.

Вероятно, мы можем понять под углом зрения теории транспортации и пропагандисткое влияние внутри страны. Вспомним СССР, где, следует признать, был широко открытым только один виртуальный мир – строителей коммунизма. Ко всему остальному дверь была закрыта. В таких тоталитарных условиях, когда происходит транспортировка в один виртуальный мир, а другие запрещены, пропаганда действует просто замечательно. И имеет место перенос характеристик героев на молодое поколение страны.

Но все это эффективно работает не только потому, что мы перенимаем эмоциональные, а не идеологические посылы, а еще и потому, что в советской схеме не было места для негативных героев. Вспомним определение соцреализма как борьбы хорошего с очень хорошим. Отсутствие мощного корпуса негативных героев в виртуальном мире является важным, поскольку, как показывают исследования, происходит реальное изменение отношений и интенций читателей и зрителей [20]: «Чем больше мы смотрим «Игру престолов», тем более меняются наши отношения и интенции, чтобы отражать рассказ. Наше исследование показывает, что это косвенно верно в отношении женщин и высокообразованных людей». Кстати, имя героини девочки Арьи стало самым быстро растущим именем среди родившихся девочек в США [21].

Т. ван Лэер с коллегами подчеркивает, вслед за М. Грин, что нарративная транспортация не нуждается в тщательной оценке аргументов, поскольку это эмоциональный, а не когнитивный процесс [22]. Другие исследователи подчеркивают, что если аналитические высказывания оцениваются по тому, являются ли они правдой, то рассказы оцениваются по правдоподобию, то есть по их похожести на жизнь. Кстати, у ведущего автора этого исследования Тома ван Лэера в 2011 г. была диссертация на тему «Возвращение нарратива. Изучение транспортации в социальных медиа» [23].

Возможны и два типа реакций на рассказывание: критические и нарративные. Критические – возникают при несоответствии рассказываемого с их представлениями, нарративные – представляют собой конструирование нарратива из рассказанного. Кстати, нарративная транспортация может уменьшать критический настрой.

Виртуальные объекты, как мы видим, обладают достаточно сильным воздействием, поэтому и пропаганда, и культура опираются в первую очередь на них. Они отличаются еще и тем, что блокируют реальность, облегчая тем самым свой процесс воздействия.

Литература

1. Anthony Gierzynski // www.uvm.edu/~polisci/?Page=AnthonyGierzynski.php

2. *Gierzynski A*. Harry Potter and the Millennials. – Baltimore, 2013

3. *Gierzynski A*. Magic effect: how Harry Potter has influenced the political values of the Millennial generation // www.newstatesman.com/politics/2014/ 08/magic-effect-how-harry-potter-has-influenced-political-values-millennial-generation

4. *Littleton H*. Professor: Harry Potter helped Obama get elected // www.thecollegefix.com/post/14263

5. *Gierzynski A*. Harry Potter did help shape the political culture of a generation // theconversation.com/harry-potter-did-help-shape-the-political-culture-of-a-generation-2951

6. *Kozlovska H*. Can 'Harry Potter' change the world? // op-talk.blogs.nytimes.com/2014/09/17/can-harry-potter-change-the-world/?_r=0

7. *Kagel J.* Harry Potter may have had an unexpected impact on American politics // mic.com/articles/95494/harry-potter-may-have-had-an-unexpected-impact-on-american-politics

8. *Strauss M*. Did Harry Potter influence the political views of millennials? // io9.com/d-id-harry-potter-influence-the-political-views-of-the-1623876038

9. *Green M. a. o.* The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // www.communicationcache.com/uploads/1/0/8/8/10887248/the_role_of_transportation_in_the_persuasiveness_of_public_narratives.pdf

10. Melanie Green // www.buffalo.edu/cas/communication/faculty/green.html

11. *Smith E.* Transportation theory // theorysupermarket.com/2012/11/27/transportation-theory

12. Transportation theory (psychology) // en.wikipedia.org/wiki/Transportation_theory_%28psychology%29

13. *Gerrig R. J.* Experiencing narrative worlds. On the psychological activities of reading. – New Haven, 1993

14. *Gerrig R.* Two metaphors for the experience of narrative worlds // www.ualberta.ca/~dmiall/LiteraryReading/Readings/Gerrig%20Experiencing%20Narrative.pdf

15. *Gerrig R. J. a. o.* Cognitive psychological foundations of narrative experiences // www.egidi.eu/GerrigEgidi-Narrative.pdf

16. *Laer van T. a. o.* Effects of narrative transportation on persuasion: a meta-analysis // www.acrwebsite.org/volumes/v40/acr_v40_11503.pdf

17. *Vroegh T.* Transported to narrative worlds: the effects of a narrative mode of listening on music perception // icmpc-escom2012.web.auth.gr/sites/default/files/papers/1104_Proc.pdf

18. *Ваганов А.* «Звездные войны» во спасение науки // www.ng.ru/nauka/2015-04-08/11_starwars.html

19. *Attwood K.* Numbers studying physics rise as blockbuster films, the Hadron Collider and the Mars Rover inspire students // www.independent.co.uk/news/education/education-news/numbers-studying-physics-rise-as-blockbuster-films-the-hadron-collider-and-the-mars-rover-inspire-students-10141463.html?origin=internalSearch

20. *Laer van T.* Our transportation into Game of Thrones could have ugly results // theconversation.com/our-transportation-into-game-of-thrones-could-have-ugly-results-25523

21. *Carlson A.* 'Games of Thrones' domination is nearly complete: 'Arya' is the fastest-rising name for baby girls // www.ew.com/article/2013/05/10/arya-game-of-thrones-baby-names

22. *Laer van T. a. o.* The extended transportation-imagery model: a meta-analysis of the antecedents and consequences of consumers' narrative transportation // papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2033192

23. Curriculum vitae of Tom van Laer, 1 February 2015 // bunhill.city.ac.uk/research/cassexperts.nsf/A90D5D8E34E21E5080257DCD006A7B34/$File/VitaeTomvanLaer01022015.pdf

2.5. Враг как важный элемент системы пропаганды

Общество нуждается не только в героях, но и врагах. Это позволяет рисовать траекторию движения населения, которое само находится между полюсами «друг» и «враг». Пример довоенного СССР ярко демонстрирует потребность государства во врагах, благодаря чему можно вводить не только мобилизационную экономику, но и политику, объясняя все провалы действиями реальных или мифических врагов. А если враг уже внедрен в массовое сознание, он с неизбежностью будет встречаться и наяву.

Автор книги «Лица врагов» С. Кин [1] так объясняет важность темы отображения врагов [2]: «По тому, как мы изображаем кого-либо, в большой степени зависит то, как мы будем реагировать на это лицо или на этого врага». То есть и здесь коммуникация, а не реальность начинает предопределять наше сознание.

В университете Портленда читается небольшой курс по созданию врагов и последствиям этого [3]. Все это делается в рамках программы в области конфликтологии. Враг проникает, как видим, даже в науку, становясь базовым элементом теории.

Однотипно его сила проявляется и в жизни. Политическим психологам известно, что в ситуации существования врага происходит объединение нации вокруг сильного лидера. Именно так, как считается, были проведены вторые выборы Буша, ради которых развязали войну в Ираке, обеспечив тем самым требуемые условия для победы. Об этом говорит Д. Уестен (см. о нем [4–5]) в своей книге «Политический мозг» [6]. Кстати, и Сталин создавал вокруг страны кольцо врагов, поэтому число его внешних и внутренних врагов было бесконечным.

Главной идеей Уестена в его книге является следующее: в политике играет роль только эмоциональное. Кстати, после успеха книги он сразу сделал фирму (ее сайт – www.westenstrategies.com). В интервью *Washington Post* Уестен говорит [6]: «Есть несколько вещей, которые мы знаем о мозге, заставляющие изменить наши представления о политике. Если вы понимаете, что мы получили способность чувствовать задолго до того, как мы пришли к способности думать, вместо того чтобы бомбардировать людей фактами (а это стандартный демократический способ разговора с избирателями), вы должны говорить с людьми языком базовых ценностей и забот».

Кстати, его статья в газете *Guardian* названа «Голосуя своими сердцами» [8]. А в статье в *Washington Post* он описывает «решетку сообщений» для президентской кампании [9]. В ней есть четыре сектора: в первых двух позитивные рассказы кандидатов о себе, во вторых двух: их же негативные рассказы о своем сопернике. Иногда один сектор может доминировать во всей кампании, например, когда позиции кандидата сильны или слабы в экономике (см. также попытку использования функционального магнитного резонанса для исследования политической коммуникации [10]).

Враг, по сути, тоже является порождением эмоционального. Тем более он нужен в сцепке с мифологемой героя. Если сильный враг был побежден, то это только возвеличивает героя. Слабый враг дает в результате и слабого героя. Поэтому Сталин, к примеру, преувеличивал силу своих врагов еще и тем, что врагов внутренних приписывал к работе на врагов внешних. А это самое серьезное противопоставление. «Оскал американского империализма» в том или ином виде никогда не сходил со страниц печати.

У Кина есть интересное замечание по поводу изображения врагов во время второй мировой войны [2]. В изображении немцев различали хорошего немца и нациста. Такого различия не делалось в случае японцев, поскольку изображение было скорее расистским, чем политическим. После войны в связи с этим с немцами было легче, чем с японцами, поскольку у первых уже заранее предполагалось наличие хороших.

О своей собственной книге он говорит [1]: «Вместо фокусировки на оружии и стратегии она рассматривает непосредственно наши идеи о врагах: как мы видим врагов, почему мы дегуманизируем их, что происходит с нами, когда мы показываем себя героями, а их монстрами, недочеловеками и представителями зла».

Сегодня изучение киберпространства заставляет по-новому изучать врага. Это связано с тем, что теперь облегчен доступ к чужим текстам и каждый может столкнуться с ними. Комменты вообще открыли новую страницу в поливании других грязью, но это уже другой тип врага, который закрыт анонимностью.

Теперь уже и представители киберпространства заговорили о врагах [12]: «Портретирование «другого», то есть врага, с помощью пропаганды является методом, при котором негативные месседжи постоянно запоминаются. Тем самым формируются группы, где фиксируются представления и ожидания, а также возникают законы, диктующие, как портретируется враг. Если это восприятие врага сформировано, то это добавляет мотивацию для атаки. […] Язык используемой во Второй мировой войне пропаганды состоял из ментальных месседжей «мы» против «них», таких как «коммунистический медведь», «нацистская свинья» и «собака капитализма».

В мирное время главным источником поставки на рынок врагов является массовая культура (см. анализ американского кино в плане врагов [13–15]). Массовая культура не только проникает к каждому, но и дает свои образы вне сопротивления аудитории, поскольку они проходят на уровне фона. Это мягкая сила (Дж. Най), которая не встречает сопротивления.

У врага есть интересная особенность, он всегда приходит из прошлого. Например, Л. Гудков высказывается так [16]: «Враги были всегда, это чрезвычайно важно, это даже не изобретение советского времени, а досоветского. Это комплекс «догоняющей модернизации», поэтому он существовал в русской традиции: формирование националистического сознания через неприязненное отношение к Англии, к Франции, к Германии. Это очень устойчивая линия, которая проходит сквозь вторую половину XIX века и весь XX век. В советское время к этому добавились еще «классовые враги» и, соответственно, их персонификация в виде внешнего враждебного окружения, тут самые разные фигуры были. Поэтому основа и язык, вся парадигма мышления и выражения этого внешнего врага, кстати, как и внутреннего, была заложена, воспроизводилась и воспроизводится до сих пор. Такой риторический опыт очень значим, потому что он воспроизводится всеми институтами – и властью, и школой, и армией, и политиками. Это очень давняя вещь».

Враг не менее системен, чем герой. Герой усиливает врага, а враг усиливает героя. Герой не может существовать без врага, как и враг без героя. Враги хорошо активируют все нужные примитивные чувства, включая стремление сгруппироваться вокруг сильного лидера.

Умберто Эко показал системный характер врага очень четко: «Иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить. Все видели широту и гибкость, с которыми веронские нацисты-скинхеды считали врагом любого, кто не принадлежал к их группе, – именно для того, чтобы обозначить себя как группу. И самое интересное в этом случае – не то, с какой непринужденностью они обнаруживали врага, а сам процесс его сотворения и демонизации» [17].

И еще: «Наилучший другой – это чужеземец. Уже на римских барельефах варвары предстают бородачами с приплюснутыми носами, да и само это название – «варвар», очевидно, намекает на ущербность языка и, следовательно, – мышления. И, тем не менее, с самых давних пор врагов творили не столько из тех чужаков, которые действительно несут нам непосредственную угрозу (как те же варвары), сколько из тех, кого выгодно кому-то представить таковыми, хотя напрямую они не угрожают, так что не столько исходящая от них угроза заставляет увидеть их отличие от нас, сколько само отличие делается угрожающим». Как видим, все время

проскакивает не столько реальное столкновение с врагом, сколько социальное конструирование врага, определенная нужда во враге. Враг нужен как определенное антизеркало. Чтобы увидеть себя, надо смотреть на врага.

В другой своей работе Умберто Эко рассуждает о границе между римлянами и «другими» [18]. Он говорит, что идеология Pax Romana лежала в точном определении границ. Когда приходит время и четкие границы исчезают, варвары захватывают Рим. То есть «другой» возможен и не страшен при наличии четкой границы. Но реальный контакт с ним ведет к гибели.

Кстати, и конспирология приводит к нам в дом скрытых врагов. Именно они прячутся за основными событиями нашего мира. Враг, который вписан в такую конспирологическую цепочку, возвращает миру целостность. Мир с врагом становится более понятным, удаляясь хотя бы на шаг от хаоса.

Конспирологическое мышление определяется как модель рассуждений о мире, в которой «заговор» является доминирующим элементом объяснения [19]. Выделяется четыре базовых конспирологических элемента: определенное число действующих лиц объединяется (1) в секретном соглашении (2) для достижения скрытых целей (3), которые воспринимаются как незаконные или злонамеренные (4).

Новых героев и врагов приводят в дом и видеоигры. П. Молино, ведущий европейский создатель видеоигр, который считается создателем направления «игры в Бога», когда игрок получает права, равные Богу, в своем пространстве, говорит о типаже героя [20, с. 276]: «Джеймс Бонд, Том Круз – характер такого героя замкнут в конкретике. Он должен полюбить кого-то, они должны закончить в постели, он никогда не говорит под пытками. Единственным элементом удивления становится то, что он может оказаться наверху скалы или под водой. Но это прекрасно, поскольку у нас есть шаблон героя и с ним можно экспериментировать».

Доктор Хассабис, нейропсихолог, исследующий игры, говорит: «Причина, по которой видеоигры эволюционировали в направлении «стрелялок» таковы. Вам не надо разговаривать. Вам не надо показывать свои эмоции. Вам только нужно застрелить их». Как видим, враг не требует сочувствия или понимания, нам нужно только застрелить его, чтобы восстановить справедливость и мир.

Как это ни парадоксально, но враг только усиливает героя. Сила героя пропорциональна силе врага. У советских трудовых героев (Паша Ангелина или Стаханов) героизм выражался в увеличении трудовых норм: тем он был выше, чем выше был их результат. Поскольку речь идет о победе, хотя и трудовой, то здесь «враг» выступает в условной форме.

Как видим, враг (и зло) включены в структуру нашего мышления. Любой сюжет литературного произведения требует наличия противника, в другом случае сюжет не может быть построен, в нем не будет движения. Красной шапочке всегда будет нужен Волк для развития сюжета. Если Красная шапочка будет просто собирать цветочки, действие завершится на первой же странице.

Это враги индивидуальные. Враги государства позволяют выстраивать мощные системы защиты и нападения. Благодаря врагам человечество поднялось в космос, придумало компьютер, изобрело Интернет, поскольку все это придумано, чтобы победить своих врагов. Враг в этом случае выступает как ускоритель прогресса. Когда враг в виде Советского Союза ушел, прогресс замедлился. Сегодня человечество живет новинками, созданными в шестидесятые годы. Технологических рывков, подобных тех, что были в прошлом веке, пока не видно на горизонте.

Сегодняшняя глобализация принялась рьяно стирать в мире границы врагов, но 11 сентября вернуло все на свои места. Пустое место врага после исчезновения Советского Союза наконец было заполнено новым врагом. При этом радикальный ислам и сам активно играет во

врага, видимо, и ему для поддержания своей системности обязательно нужен враг для того, чтобы доказать свою необходимость.

Интересно, что Г. Павловский увидел в механизмах современной России эскалацию страхов [21]: «Кинотеатр эскалаций я бы не называл пиаром. Проще говоря, это подделка реальности. Еще в советской системе родился блок идеологической подделки реальности. Он воспитал те кадры некомпетентных идиотов, которыми насыщены наши элитные круги по сей день. Теперь реальность подделывают не идеологически, не доктринально, как в советской системе, а хаотически. Вчера сбили самолет, а сегодня вы узнаете, что был геноцид армян, а еще через неделю будет уголовное наказание за его отрицание. Это жизнь в поддельных декорациях. Часть из них реалистична, но ты не знаешь, какая именно, и всех это сильно дезориентирует».

Или такое высказывание из другого интервью: «Грядущие катастрофы – алиби сегодняшней пассивности. Прогнозы в Системе, изгнавшей будущее в роли конструктивного элемента политики государства, выглядят как апокалипсисы – маленькие и большие. На фоне вымышленных катастроф даже малокомпетентная бюрократия видится подарком небес. Общество дегустирует катастрофические сцены: что будет после того, когда случится наихудшее (вариант: наилучшее) – “хозяин выйдет”?» [22].

Более того, С. Кордонский выстроил структуру государства, отталкиваясь от типов угроз: «Саму структуру государства можно рассматривать как объективацию неких практических представлений об угрозах, как организационное оформление результатов их прикладной классификации. Так, существование природных угроз в структуре государства отражено в наличии специальных ведомств – министерств и служб, занимающихся нейтрализацией последствий природных явлений, а военные угрозы нейтрализуют структуры, относящиеся к военной организации государства. Ресурсное государство можно представить как совокупность служб, созданных для нейтрализации угроз, а количество ресурсов, осваиваемых этими службами, – как результат государственного ранжирования угроз: чем страшнее угроза, тем больше ресурсов должно выделяться соответствующей службе» ([23], см. также [24–25]). Причем на новые угрозы государство может реагировать только как на старые, по-другому оно не умеет делать.

Г. Павловский, вероятно, гиперболизирует, говоря, что «в основе этой власти – катастрофа. Если посмотреть, посчитать все доходы, то окажется, что значительная часть ее финансовой базы состоит из поступлений от катастроф. Это добавленная прибыль, добавленная стоимость, полученная за счет волатильности рынка или поведения масс, связанных с катастрофами» [26].

Угрозы можно трактовать как врагов нечеловеческой природы, которые, к тому же, несут более существенные последствия. Правда, угрозы потенциальны, а враги активированы, поскольку спецслужбы должны действовать и днем и ночью. Без врагов и спецслужбы остаются без работы. А без спецслужб не останется и власти.

Литература

1. *Keen S.* Study guide to Faces of the enemy // www.interact-simulations.com/pdf/CAT100_Guide.pdf

2. Enemy faces: stereotypes in political cartoons and propaganda // nbclearn.com/files/highered/site/pdf/46164.pdf

3. *Byron A*. Enmification. The art and consequence of enemy making // web.pdx.edu/~abyron/enmificationsyl.pdf

4. Drew Westen // www.psychology.emory.edu/clinical/westen

5. Drew Westen // en.wikipedia.org/wiki/Drew_Westen

6. *Westen D*. The political brain. The role of emotion in deciding the fate of the nation. – New York, 2008

7. *Bacon P., Jr*. Language lessons for democrats, from the political brain of Drew Westen // www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/ 05/17/AR2010051703823.html

8. *Westen D*. Voting with their hearts // www.theguardian.com/politics/ 2007/aug/08/ politicalbooks.usa

9. *Westen D*. The candidates' message: I might be so-so, but the other guy is terrible // www.washingtonpost.com/opinions/the-candidates-message-i-might-be-so-so-but-the-other-guy-is-terrible/2012/09/07/77b619e4-f799-11e1-8253-3f495ae70650_story.html

10. *Westen D. a. o*. An fMRI study of motivated reasoning: partisan political reasoning in the U. S. Presidential Election // www.uky.edu/AS/PoliSci/Peffley/pdf/Westen%20The%20neural%20basis%20of%20motivated%20reasoning.pdf

11. *Shaheen J. G.* Holywood's Muslim arabs // www.hartsem.edu/wp-content/uploads/ shaheenart1.pdf

12. *Minei E., Matusitz J*. Cyberspace as a new arena for terroristic propaganda: an updated examination // download-v2.springer.com/static/pdf/933/art%253A10.1007%252Fs10202-012-0108-3.pdf?token2=exp=1428514660~acl=%2Fstatic%2Fpdf%2F933%2Fart%25253A10.1007%25252Fs10202-012-0108-3.pdf*~hmac=b538be14a819f86334fe23cf3a5b6587fc3d090

13. *Федоров А*. Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010) // psyfactor.org/kinoprop/ fedorov2-0.htm

14. *Егорова В. В*. Роль врага в американском кинематографе // www.yavnauke.ru/ publikacii/gumanitarnye-nauki/rol-vraga-v-amerikanskom-kinematografe.html

15. *Рябов О. В*. «Советский враг» в американском кинематографе Холодной войны: гендерное измерение // cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabov-sovetskiy-vrag.pdf

16. «Внешний враг» как помощник Кремля // www.golos-ameriki.ru/content/dg-russia-gudkov-interview/2532396.html

17. *Эко У*. Сотвори себе врага. – М., 2012

18. *Eco U*. Interpretation and overinterpretation: world, history, texts // tannerlectures.utah.edu/ _documents/a-to-z/e/Eco_91.pdf

19. *Zonis M. a. o*. Conspiracy thinking in the Middle East // online.sfsu.edu/mroozbeh/CLASS/ h-607-pdfs/Zonis – Conspiracy.pdf

20. *Rose F*. The art of immersion. How the digital generation is remaking Hollywood, Madison Avenue, and the way we tell stories. – New York – London, 2012

21. *Павловский Г*. Теперь уже не мы играем – теперь играют с нами. Интервью // www.colta.ru/articles/society/9416

22. *Павловский Г*. Новый проект Путина не может быть организован вокруг одного человека. Интервью // actualcomment.ru/gleb-pavlovskiy-1604131312.html

23. *Кордонский С*. Классификация и ранжирование угроз // magazines.russ.ru/ oz/2013/2/4k.html

24. *Соколов М*. Удержит ли власть «новое дворянство»? // www.svoboda.org/ a/27631030.html

25. *Медведев С*. Продавцы угроз: как идею национальной безопасности используют для передела ресурсов // www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/269081-prodavtsy-ugroz-kak-ideyu-natsionalnoi-bezopasnosti-ispolzuyut-dlya

26. *Павловский Г*. Модель в цейтноте // www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Model-v-cejtnote

2.6. Интервенции в чужое информационное пространство

Чужое пространство является не просто чужим, а чуждым. Оно никогда не хочет получать информацию, созданную по другой модели мира. Поэтому при выборе двух вариантов – подавать информацию как чужую или как свою – предпочтение чаще отдается выдаче информации как своей. Иногда она может обрастать фактами из чуждой жизни типа покупки своими поп-звездами квартир в Майами, но это все равно будет в этом случае своей информацией.

Жесткая система отсеивания чужого, созданная СССР, особенно в предвоенное время, наоборот, создавала из чужого элемент привлекательности, поскольку запрещенное всегда более интересно, чем незапрещенное. В этом лежит существенный момент облегчения прохождения зарубежной информации в советское массовое сознание.

Если физическое пространство традиционно захватывается и побеждается массой (огня или людей), то информационное пространство занимается иными сообщениями путем освоения чужих источников информации, которые сами начинают работать против, как это было, например, в случае перестройки. Виртуальное пространство подчиняется иным картинам мира с помощью захвата его отдельными произведениями, несущими эти картины мира. В последнем случае советское виртуальное пространство «разрушалось», например, вхождением в него фильмов, игрушек, предметов одежды и быта, которые несли в себе четкую отсылку к своему превосходству, что работало как идеологический конфликт, поскольку они были чужими.

Более сложной задачей становится разрушение имеющейся модели мира путем вводимой извне или изнутри информационной интервенции. Примером внутренней интервенции является информационная кампания «перестройка». В ее рамках были изменены оценки ключевых точек советской модели мира, когда «Ленин, партия, комсомол» из позитивно окрашенных перешли в разряд негатива. Причем раньше эти ключевые точки вообще не допускали никакого негатива о себе, о чем заботилась денно и нощно цензура.

Это оказалось возможным не просто снятием цензуры, а созданием мощного негативного потока о ключевых точках, которые затем были заменены на новые. В этих процессах выросли новые спикеры и новые ключевые точки иной картины мира.

Получается процесс со следующими составляющими:

– переход телевидения на критические позиции в новостях;

– появление новых отрицательных потоков в СМИ;

– возникновение новых спикеров, специализирующихся на отрицательных потоках;

– поддержка имеющимися СМИ этих спикеров и этих потоков;

– запуск старых, но запрещенных до этого спикеров и текстов;

– переход телевидения на «раскручивание» новых спикеров.

Кстати, как и в случае всех оранжевых революций, становится «немодным» поддерживать старое, что сразу привлекает к этим новым потокам молодое поколение.

Реально Советский Союз начал рушиться еще тогда, когда Горбачев выступал на тему Ленина и социализма. То есть в момент существования позитивного мейнстрима и негативной периферии информационного пространства. Но когда телевидение попадает, к примеру, в информационный конфликт между программой «Взгляд» и программой «Время», победа остается не за фактами, а за интерпретациями, которыми занимались «взглядовцы». Это связано с тем, что интерпретации вводят правила, а правила, являясь другим уровнем, трудно, если это вообще возможно, опровергать фактами. Правила должны опровергаться другими правилами, произносимыми спикерами, к которым есть больше доверия. Если слова программы «Время» произносили хоть и известные, но просто дикторы, читавшие чужие тексты, то программа «Взгляд» строилась на прямом эфире и говорении без бумажки известных людей. Их интервьюировали тоже становившиеся тут же известными журналисты.

США, к примеру, в борьбе с радикализмом в мусульманской среде стараются усилить голос более умеренных спикеров (писателей, ученых, священнослужителей) в их родной стране. То есть слабый контрголос получает дополнительное усиление, что позволяет ему на равных конкурировать с сильными голосами.

Практически ту же задачу выполняли западные голоса в доперестроечный период, когда реально неизвестные люди, становившиеся диссидентами, получали возможность усиления своего голоса. Они становились известными фигурами, за которые «цеплялись» контрконцепции. Так Советский Союз жил в окружении антисоветского союза.

Холодная война как информационная была ареной борьбы идей. Но идеи существуют только вместе с теми, кто их передает. Идеи нуждаются в передаче на благодатную почву, и этот «островок» в советской жесткой системе контроля поддерживался с помощью такого медиасредства, как радио.

Разбирая подробнее борьбу информационных мейнстрима и периферии, мы также можем воспользоваться идеей пред-нарратива, предложенной Д. Бойе [1]. Пред-нарративом является пока еще не оформленный окончательно будущий нарратив, предназначенный для циркуляции. В нем еще нет одной сюжетной линии, одного героя повествования и пр. Уровень пред-нарратива оказывается самым важным для интервенций в общественное мнение. Все может быть введено только так, поскольку это единственный путь оспаривания доминирующего нарратива. Только пред-нарратив № 2 сможет внести в него нужный уровень сомнения, поскольку доминирующий нарратив защищен несколькими уровнями защиты. Это и консенсус элит, это и официальная защита в виде тиражирования его в СМИ и публичном дискурсе. Уровень пред-нарративов так не защищен и доступен для интервенций.

Советский Союз был разрушен, как нам представляется, пред-нарративом вообще материального свойства. Это были бытовые вещи, которые демонстрировали неадекватность советской системы в чисто бытовых возможностях. Все (и особенно – молодежь) хотели в разные периоды то джинсы, то шариковые ручки, то плащи-болонья, то нейлоновые рубашки… Этот пред-нарратив породил в умах сначала маргинальный, а затем – в период перестройки – и доминирующий нарратив об отставании советской системы и о том, что переход к системе западного типа сразу же принесет златые горы. В столкновении нарративов западный нарратив в результате победил советский.

Нарративная война лежит в основе информационной войны длительного плана. Конкретная информационная операция может не нуждаться в смене картины мира. И это тоже понятно, поскольку смена картины мира требует и долгого времени, и достаточно больших ресурсов.

Советская и несоветская картины мира все равно имели некоторые общие черты. Например, уважение к труду. Только в советской модели мира труд вел человека к званию Герой социалистического труда, а в американской – к тому, что человек становился миллионером. И с точки зрения чисто биологических мотиваций американская оказалась более привлекательной.

Сначала бизнес, потом военные взяли сегодня на вооружение нарративы. И это понятно, поскольку все нуждаются в упорядоченной картине мира. А бизнес и военные, по сути, находятся в особом положении, поскольку действуют не только в конфликтной физической среде, но и в таких же конфликтных информационной и виртуальной средах.

В этом конфликте возможен только один победитель. Но сегодняшний мир не хочет иметь побежденных. Поэтому в современных конфликтах пытаются создать двух победителей: один – реальный, другой – квази. И в этом лежит основной принцип эстетики современного конфликта.

Отсутствие «своих» жанровых единиц типа телесериалов автоматически ведет к вниманию к чужим. Это уже конкуренция внутри одного жанра. Если сегодня нет интеллектуаль-

ного постсоветского кино, то зрители автоматически будут искать чужой вариант, потому что информация и развлечения вошли в обязательный набор любого человека.

Ускорение мира, убыстрение информационных потоков выдвигает и иные потребительские требования к информационной и виртуальной продукции. Она уже не может быть такой, как десять лет назад. К сожалению, литература и искусство не сделали такого же рывка вперед. Практически единственным новым вариантом стали видеоигры, которые сразу же начали использоваться для решения множества прикладных задач в обучении, а также военными и политиками. Это становится каналом проникновения новых идей, способных трансформировать мир.

Видеоигры тоже начинают нести смысловую нагрузку вне контроля со стороны играющего. Точнее, этот контроль не столь велик, как в случае прямой пропаганды. Видеоигры могут выполнять функции скрытой пропаганды.

У видеоигр есть одна важная харатеристика и один существенный предшественник. Как пишет Ф. Роуз [2, с. 93]: «Книги, кино, телевидение, – все это масс-медиа, а масс-медиа не имеет механизмов для участия аудитории. Но читательский импульс получить голос в рассказывании не исчез. Он ушел вниз и принял новую форму: литературы фанов». Имеются в виду продолжения романов и повестей, которые пишутся любителями этих произведений. Они продлевают тем самым жизнь произведениям, а также сами принимают активное участие в продумывании их дальнейших биографий.

Видеоигры дали возможность активного участия в визуальном измерении. Великобритания имеет целый Институт серезных игр [3]. Наверное, они долго думали, как именно его назвать, поскольку «серьезные игры» могут кому-то показаться странными. В США есть такой же институт при университете [4], а есть также и институт, созданный военными для своих нужд, который носит название Института креативных технологий [5].

В статье «Может ли геймификация трансформировать жизни?» констатируются очень важные элементы такого подхода [6]: «Способность игр включать большое число игроков на долгий период времени предоставляет возможность для долговременного исследования проводимого бихевиористского влияния, когда может фиксироваться свежая информация о пользователях. Она может постоянно мониториться и анализироваться. Проблемой является то, как лучше и более этично использовать потенциальное богатство этой информации и, опираясь на анализ, дать ценное видение того, как потенциально продвигать самоменеджмент и регуляцию. Это является аргументом в пользу большей геймификации – использования элементов игр как части позитивных технологий обыденной жизни – чтобы улучшить качество жизни и усилить позитивные отношение и поведение».

Для тех, кто не знаком с этой проблемой, следует упомянуть, что игры запускаются для решения множества человеческих проблем, начиная с ожирения и заканчивая обучением лидерству. Но в центре многих исследований стоит именно образование. Видимо, человечество подошло к пределу своих возможностей в этой сфере.

В другой статье, в заглавии которой также есть вопросительный знак: «Образовательные игры – стоят ли они усилий?», перечисляется ряд сфер, куда игры уже вошли полноправными участниками процесса [7]. Кроме образования, это тренинги, реабилитация, маркетинг и социальные изменения.

Как видим, человечество не стоит на месте даже в своих исходно самых консервативных сферах – образовании и военном деле. Именно здесь игры стали важным компонентом, без которого сегодня было бы трудно жить.

Попадание в чужой мозг, как и в чужое информационное пространство, является достаточно сложной задачей, если стоит цель трансформации этих объектов. Но человечество давно и исправно этим занимается. В бизнесе и экономике это реклама, паблик рилейшнз, маркетинг, в государственном управлении – это пропаганда, спрятанная в понятие мягкой силы, в воен-

ном деле – информационные операции. У политтехнологов возник свой более узкий инструментарий микротаргетинга, правда, заимствованный из бизнеса. Чужая душа при современном развитии науки давно перестала быть потемками. Это хорошо освещенный проспект. Там, конечно, есть переулки и закоулки без фонарей. Но можно обойтись пока и без захода туда.

Литература

1. *Boje D.* What is antenarrative? // business.nmsu.edu/~dboje/papers/what_is_antenarrative.htm

2. *Rose F.* The art of immersion. How the digital generations remaking Hollywood, Madison Avenue and the way we tell stories. – New York – London, 2011

3. Serious Games Institute // www.seriousgamesinstitute.co.uk

4. Virginia Serious Games Institute // game.gmu.edu/sgi

5. Institute of creative technologies // ict.usc.edu

6. *Arnab S.* Can gamification transform lives? // www.pharmaphorum.com/articles/can-gamification-transform-lives

7. *Backlund P. a. o.* Educational games – are they worth the effort? // sgi.cueltd.net/publications/papers/backlund-hendrix-vs-games-2013.pdf

Глава третья
Эстетика информационного вторжения

3.1. Эстетика информационного вторжения

Информационные интервенции всегда были наполовину наукой, наполовину искусством, поскольку уровень креативности в такого рода воздействии всегда очень высок. А сильные игроки всегда помнят об эстетичности своей работы, что наглядно демонстрируют президентские выборы во всех странах, когда на экране и на улицах появляется огромное количество яркой рекламы, а умные и обаятельные пытаются завладеть нашим вниманием.

Все могут также вспомнить наш киноопыт разноцветья рыцарского турнира или боя средних веков. Там цвет был важным компонентом, который сегодня заменен на максировочный зеленый. Это не только выделяло своих среди чужих, но и устрашало чужих. После Рима мир пошел в сторону визуальной цивилизации, отсюда эстетика линейности, превалирующая сегодня и задающая наше воображение.

Из трех вариантов вторжения – физического, информационного и виртуального – наиболее эффективна эстетическая составляющая в виртуальных потоках. Именно здесь наиболее профессионально умеют останавливать и удерживать внимание зрителя. Здесь это влияние распространяется на близлежащие области, поскольку половину денег голливудский фильм приносит за счет продажи символики, связанной с фильмом типа волшебной палочки и плаща Гарри Поттера или чайных кружек с названием любимого детектива.

Мягкая сила, которую как бы подняли на вооружение с появлением книги Дж. Ная [1] существовала всегда. Но она заметна только тогда, когда попадает в поле внимания. Когда В. Ключеский написал, что первые иностранные куклы приходили из немецкой слободы в руки царских детей, только тогда мы отметили это как проявление мягкой силы.

Мягкая сила имеет важную особенность, на которую не обращают внимания. Она является параллельным воздействием в отличие от жесткой силы. Если жесткая сила особенно сильна в точке вторжения, то мягкая сила является мягкой действием, поскольку «подпитывается» большим потенциалом стоящей за ней страны. Мягкая сила института Конфуция держится на тысячелетней истории Китая, которая виртуально столь же мощна, как и любая другая жесткая сила.

Потом Дж. Най несколько «перестроился», переключив внимание на разумную силу, под которую подвел и жесткую, и мягкую, тем самым восстановив в правах именно жесткую силу. Най не мог ее потерять, поскольку имеет за спиной опыт бюрократической работы не только в госдепартаменте, но и в министерстве обороны во времена президента Клинтона. Он также вспоминает роль одного неформального объединения, которое они назвали аспеновской стратегической группой [2]. Най ею руководил, а в нее входили такие влиятельные лица, как Б. Скроукрофт, Л. Аспен, Б. Перри, Дж. Вулси, Дж. Дейтч. Най говорит: «Это были люди, занимавшие правительственные посты, но которые провели время до этого, беседуя друг с другом, думая обо всех проблемах. Поэтому идеи, которые были в книгах, также попадали в головы людей, которые затем займут политические должности. Можно думать об академических идеях, влияющих на правительственную политику, как об эффекте просачивания. Говоря другими словами, вы пишите нечто, возможно, кто-то прочтет это и передаст студенту, который вскоре станет важной шишкой. Можно подумать и о более прямом эффекте: вы напишите что-то в *New York Times*, и это продублируют для госсекретаря или что-то вроде этого. И тогда идеи прямо попадут во власть».

Все это выглядит как определенный механизм влияния на власть сквозь информационное пространство. Но следует честно признать, что власть не является великим читателем, тем более чужих мыслей. Она больше любит мысли, подтверждающие ее мнение, чем те, в которых предлагается альтернативное решение. А критика вообще способна привести ее в ярость.

Най, кстати, вплетает рассужения о мягкой силе в контекст конкуренции США и Китая [3]: «Американская мощь базируется на способности привлекать и вытягивать таланты остального мира. Как однажды сказал мне Ли Куан Ю, Китай может черпать из пула в 1.3 миллиарда людей, но США может делать это из семи миллиардов, а потом рекомбинировать их с креативным разнообразием, что является невозможным в ханьском национализме. Думаю, что он прав».

То есть тут схлестнулись мононациональная и полинациональные модели. Японцы, например, понимают это как свой недостаток и стимулируют появление у себя иностранцев. Они как бы встраивают в свою систему минимальные инокультурные влияния. И хоть политика монокультурализма в Европе не сработала, она не сработала в политическом плане, но в экономическом она все равно должна была быть успешной. Если гипотетически представить себе «закрытие» США, то обмельчание потока денег и людей извне приведет к непоправимым последствиям, тем более что люди эти несут с собой новые методы создания денег.

И у Ная, и в иных моделях воздействия типа публичной дипломатии есть варианты влияния с помощью селебритис (знаменитостей). Большие разработки в этом плане провел Центр Нормана Лира Университета Южной Калифорнии [4–9]. Одним из разрабатываемых направлений является дипломатия селебритис, поскольку они уже исходно обладают вниманием аудитории.

Н. Геблер пишет об этом своем новом понимании, что же такое селебритис, причем отказываясь от упрощенного старого взгляда, утверждавшего, что достаточно просто попасть под внимание СМИ, чтобы стать знаменитостью. Сегодня видят, что этого явно мало, поскольку для качественного результата надо приложить серьезные усилия. Геблер видит ситуацию следующим образом [4]: «Как любое произведение искусства, знаменитость является продуктом процесса. Нужно делать нечто. Необходима личная реальная жизнь, нарратив, даже если это только основа. Но нужно что-то делать паблисити для этого нарратива. И последнее – нужны фаны, аудитория, которая принимает этот нарратив и восхищается звездой, поскольку селебрити без того, кто будет ее потреблять, все равно что кинофильм без тех, кто будет его смотреть».

Он, кстати, делает интересный вывод: «Нарративы о знаменитостях сейчас настолько волнующи и изобретательны, что художественному нарративу трудно сейчас с ними конкурировать». То есть прикладные подходы победили даже традиционные художественные по удержанию внимания.

Как говорит М. Каплан, возглавляющий Центр Нормана Лира [5]: «Слава – это магнит. Внимание привлекает большее внимание. Мы смотрим туда, куда смотрят глаза других».

Уже и в довоенное, и в послевоенное время Советский Союз тоже активно пользовался этим методом. Например, в этой роли выступали известная актриса Л. Орлова и ее муж, режиссер Г. Александров [8—10]. Например, утверждается следующее: «Известно, что Орловой был очарован молодой шах Ирана. Возможно, понимая, что он наверняка ею увлечется, ее и отправили в ту поездку в качестве агента влияния. Но как и что там было на самом деле, до конца никто не знает. И таких историй в биографии Орловой немало…»

Известный певец Д. Гнатюк сопровождал украинские правительственные делегации за рубеж и пел там украинские народные песни [11]. И это тоже было проявлением мягкой силы, говоря сегодняшними словами, хотя тогда так никто не думал.

Селебритис, взойдя на свою орбиту, могут повлечь вслед за собой людей и идеи, выступив в роли своеобразного локомотива внимания. Но от просто привлечения внимания до реального вхождения в жизнь лежит еще большое расстояние.

Есть отдельное исследование «Политика знаменитостей» [12]. Здесь утверждается, что персонализация политики возникла, когда современные техники паблик рилейшнз соединились с коммерциализацией журналистики.

Одновременно в политологии изучается процесс превращения политиков в селебритис [13–14]. Уже давно писалось, что политики заимствуют самые эффективные методы удержания внимания, поэтому они берут многие приемы из арсенала актеров. Есть исследование, рассматривающее как селебрити и Иисуса [15–18]. К примеру, прозвучали следующие мысли. Иисус стал селебрити, а Бог нет, поскольку у Бога нет визуальности. Или следующее: в изображении Иисуса католиками акцентируется страдающее тело, протестантами – нет.

Государства активно используют свои символы, поддерживая и защищая их. Визуальная картинка страны является важной составляющей мягкой силы [19]. Это все можно рассматривать как определенного вида «перевод», когда художественные или любые другие результаты переводятся (конвертируются) в политические. Неоспоримый художественный объект, например кинофильм, косвенно начинает работать на политическую составляющую.

Сознательно сконструированная мягкая сила может выполнять функции жесткой. ЦРУ, например, разрабатывало фигурку Бен Ладена в виде демона, для чего привлекло к работе известного игрушечных дел мастера, создавшего фигурки американских солдатиков [20]. Предполагалось, что таким образом отрицательный образ врага попадет в семьи через детей. Представитель ведомства Р. Трапани так рассказывает об этом опыте виртуализации врага [21]: «К вашему сведению, было создано три фигурки, чтобы показать, каким будет конечный продукт. После показа этих экземпляров ЦРУ отказалось от идеи и не производило, а также не распространяло ни одну из этих фигурок. Более того, у ЦРУ нет сведений, что их производил и распространял кто-нибудь другой».

Известен феномен поддержки со стороны ЦРУ распространения «Доктора Живаго» Б. Пастернака, как и присуждения ему Нобелевской премии [22–23]. То есть чисто виртуальный объект, который к тому же не имел такой уж антисоветской окраски, все же смог стать объектом активной информационной кампании против СССР. Газета *Washington Post* утверждает: «Книги были оружием, и если произведения литературы были недоступными или запрещенными в Советском Союзе, их можно было использовать для пропаганды, чтобы подвергнуть сомнению советскую версию реальности. В течение холодной войны 10 миллионов книг и журналов были тайно распространены агентством за железным занавесом как часть кампании политической войны».

Понятно, что книжная продукция была только малой частью того информационного и виртуального потока, который шел из-за рубежа. Большую его часть, конечно, составляли радиосообщения. Именно эти новостные сообщения скорее вступали в конфликт с советской реальностью, поскольку у художественного произведения могут быть только косвенные несовпадения с правдой жизни.

Правда, Г. Маркузе в своей книге «Эстетическое измерение» написал [24]: «Произведение искусства представляет реальность с помощью обвинения ее». С другой стороны, в беседе по поводу этой своей книги у него прозвучали слова, что искусство отражает конфликты и надежды, которые не могут быть разрешены путем классовой борьбы. Хотя в случае нашего времени ситуация стала еще более жесткой [25]: «Последствием для искусства будет то, что фактор отчуждения станет еще сильнее, чем раньше. Расхождение с реальностью в искусстве должно быть более радикальным, чем это было раньше, поскольку появилось больше того, чему можно противостоять».

Виртуальное существенным образом может формировать реальное. К примеру, социологи отмечают, что Гарри Поттер сработал на победу Обамы, поскольку молодое поколение американцев благодаря ему поменяло свое отношение к стигматизированным группам общества [26]. А Д. Келлнер в исследовании «Киновойны» анализирует то, как голливудское кино создало культурные условия для избрания Барака Обамы [27–28].

Есть такой общий закон: чтобы переместить людей из одной точки в другую, можно либо ухудшить их жизнь в точке «отправления», либо улучшить в точке «перемещения». Этот закон можно перенести и на виртуальное пространство. Чтобы люди ушли из одной политической системы в другую, как это было в период перестройки в СССР, можно усиленно акцентировать негатив в точке А, чтобы люди в своих головах начали стремиться в точку В. А потом под эту смену в головах подставляется нужный контекст в физическом мире.

Понятно, что это самые массовые информационные и виртуальные потоки, которые напрямую без посредников влияют на массовое сознание. По выборам 2008 г. 90 % считали, что пресса помогла Обаме [29]. Половина американцев ушла от новостей из-за их предубежденности. Это достаточно большая цифра, но, скорее всего, социология просто фиксирует раздражение, а не реальность, поскольку трудно себе представить, чтобы в преддверии выборов избиратель полностью отказался от новостей о них.

И это вполне понятно, поскольку информация всегда будет идти вместе со структурой оценки события, как бы мы ни прятались от этого, гордо заявляя об объективности журналистики. Поэтому честнее, когда говорят прямо, как, например, в следующем определении [30]: «массовая коммуникация есть деятельность по внедрению в массовое сознание оценок событий и явлений, актуальных с точки зрения действующего субъекта».

Информационные и виртуальные потоки обладают существенной привлекательностью, особенно в наше время. Социальные сети и подобные будущие проявления интернет-активности будут привлекать к ним все большие массы людей. А там, где есть много людей, всегда будет интересно работать прикладникам.

Литература

1. *Nye J. S., Jr*. Soft power. The means to success in world politics. – New York, 2004

2. Theory and practice in international relations. Conversation with Josef S. Nye Jr. // globetrotter.berkeley.edu/conversations/Nye

3. *Wyne A*. The future of power. Ten questions with Joe Nye // bigthink.com/power-games/the-future-of-power-ten-questions-with-joe-nye

4. *Gabler N*. Toward a new definition of celebrity // www.learcenter.org/pdf/Gabler.pdf

5. *Kaplan M*. From attention to engagement. The transformation of the content industry // www.learcenter.org/pdf/Barcelona2012.pdf

6. Celebrity diplomacy // www.learcenter.org/pdf/celebritydiplomacy.pdf

7. *Angela Y*. Davis: radical celebrity? // www.learcenter.org/pdf/YoungNotes.pdf

8. Секс-разведчица. Была ли Любовь Орлова агентом и любовницей Сталина? // www.aif.ru/culture/movie/1474205

9. *Грачев С*. Агент влияния Орлова. Легенды и мифы первого секс-символа СССР // www.aif.ru/culture/movie/1468586

10. *Сотникова Т*. Светозарный ад // www.novayagazeta.ru/arts/67809.html

11. *Гнатюк Д*. «В знаменитой песне о красном и черном советские цензоры усмотрели намек на бандеровские цвета» // gazeta.zn.ua/personalities/ dmitriy-gnatyuk-v-znamenitoy-pesne-o-krasnom-i-chernom-sovetskie-cenzory- usmotreli-namek-na-banderovskie-cveta-_.html

12. *Wheeler M*. Celebrity politics. – Cambridge etc., 2013

13. *Street J.* Celebrity politicians: popular culture and political representation // onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-856X.2004.00149.x/epdf

14. *Frantova V.* Celebritization of politicians // www.europaeum.org/files/teaching/summerschools/SS2010_Veronika-Frantova-paper.pdf

15. Richard Fox's 'Jesus as celebrity' // www.learcenter.org/pdf/FoxNotes.pdf

16. *Fox R. W.* Jesus in America. A history. – New York, 2004

17. America's Jesus // auroraforum.stanford.edu/files/transcripts/Aurora_Forum_Transcript_America%27s_Jesus_03.03.05.pdf

18. Complete transcript of interview with Richard Wrightman Fox // www.onbeing.org/program/moral-man-and-immoral-society-rediscovering-reinhold-niebuhr/extra/complete-transcript-0

19. *Тесля А.* Управление взглядом. Как ранний СССР пытался вербовать иностранцев // www.colta.ru/articles/literature/6787

20. G. I. Joe // en.wikipedia.org/wiki/G. I._Joe

21. *Goldman A.* CIA hatched plan to make demon toy to counter bin Laden's infuence // www.washingtonpost.com/world/national-security/cia-hatched-plan-to-make-demon-toy-to-counter-bin-laden-influence/2014/06/19/cb3d571c-f0d0-11e3-914c-1fbd0614e2d4_story.html

22. *Finn P. a. o.* During cold war CIA used Doctor Zhivago' as a tool to undermine Soviet Union // www.washingtonpost.com/world/national-security/during-cold-war-cia-used-doctor-zhivago-as-a-tool-to-undermine-soviet-union/ 2014/04/05/2ef3d9c6-b9ee-11e3-9a05-c739f29ccb08_story.html

23. The CIA and 'Doctor Zhivago': dispatch from Jan. 2, 1958 // apps.washingtonpost.com/g/page/world/the-cia-and-doctor-zhivago-dispatch-from-jan-2-1958/921

24. *Marcuse H.* The aesthetic dimension. Toward a critique of marxists aesthetics. – Boston, 1978

25. *Marcuse H.* Art and liberation. – London – New York, 2007

26. *Почепцов Г.* Как виртуальность переходит в реальность // www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3980&level1=main&level2=articles

27. *Kellner D.* Cinema wars. Hollywood film and politics in the Bush – Cheney era. – Chichester etc., 2010

28. Interview with Douglas Kellner // figureground.org/interview-with-douglas-kellner

29. *Sheppard N.* Almost 90 % of Americans Think Media Helped Get Obama Elected // newsbusters.org/blogs/noel-sheppard/2009/09/24/almost-90-americans-think-media-helped-get-obama-elected

30. *Науменко Т.* Коммуникативные процессы в глобальном экономическом пространстве // www.intelros.ru/readroom/credo_new/kre1-2015/26479-kommunikativnye-processy-v-globalnom-ekonomicheskom-prostranstve.html

3.2. Истоки эстетизации информационных и виртуальных потоков

Информационные и виртуальные потоки обладают особым интересом для современных исследователей, потому что на них концентрировался, причем во все времена, основной инструментарий воздействия политики, бизнеса и сегодня уже военного дела, поскольку человечество настойчиво пытается уйти от летального вида боевых действий, стремясь побеждать, не убивая.

Первые варианты психологического воздействия также лежали в этой сфере. Ацтеки имели специальные свистки смерти, которые звучали как крики напуганных людей ([1], см. также [2]). Они использовались в начале битвы, причем сотня таких свистков смерти должна была парализовать врага. Кстати, по форме они сделаны в виде черепа. Так что американская операция «Шок и трепет» имеет древние корни, противника всегда пытались напугать. Все это примеры определенной отрицательной эстетики, которая призвана не привлекать, а отталкивать. Но она также базируется на составляющей привлечения внимания.

Эксперты *Los Angeles Times* говорят еще более конкретно, так что их анализ можно рассматривать как определенный медиаархеологический экскурс [3]. Звуки, которые шли от этих «свистков смерти» разгоняли толпу, как это делают сегодня с помощью технических средств контроля толпы. Этот свист использовался также, чтобы погружать человеческий мозг в состояние сна, для лечения некоторых болезней, что сегодня можно применять при изучении влияния ритмических звуков на частоту сердцебиения и изменение сознания.

Информационные потоки Интернета обладают особой привлекательностью из-за облегченности в достижении эффекта (сравнительно с долгим процессом издания книги) и возможной скрытости авторства. Дж. Най говорит об этом [4]: «В способе, по которому выстроен Интернет, нападение имеет преимущество перед защитой, а тип сдерживания с помощью возмездия затруднен из-за анонимности и проблем установления виновного».

Новый тип продвигаемой кем-то информации обычно идет в закрытую для него информационную среду. Это может быть закрытость разного вида, но она всегда существует. Поэтому успешные информационные кампании всегда базируются на исследовании сопротивления целевой аудитории. Степень этого сопротивления учитывается при определении точек уязвимости индивидуального и массового сознания, на которое ведется воздействие.

Успешные кампании эстетизируют свой объект, чтобы он был привлекательным для двух сторон, только с разными знаками (+/—): атакующей и обороняющейся. В. Беньямин пишет об эстетизации войны [5]: «Все усилия по эстетизации политики достигают высшей степени в одной точке. И этой точкой является война. Война, и только война дает возможность направлять к единой цели массовые движения величайшего масштаба при сохранении существующих имущественных отношений. Так выглядит ситуация с точки зрения политики. С точки зрения техники ее можно охарактеризовать следующим образом: только война позволяет мобилизовать все технические средства современности при сохранении имущественных отношений».

Информационные интервенции бывают внутренними и внешними с точки зрения источника, откуда исходит воздействие. Но и те, и другие должны обладать своей эстетикой. Сталинская борьба с врагами народа, а она призвана была воздействовать на всю страну, сразу вызывает в нашей памяти серые фото и черно-белую кинохронику строгих лиц, по которым сразу видно, что ничего хорошего от них ждать нельзя.

Эстетика войны требует самых лучших технологий напоказ для устрашения своего противника и для демонстрации силы в случае внутреннего употребления. Это программирует нужные типы действий в объекте воздействия.

Сегодня под влиянием информационных технологий, открывших и породивших новые потребности у людей, трансформируются многие сферы, включая и искусство. При этом такие классики медиатеории, как Ф. Киттлер или П. Вирилио, все время проводили параллели между трендами в развитии военного дела и медиа.

К. Бишоп (см. о ней [6–7], ее сайт – clairebishopresearch.blogspot.com) в своей книге «Искусственный ад. Искусство участия и политика зрительства» ([8], см. также развернутую рецензию на эту книгу [9], а также целую статью-рецензию на русском [10]) рассматривает историю активизации зрительского участия в искусстве, начиная от авангарда.

Бишоп, ссылаясь на текст Рансье об эмансипированном зрителе как определенном «вдохновителе» своего собственного исследования [11], в то же время отодвигает его как философа от конкретики [12]: «От Рансье мало помощи, если нужно найти формулу, по которой можно защищать или поддерживать определенную эстетическую позицию. Его “политика эстетики” оставляет без критической защиты: каждый конкретный пример может рассматриваться в контексте доминирующих форм власти в своем собственном времени и месте. В результате не может быть привилегированного медиума. Поэтому на определенной точке, как критику, приходится покидать Рансье, поскольку он предоставляет вам план, но не направление».

Рансье же исходно писал, что зритель смотрит спектакль, но само смотрение плохо по двум причинам [11]. С одной стороны, смотрение противоположно знанию: мы не знаем, какая реальность стоит за тем, что мы смотрим. С другой – смотрение противоположно деятельности. Быть зрителем – означает быть пассивным. Зритель удален как от возможности узнавать, так и от возможности действовать. Поэтому он предлагал двигаться в том направлении, которое блокирует театр: к знанию и действию. Требуется театр без зрителя, театр действия.

В своей статье 2006 г. «Социальный поворот» К. Бишоп подчеркивает, что в современном искусстве процесс превалирует над продуктом, в то время как в капиталистической систематике все было наоборот: продукт был важнее процесса [13]. Художника критикуют за хорошие или плохие модели взаимодействия с публикой.

Много делал и писал в сфере активации зрителя дореволюционный режиссер и драматург Н. Евреинов, он даже предлагал посыпать зрительские кресла порошком, чтобы заставить зрителя чесаться [14–18]. Еще одной его идеей была и театрализация нашей обыденной жизни. Он писал, что мы любим себя только театрализованными, для доказательства чего предлагал подойти к зеркалу. Он прославился в послереволюционное время своей «постановкой» взятия Зимнего дворца 7 ноября 1920 г. [19]. Это было самое масштабное зрелище с участием множества людей, которое сделали в честь третьей годовщины революции.

Бишоп ссылается на работы Г. Кестера, создателя той сферы, которую он обозначил как «диалогическая методология» [20–21]. Кистер говорит об активации разговоров в рамках ориентированного на процесс искусства [20]: «Для произведения искусства является обычным провоцирование диалога между зрителями, но типично это происходит в ответ на законченный объект. В этих проектах разговор становится неотъемлемой частью самого произведения. Он представляется активным порождающим процессом, который может помочь нам заговорить и вообразить себя за пределами фиксированных идентичностей и официального дискурса. Этот сотрудничающий, консультативный подход имеет глубокие корни в активизме культуры и искусства».

Внимание к новому взгляду на мир (кстати, вспомним термин В. Шкловского «остранение») является характерной приметой искусства начала века. Кестер пишет: «В начале двадцатого века существовало общее мнение среди передовых художников и критиков, что авангардные произведения искусства должны не столь общаться со зрителями, как радикально изменить их веру в саму возможность рационального дискурса. Эта тенденция основывается на том, что общие дискурсивные системы, на которые мы опираемся в нашем познании мира (лингвистические, визуальные и др.), опасно абстрактны и насильно объективизируют. Роль

искусства в том, чтобы вырвать нас из перцептивной самоуспокоенности, заставить нас посмотреть на мир по-новому».

Вспомним желтую кофту Маяковского и другие приметы этого времени, которые приводили публику в замешательство. Идея привлечения внимания в этом случае оказалась вполне работающей.

В своей недавней работе, когда в качестве нового фактора появился еще и Интернет, Бишоп задает и такой вопрос вслед за Львом Мановичем: «Интернет требует от нас пересмотреть саму парадигму эстетического объекта: может ли коммуникация между пользователями тоже стать субъектом эстетики?» [22]. То есть массовый характер коммуникаций, вызванный появлением социальных сетей, заставляет думать и на такую тему. Бишоп также повторяет Кистера, говорившего, что современное произведение искусства уходит от визуального и чувственного, которые являются вариантами индивидуального восприятия, в сторону дискурсивного обмена и переговоров.

К. Белл (см. о нем как художественном критике [23], но он входит и в историю литературы, потому что флиртовал с Вирджинией Вульф [24]) еще в четырнадцатом году прошлого века) высказал теорию «значимой формы» (*significant form*) как характерного отличия произведений искусства ([25–26], см. современные представления о его теории искусства [27–29]). Эстетические эмоции создаются линиями и цветом, определенными формами и отношениями форм. То, что изображается, не имеет к этому никакого отношения. Поэтому там, где на нас действуют идеи или информация, там нет эстетической функции.

Эстетическая составляющая информационного вторжения обеспечивает снижение сопротивляемости аудитории. При этом такая эстетика может нести и определенный разрушительный характер, что показала концепция «Шок и трепет», принятая на вооружение США на момент вторжения в Ирак, чтобы парализовать волю противника. Соответственно, сегодня говорят уже не о военно-промышленном комплексе, а, например, о развлекательно-военном комплексе, поскольку развлекательные механизмы вошли в военное дело.

Дж. Дер Дерян (см. о нем [30–31]) после исследования виртуальности политики и войны издал книгу, названную им «Виртуозная война», которая после выхода в 2001 году была переиздана в 2009-м [32]. В предисловии ко второму изданию им написаны такие слова: «Созданная в Пентагоне, прошедшая прослушивание в Боснии и отрепетированная в Афганистане, виртуозная война оказалась на сцене во время вторжения в Ирак. Виртуозная война проецирует технологическое и этическое превосходство, в котором компьютерное моделирование, медийная симуляция, глобальное наблюдение и сетевая война соединились, чтобы сдерживать, дисциплинировать и, если надо, уничтожить врага. Этически обусловленная и виртуально примененная, основанная на доктрине справедливой войны, когда это возможно, и священной войны, когда это необходимо, виртуозная война играет на своем неоднозначном статусе как удачный оксюморон. После 11 сентября, когда Соединенные Штаты избрали принуждение вместо дипломатии в своей внешней политике, приняв риторику полной победы над абсолютным злом, виртуозная война стала окончательным средством, с помощью которого Соединенные Штаты собираются обезопасить свои границы и отстоять свои глобальные позиции».

По сути речь идет снова о том, что комплексный объект, в данном случае – война, созданный с использованием новых технологий, открывает в себе такие характеристики, которые были не видны в каждой из его составляющих.

Дер Дерян считает, что в данном случае влияние оказала *software*, а не *hardware* [33]. Это результат действия сетей, а не акторов. Поэтому мутация способа войны прошла и легче, и быстрее. Он использует термин «война-как-игра» [34]. Но переход к ней был бы невозможен без развития военных игр в области обороны.

Однако из уст Дер Деряна звучит и предостережение, которое встретилось в одном из его выступлений [35]: «Чем больше мы будем обращаться к виртуальным средствам для разреше-

ния политических проблем, тем сильнее мы подорвем основу, на которой базируются наши политические добродетели».

Мы можем понять эти слова, вспомнив, во что постепенно превратилась политика в виде выборов. Это та же игра, в которой слова не имеют стоящего за ними смысла, поскольку единственным их предназначением является победа над соперником.

Сегодня активно стали использоваться сочетания «военно-развлекательный комплекс» и «военно-промышленный медиакомплекс» [36–38]. И эти слова употребляются не зря. Современная война оказалась не такой понятной с точки зрения старых стратегий. В ней нет внятной метрики, когда главнокомандующие в принципе не знают, то ли они эту войну выигрывают, то ли проигрывают. Поэтому вместо нее начинают работать доказательства медийного порядка типа сбрасывания статуи Саддама Хусейна в Багдаде, то есть создается доказательство для информационного поля, поскольку в чисто физическом поле таких доказательств нет. Интересно, что это сделали вовсе не бушующие толпы иракцев, как это показало телевидение, а военные из американской психологической команды.

Политика всегда эстетизируется, чтобы эффективность ее воздействия возросла. Такая эстетическая политика действует на большее число рецепторов, чем просто рациональное воздействие. Можно вспомнить советские демонстрации и военные парады, которые несли вполне конкретные идеи, но при этом не забывали об эстетической форме массового действа.

Литература

1. Aztec death whistles sound like human screams and may have been used as psychological warfare // www.ancient-origins.net/news-mysterious-phenomena/aztec-death-whistles-sound-human-screams-020129

2. *Adje Both A.* Music, song and dance among the Aztecs – a short introduction // www.mexicolore.co.uk/aztecs/music/music-song-and-dance-among-the-aztecs-a-short-introduction

3. *Watson J.* Archeologists digging up pre-Columbian sounds // articles.latimes.com/2008/jul/06/news/adfg-sounds6

4. *Wyne A.* The future of power. Ten questions with Joe Nye // bigthink.com/power-games/the-future-of-power-ten-questions-with-joe-nye

5. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М., 1996

6. Claire Bishop // en.wikipedia.org/wiki/Claire_Bishop

7. Claire Bishop // www.gc.cuny.edu/Page-Elements/Academics-Research-Centers-Initiatives/Doctoral-Programs/Art-History/Faculty-Bios/Claire-Bishop

8. *Bishop C.* Artificial hells. Participatory art and the politics of spectatorship. – London etc., 2012

9. *Slater J. B.* The ghosts of the participation past // www.metamute.org/editorial/articles/ghosts-participation-past

10. *Яичникова Е. И.* «Искусство участия» 1990—2000-х годов: попытка историографии и метод анализа // www.intelros.ru/pdf/fg/2013_2/12.pdf

11. *Rancier J.* The emancipated spectator // members.efn.org/~heroux/The-Emancipated-Spectator-.pdf

12. *Eschenburg M.* Artificial Hells. A conversation with Claire Bishop // contemporaneity.pitt.edu/ojs/index.php/contemporaneity/article/view/ 113/114

13. *Bishop C.* Social turn: collaboration and its discontents // www.gc.cuny.edu/CUNY_GC/media/CUNY-Graduate-Center/PDF/Art%20History/Claire%20Bishop/Social-Turn.pdf

14. *Евреинов Н.* Введение в монодраму. – СПб., 1909

15. *Евреинов Н*. Театральные инвенции. – М., 1922

16. *Евреинов Н*. Pro scena sua. Режиссура. Лицедеи. Последние проблемы театра. – Пг., 1915

17. *Евреинов Н*. Театр для себя. Ч. 1. Теоретическая. – СПб., 1915

18. *Евреинов Н*. Театр для себя (Ч. 2, 3). – СПб., 1916

19. Евреинов Николай Николаевич // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2,_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

20. *Kester G*. Conversation pieces: the role of dialogue i socially-engaged art // www.ira.usf.edu/cam/exhibitions/2008_8_Torolab/Readings/Conversation_PiecesGKester.pdf

21. *Kester G. H*. Conversation Pieces. Community and communication in modern art. – Berkeley etc., 2004

22. *Bishop C*. Digital divide // www.gc.cuny.edu/CUNY_GC/media/CUNY-Graduate-Center/PDF/Programs/Art%20History/Digital-Divide.pdf

23. Clive Bell // en.wikipedia.org/wiki/Clive_Bell

24. Virginia Woolf's flirtation with Clive Bell // virginiawoolfblog.com/virginia-woolfs-flirtation-with-clive-bell

25. *Bell C*. The aesthetic hypothesis // astro.temple.edu/~dmg33/Art_files/bell.pdf

26. "Art" by Clive Bell // philosophy.lander.edu/intro/articles/bell-a.pdf

27. *Graham E.* Art // modernism.research.yale.edu/wiki/index.php/Art

28. *Grant S*. Formalism in the philosophy of art // www.richmond-philosophy.net/rjp/rjp19_grant.php

29. *Homan C*. In defense of Clive Bell and formalism // artblog.catherinehoman.com/in-defense-of-clive-bell-and-formalism

30. James Der Derian // en.wikipedia.org/wiki/James_Der_Derian

31. Professor James Der Derian // sydney.edu.au/arts/government_international_relations/staff/profiles/james.derderian.php

32. *Der Derian J.* Virtuous War. Mapping the military-industrial-media-entertainment network. – New York – London, 2009

33. *Der Derian J.* Virtuous war/virtual politics // www.csun.edu/~snk1966/Der%20Derian%20-%20Virtuous%20War-Virtual%20Theory.pdf

34. *Der Derian J.* War as game // teaching.thenoiseofthestreet.net/dms259fall12/wp-content/uploads/2012/09/WAR_AS_GAME.pdf

35. *Der Derian J*. The "virtuous" war // opencanada.org/features/the-think-tank/comments/the-virtuous-war

36. *Lenoir T., Lowwod H*. Theaters of war: the military-entertainment complex // web.stanford.edu/class/sts145/Library/Lenoir-Lowood_TheatersOfWar.pdf

37. Military-entertainment complex // en.wikipedia.org/wiki/Military-entertainment_complex

38. Military-industrial-media complex // en.wikipedia.org/wiki/Military%E2%80%93industrial%E2%80%93media_complex

39. *Stockwell S. a. o.* The military-entertainment complex: a new facet of information warfare // one.fibreculturejournal.org/fcj-004-the-military-entertainment-complex-a-new-facet-of-information-warfare

40. *Benedict S.* The military-entertainment complex // www.stevenbenedict.ie/2013/07/the-military-entertainment-complex

41. *Seed T*. The return of PSYOPS // tonyseed.wordpress.com/2004/12/03/the-return-of-psyops/#more-5140

3.3. Нарративные машины воздействия

Сегодня мы приходим к необходимости разграничения информационных, идеологических и воздействующих наук. Каждое конкретное сообщение несет приметы всех трех из них, примером чего могут служить газета или телесериал. Последний принадлежит к еще одному типу возникающей сегодня науки, которую условно можно назвать наукой развлечения. К примеру, создатели кинопродукции сегодня очень четко моделируют разные возможности по привлечению зрителя. Все это результат прихода в академическую практику более объективных методов, возникающих в двадцать первом веке.

Человек живет в достаточно хаотическом мире, поэтому постоянно нуждается в объяснении происходящих вокруг него событий. Этому помогают сформированные картины мира, под те или иные точки которых «телеэксперты» подводят для зрителей происходящее вокруг. Однако постсоветское пространство имеет несколько картин мира сразу, что еще больше затрудняет возможности населения по пониманию происходящего.

Практически мы имеем два разных информационных потока: один – о событиях, другой – о понимании и реагировании на эти события. Один поток чисто информационный, другой – интерпретационный. Причем один невозможен без другого, хотя наиболее часто сообщения написаны и подаются так, чтобы совместить эти две функции. И хотя журналистов учат писать объективно о событии, но отдельное событие всегда будет ставиться в рамки определенного фрейма, который и является одной из возможных интерпретаций.

Материальная база информационного пространства изменила скорости его наполнения. Маклюен видел три мира по тому, как хранится и порождается информация: мир рукописей – средние века, мир книгопечатания и мир электронный – наш сегодняшний. Маклюен считал, что единственными, кто может понять новую технологию первыми, являются люди искусства. В. Хаген поясняет это следующим образом: «Маклюен трактует художника как фигуру в нашем обществе, которая способна понять соответствующую сторону медиума раньше любого другого, поскольку искусство само по себе, по мнению Маклюена, является способом работы не столько с конкретным содержанием, сколько с самим искусством как артистическим процессом» (см. слайды к его лекциям [1]).

Интересно, что и В. Беньямин видел искусство под углом зрения, который может объяснить высказывание Маклюена [2]: «с древнейших времен одной из важнейших задач искусства было порождение потребности, для полного удовлетворения которой время еще не пришло». Этот аргумент он приводит в отношении дадаизма, который предвосхитил потребность в кино.

Информационное пространство формируется сегодня индустриально, когда действуют определенные техники и технологии, способные остановить внимание в мире, перенасыщенном информацией, способные записать в память, способные вытащить из памяти записанное тогда, когда это требуется.

Ритуалы удерживают внимание за счет удержания единого информационно-виртуального потока, не допуская внешнего вмешательства. Тем более ритуалы прошлого вообще могли использовать наркосодержащие препараты для концентрации на единой картинке. Сегодня мир перешел на искусственное конструирование внимания к нужному типу объекта. Ведь по сути имиджи звезд выстраиваются именно таким образом путем использования последовательного набора событий.

Современная профессия спин-доктора также имеет задачи удержания внимания на событии до его наступления и после того, как оно произошло, то есть отсутствие события в физическом пространстве уже не является помехой. При этом недостаточно просто механически удерживать событие в поле зрения. Оно должно все время представлять нечто новое, чтобы возникал естественный процесс возвращения к нему.

Цензура советского времени выполняла такую же роль того, что можно обозначить как информационный ритуал. Циркулировали только те тексты, которые подтверждали советскую картину мира. Этот главный нарратив реализовался во множестве произведений литературы, искусства, кино. Поэтому все отклоняющееся от этой модели сразу становилось видным, поскольку там возникало другое объяснение сложившегося порядка вещей.

Советский базовый нарратив действовал и действует достаточно долго. Он существует даже тогда, когда Советский Союз давно умер. Это связано наверняка с тем, что, по сути, не появилось постсоветского нарратива. Мы все равно видим прошлое чаще сквозь советские, чем постсоветские очки.

Базовый нарратив (западный термин для этого – master narrative, metanarrative, grand narrative) активно используется во всех областях: от политики до борьбы с терроризмом. Сам термин grand narrative вводится Ж. Лиотаром [3]. А. Мегилл переносит этот термин в философию истории [4]. Он считает его идеальным вариантом, который никогда не произносится. Кстати, для него гранд-нарратив несет и риски, так как будущие события могут от него отклониться.

Лиотар считал характерным для постмодерна недоверие к метанарративам. Они перестают работать на легитимацию, как это было раньше. Большие нарративы стали рушиться один за другим. Однако причиной этого, по нашему мнению, может быть и возникновение множества машин по производству картин мира. Ведь вначале такой машиной была только религия. Потом возникли книги, за ними кино и телевидение, а сегодня и Интернет. Бесконечное количество противоречащих друг другу версий не могут не нарушать правильный миропорядок, задаваемый гранд-нарративом.

Советский Союз упорядочивал, как бы перезагружая, свою картину мира демонстрациями трудящихся 1 мая и 7 ноября. Они отражали единение руководителей и народа. В демонстрации всегда участвовали представители всех регионов и всех профессий. Возникала как бы не линейная, современная временная линия, а более древняя – циклическая. Поэтому в демонстрации могли участвовать условные матросы 1917 года или бойцы 1945 года. Трудящиеся демонстрировали счастье, достигнутое под руководством начальства, смотревшего на них с трибун. Этот гранд-нарратив всегда демонстрировал преемственность с прошлым. День сегодняшний был результатом дня вчерашнего.

Кстати, В. Шкловский сказал такую вещь: «Наша революция – пародия на французскую: свобода, равенство, братство…» [5]. И это во многом правильно по отношению и к другим революциям, поскольку протест в них всегда будет направлен против власти, против верхов, а не низов.

Д. Бойе как специалист по бизнес-нарративам вводит понятие пред-нарратива (*antenarrative*) ([6], см. другие его «пред-нарративные» работы [7]). Это даже, скорее, можно понять как «неготовый нарратив», в котором больше хаотического, чем упорядоченного. В нем много лишнего, все вместе не завязано в единую структуру.

Характеристики пред-нарратива по Бойе таковы: фрагментарный, нелинейный, малосвязный, бессюжетный, плохо рассказанный. Все это характеристики невыстроенного повествования.

Бойе увидел интересную дуальность этой формы рассказывания, которая, как нам представляется, является весьма важной именно для бизнес-ситуаций. Он считает, что нарратив – это стремление к правде, в то время как рассказ тяготеет к этике [8]. Его еще одна фраза такова: «Деконструируя дуальность нарративного рассказа, мы освобождаем рассказы от нарративной тюрьмы».

Пред-нарративы, как он считает, еще не произвели свой выбор героев [9]. Они не нашли еще свои контексты. Контексты же переводятся в возникающую связность. Можно эти фразы понять как то, что, например, тот же Колобок может быть рассказан и от имени Колобка, и

от имени Лисы, и от имени Волка и пр. Выбор героя дает возможность выстроить единую линию повествования, которая уничтожит одни контексты и усилит другие, которые будут ей соответствовать. Тем самым и возникает нужный уровень связности.

Русские формалисты в свое время говорили о разграничении сюжета и фабулы (Б. Томашевский [10]). Фабула – это естественный порядок событий, а сюжет – результирующий художественный. Точность его гуманитарных мыслей можно понять из его следующего кусочка биографии, которую раскрыл А. Реформатский [11]: «Меня всегда поражали в Борисе Викторовиче его энциклопедизм и точность (он учился в бельгийском электротехническом институте в Льеже и одновременно в Сорбонне). Он был прекрасный математик: когда как-то его “подрезали” в области филологии, он плюнул и два года читал математику в Институте путей сообщения».

Бойе дает еще одну очень важную для инфовойн характеристику пред-нарратива [12]: «Они распутывают и запутывают контексты, скозь которые движутся. Пред-нарративы действительно очень опасны, они могут обратить толпу в паническое бегство. […] Пред-нарративы определенно воздействуют на толпу и заражают ее. Некоторые могут изменять ритм толпы. Пред-нарративы могут собирать толпы и разрушать иерархии, вызывать к жизни новые толпы, которые собираются вокруг возникающего пред-нарратива».

Все эти характеристики, как нам представляется, связаны с тем, что на пред-нарратив может возникать даже большая реакция, чем на собственно нарратив, поскольку в нем каждый может увидеть своего собственного героя и важное именно для себя событие. Когда же все это будет оформлено в единый текст, оно станет моноидеологическим, выстроенным под одного героя и его события.

Бойе видит следующие типы пред-нарратива:

– бумеранг: меняет направление и возвращается туда, откуда пришел;

– свободный пред-нарратив: срывает маски;

– пред-нарратив белого шума: отходит-приходит, но никогда не удалется далеко;

– трансформатив.

Кстати, свою нарративную теорию Бойе использует отнюдь не в литературе или истории, а в организационной теории бизнеса. На эту тему у него есть и монография «Нарративные методы для организационых и коммуникативных исследований» [13]. Бойе в книге разъясняет, что *ante* в *ante-narrative* значит не только пред, это слово имеет еще значение «ставка», как ставка в покере или ставки на лошадей, которые тоже делаются заранее. Он считает, что рассказ сопротивляется нарративу, рассказывание (это будет более точным термином сейчас) является преднарративом, а иногда и анти-нарративом. Для перевода рассказывания в нарратив надо наложить на многомерное и фрагментированное пространство искусственную связность. В анти-нарративе, по его мнению, нет ни сюжета, ни завершенности, потому что рассказчик видит все в настоящем времени, в котором и находится.

Бойе предлагает пять измерений для пред-нарратива:

– пред-нарратив находится до того, как нарратология наложит на него фреймы, сюжеты;

– пред-нарратив пытается понять, что происходит, то есть уделяет внимание неоднозначностям, нарратив же находится на мета-уровне, это опыт после события;

– пред-нарратив направляет наше внимание на живой опыт, до того как на него наложены требования начала повествования, середины и конца;

– пред-нарратив представляет собой обсуждение истории в разных контекстах, в разных группах, когда значение события зависит от локальности;

– пред-нарратив отражает коллективную память до того, как сформировано общественное мнение, общественное согласие о происшедших событиях.

Хоть Бойе не говорит об инфовойнах, но следует признать, что как пред-нарративы, так и нарративы просто обязательны для переходов к новым состояниям системы. СССР имел

отдельные нарративы для революции 1917 г., для времени репрессий, когда возрастала роль врагов народа, для индустриализации, для войны. СССР периода исчезновения уже не имел адекватных нарративов. Горбачев метался между старыми нарративами и новыми, поскольку и те (советские), и другие (западные) одновременно стали присутствовать в массовом сознании.

И даже в конце своей карьеры Горбачев создал нарратив своего заточения, который опровергается только в наше время. Вот слова А. Лукьянова о нарративе «заточения на Форосе» М. Горбачева [14]: «Это все липа. Никто его не блокировал, что потом подтвердил суд: все средства связи работали, самолет стоял готовый к взлету. Кто его блокировал? Пять депутатов? У него охраны в Форосе было 100 человек. Да они поговорили с ним по-товарищески и уехали. Они рассчитывали и были уверены, что Горбачев их поддержит и примет в ГКЧП участие».

ГКЧП шел под знаменем советского нарратива, однако делал это совместно с Горбачевым, который, увидев проигрыш своих коллег, поменял свой новый нарратив на условно демократический. Но демократический нарратив был уже в руках у Ельцина, которому не нужны были другие демократические конкуренты. Так Горбачев проиграл и первую, и вторую альтернативы. Его нарратив был отброшен населением окончательно, до этого его уже не особенно принимали внутри страны, он получал все свои лучи славы из-за рубежа.

Нарративы могут встречать резонанс, безразличие, вступать в конфликт [15]. Есть множество конкурирующих нарративов, каждая человеческая подгруппа живет в своем наборе таких нарративов. При этом такие нарративы могут нести и отрицательные последствия. Даже возникли соответствующие термины: *destructive master narrative* [15], *dangerous narrative* [16], *dangerous tales* [17]. В последней работе рассматриваются три нарратива Конго, из которых вытекает насилие. Именно они послужили причиной введения миротворцев, поскольку срезонировали с иностранной аудиторией в качестве объяснения сложившейся ситуации. То есть большую роль играет не соответствие или несоответствие реальности, а резонанс с аудиторией. И не просто с аудиторией, а с той, которая связана, прямо или косвенно, с лицами, принимающими решения.

Чисто теоретически автор видит нарративы под углом зрения фреймов [17]: «Нарративы включают в себя центральный фрейм или комбинацию фреймов. Фреймы являются базовыми для социального мира, поскольку проблемы не задаются, а должны конструироваться. Фреймы формируют наши взгляды на то, что должно рассматриваться как проблема (например, нелегальная добыча ресурсов) и что не является таковым (например, земельные конфликты). Фреймы также влияют на то, какие события будут замечены (сексуальное насилие), а какие нет (несексуальные пытки), а также то, как они будут интерпретироваться (достойны ли они международного реагирования или это внутренняя проблема). Тем самым фреймы и нарративы не создают действий. Вместо этого они делают действия возможными: они разрешают, усиливают и оправдывают конкретные практики и политики (такие, как регулирование торговли минеральными ископаемыми) и в то же время уходят от других (таких, как разрешение земельных конфликтов). Эти действия, в свою очередь, воспроизводят и усиливают как доминирующие практики, так и значения, встроенные в фреймы и нарративы, на базе которых они основываются. Со временем нарративы и практики, которые они разрешали, начинают рассматриваться как естественные, предоставленные и единственно возможные».

Перед нами сконструированные людьми нарративы, которые начинают предопределять их поведение, более того, человек начинает видеть в действительности то, что акцентирует нарратив и не видеть того, чего там нет. По этой причине мы можем утверждать, что нарратив может замедлять определенные процессы или ускорять их. Революционный нарратив будет подталкивать к смене власти, стабилизирующий, подающий власть как заботящуюся о народе, будет замедлять процессы смены. Но все это будет содержаться в нарративах.

Литература

1. *Hagen W.* Mediatechnology. 2015 Jan. 22 // www.whagen.de/seminare/2015/20150122Slides.pdf

2. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М., 1996

3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна // gtmarket.ru/laboratory/basis/3097

4. *Megill A.* Historical knowledge, historical error. A contemporary guide to practice. – Chicago – London, 2007

5. *Галушкин А.* Разговоры с Виктором Шкловским // www.intelros.ru/readroom/nlo/131-2015/26417-razgovory-s-viktorom-shklovskim.html

6. *Boje D. M.* Excerpted from: Introduction to Narrative Methods // lisacookfilm.files.wordpress.com/2011/08/antenarrative-reading.pdf

7. Antenarrating papers // business.nmsu.edu/~dboje/papers

8. *Boje D. M.* Deconstructing the narrative story duality – constructing a space for ethics // www2.le.ac.uk/departments/management/documents/research/research-units/cppe/conference-pdfs/derrida/derrida_boje.pdf

9. *Boje D.* What is antenarrative? // business.nmsu.edu/~dboje/papers/what_is_antenarrative.htm

10. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.-Л., 1925

11. *Реформатский А.* Борис Викторович Томашевский. Мемуар // magazines.russ.ru/zvezda/2007/8/re12.html

12. *Boje D. M.* Introduction to narrative methods // business.nmsu.edu/~dboje/papers/narrative_methods_intro.htm

13. *Boje D. M.* Narrative methods for organizational & communication research. – London etc., 2001

14. ГКЧП создал Горбачев. Интервью с А. Лукьяновым // lenta.ru/articles/2015/03/25/lukianov

15. *LePage R., LePage J.* Handbook for a phase transition // www.bridgetochange.com/handbook/handbook.pdf

16. *Katz L.* Dangerous narrative: politics, lies and ghost stories // Cosmopolitan Civil Societies. – 2011. – Vol.3. – N.1

17. *Autesserre S.* Dangerous tales: dominant narratives on the Congo and their unintended consequences // afraf.oxfordjournals.org/content/early/ 2012/02/09/afraf.adr080.full.pdf+html

3.4. От фонового воздействия до партизанской информационной войны Умберто Эко

Есть самые парадоксальные предложения по работе с информацией в массовой аудитории. Понятно, что и самые неожиданные предложения все равно заслуживают серьезного рассмотрения, поскольку многие коммуникативные сферы сегодня заторможены в своем развитии как раз из-за отсутствия новых подходов.

К примеру, достаточно революционной, по нашему мнению, является постановка вопроса, возникшая у американских военных: почему западные нарративы не кажутся достоверными для мусульманского населения, а нарративы Аль-Каиды – да. Отсюда выросло совершенно новое направление по изучению нейробиологии нарративов в попытке положить чисто литературоведческое понятие на более объективные основания нейронауки, которая базируется на реакциях человека, снимаемых с помощью функционального магнитного резонанса.

Сегодня важным фактором является наличие внимания, захват его в данный отрезок времени. Однако еще в начале прошлого века именно на захвате внимания специализировался авангард в искусстве. Они практически применили новые способы остановки внимания, говоря точнее, перенесли их из жизни в искусство. В. Беньямин, к примеру, писал о дадаизме [1]: «Проявления дадаизма в искусстве и в самом деле были сильным развлечением, поскольку превращали произведение искусства в центр скандала. Оно должно было соответствовать прежде всего одному требованию: вызывать общественное раздражение. Из манящей оптической иллюзии или убедительного звукового образа произведение искусства превратилось у дадаистов в снаряд. Оно поражает зрителя. Оно приобрело тактильные свойства. Тем самым оно способствовало возникновению потребности в кино, развлекательная стихия которого в первую очередь также носит тактильный характер, а именно основывается на смене места действия и точки съемки, которые рывками обрушиваются на зрителя. Можно сравнить полотно экрана, на котором демонстрируется фильм, с полотном живописного изображения. Живописное полотно приглашает зрителя к созерцанию; перед ним зритель может предаться сменяющим друг друга ассоциациям. Перед кинокадром это невозможно. Едва он охватил его взглядом, как тот уже изменился. Он не поддается фиксации».

Сопротивление отсутствует там, где не ожидают атаки. Именно по этой причине столь активно используется кино и телесериалы для продвижения нужных моделей поведения. В них на первом месте стоит развлекательность и основной сюжет, поэтому сюжеты второго плана и стоящая за ними рациональность не принимаются во внимание.

Главной моделью при этом становится продвижение нужного вне сферы осознавания объекта воздействия. Мы можем сравнить это с рекламой на стадионе. После матча останется в сознании футбольный результат, но в спрятанном виде будет и реклама, которая была размещена в рамках футбольного поля как фон.

Советский вариант парада или демонстрации работал на объединение аудитории, создание коллективной памяти, в которой фиксировалась правильность советской картины мира, где власть и народ живут в полной гармонии. Музыка, коллективное шествие, цветы и песни, – все они работали на создание и фиксацию данного события в памяти как праздника. Когда люди делают что-то вместе, это имеет совершенно иной тип воздействия на человека.

Н. Тамручи в статье «Медицина и власть» пишет ([2], о советских праздниках см. также [3–4]): «Физкультурные парады, агитационные (вело)кроссы, разнообразные спортивные состязания – по плаванию, гребле, метанию ядра и проч. – проводились не ради спортивных достижений, а ради публичного зрелища. Они устраивались для поднятия духа, для создания бодрой картины массового действия, представляющего советскую жизнь как вечный коллективный праздник. Главным их содержанием были многочисленность и однородность

участников. Обряженные в одинаковую форму, делавшую их на расстоянии до неразличимости похожими друг на друга, физкультурники воплощали собой мультиплицированный эталон советского человека. Он был здесь как на ладони: простой, предсказуемый, слитый в одно целое с коллективом, готовый с энтузиазмом выполнять команды. Он находился в окружении своих клонированных копий, фотокамеры так и льнули к его размноженным мускулистым телам и отрепетированным героическим позам. Ничего личного и лишнего не отражал его внешний вид. Словом, спорт превратился в спектакль, где советским людям показывали советских людей – таких же, как они, только поднявшихся на ступеньку выше на пути к унифицированному всеобщему счастью».

Нам представляется очень важным то, что подобные государственные праздники основное время обходились без слов, кроме первых приветственных, исходящих от руководителей, возвышавшихся на площади. Действия, а не слова определяли все. Ритуалы без слов являются самыми сильными и одновременно самыми древними.

Массовый ритуал, проникающий во все уголки сознания, должен был быть подобным бессловесным вариантом. Слова могут вызывать сопротивление, действо без слов имеет меньше возможностей для этого. По большому счету, все торжественные ритуалы блокируют слова. Одной из причин этого может быть и то, что слова всегда носят в определенной степени авторский характер, элементы которого также могут вызывать несогласие.

Универсальность ритуала доказывает и его активное использование во все времена. Кстати, у Ю. Лотмана было неожиданное представление о всеобщей грамотности и реформе орфографии, как вспоминает В. Успенский [5]: «Он заявил, что простота орфографии не является сама по себе положительным качеством, что реформа правописания 1917–1918 гг., приведшая к его упрощению, сыграла скорее отрицательную роль. По его мнению, известные затруднения в овладении грамотностью скорее полезны. Если до революции слова “грамотный” и “образованный” были до известной степени синонимичны, то теперь их значения сильно разошлись, и это плохо. Возможно, что он критически отозвался даже и об идее поголовной грамотности, но не берусь сейчас на этом настаивать».

Мы приводим это замечание к тому, что чем менее сложным интеллектуально будет гуманитарный объект, чем более эффективным будет его воздействие на массовую аудиторию, поскольку будут сняты все преграды для восприятия. Можно сказать, что аналогом демонстрации является цирковое представление, которое также не нуждается в словах. Кстати, и то, и другое можно считать машинами по производству счастья. С одной стороны, производства счастья публичного, с другой – частного. Человек, поставленный в условия, когда все вокруг радуются, и сам вскоре начинает улыбаться.

Индустриальным производством счастья занимаются кино и телевидение. Человек там получает те эмоциональные ощущения, которых ему не хватает в реальной жизни. Здесь он может «приватизировать» чужое счастье или чужую храбрость.

Р. Талер и К. Санстейн в своем подталкивании к правильному поведению предложили работать с автоматическим восприятием, отказавшись от рефлексивного, поскольку тогда выбор проходит вне рационального участия человека [6]. Он начинает идти по выбранному за него другими пути, хотя создатели этого метода спасаются, говоря о том, что выбор все равно сохраняется. По сути, так оно и есть, хотя «правильный» выбор более облегчен. Во многих случаях это оказывается чисто информационным воздействием, когда, например, человек получает информацию о том, сколько электроэнергии потребляют его соседи, как хорошо платят налоги другие, сколько пьют в неделю другие и пр. То есть активируется влияние социального окружения, а человек всегда стремится быть таким, как все.

Известный итальянский семиотик У. Эко, например, как-то написал эссе с парадоксальным названием «К семиологической партизанской войне» [7]. В нем он утверждает, что сегодня страна принадлежит тому, кто контролирует коммуникацию. Информация/коммуни-

кация стала тяжелой промышленностью, которая была главной во времена индустриальной цивилизации.

Эко подчеркивает проявления этого нового статуса: «Газета определялась как медиум для создания общественного мнения, когда на свет появились первые газеты. Когда некто должен каждый день писать столько новостей, сколько позволяет площадь, и все это должно быть читабельным для аудитории разных вкусов, социальных классов, образования, по всей стране, свобода писания уже завершена. Содержание сообщения не будет зависеть от автора, но от технических и социологических характеристик медиума».

Он считает, что в обычной коммуникации неоднозначности нет, зато в эстетической коммуникации она должна быть осознанной, поскольку там задействованы разные коды. Таково же мнение по поводу художественного текста у Ю. Лотмана. Политики считают, что для контроля медиа надо контролировать две составляющие: источник и медиум. Сам Эко не придерживается этого взгляда.

И тут он приходит к главной точке своего повествования: «Для стратегического решения будет необходимым завтра использовать партизанское решение. То, что должно быть занято в любой части мира, это первое кресло перед каждым телевизором. И естественно, кресло лидера группы перед каждым телеэкраном, перед каждым транзистором, каждой страницей газеты. Если вы хотите менее парадоксальной формулировки, можно сказать так: битва за выживание человека как ответственного существа в эру коммуникации не будет выиграна там, где порождается коммуникация, но там, куда она приходит. Я говорю о партизанской войне, потому что парадоксальная и трудная судьба стоит перед нами, – я имею в виду ученых и техников коммуникации».

Он объясняет эти новые возникающие потребности и возможности. Политическая партия может собрать свои группы, чтобы обсудить телевизионный месседж, чтобы изменить значение, которое Источник приписал месседжу. Образовательная организация может обсудить месседж и поменять его значение. Все они имеют силу реинтерпретировать месседж. Он считает, что такие неиндустриальные формы коммуникации и станут вариантом будущей партизанской войны.

В принципе, перед нами вновь повторился интересный переход от акцента на источнике на акцент на получателе. Но это уже начинается не первичный процесс коммуникации, а процессы вторичные. А это уже другой разговор. Эко же видит перед собой действия будущих коммуникационных партизан, которые будут восстанавливать критическое восприятие против пассивного приема. Причем он рассматривает это не как форму будущего еще более жесткого контроля, а как обучение населения контролю месседжа и множеству возможностей его интерпретации.

Нам также представляется, что многие интересные открытия возможны и на пути как определения внушаемости аудитории, так и на пути работы с ее сопротивлением (см., например, сборник по работе с сопротивлением аудитории [8] или о новых направлениях по распознаванию лжи [9]).

Индустриально создаваемой и распространяемой пропаганде также должен найтись контрход. К примеру, на сегодня американская пропаганда все равно проигрывает в умах мусульман пропаганде Аль-Каиды, которая, несомненно, является менее изощренной. Но она более точно отражает картину мира аудитории.

Многое продолжает лежать еще в зоне неосознаваемого воздействия. На наши решения оказывает влияние даже музыка, которая идет как фон. Например, в магазине по продаже вина в некоторые дни играли традиционную французскую музыку, а в отдельные – немецкую. В результате оказалось, что во французские музыкальные дни 77 % покупаемых вин были французские, а в немецкие музыкальные – 73 % немецкие [10–11]. Люди брали вина, которые соответствовали музыке в 3–4 раза чаще. В другом эксперименте классическая музыка вела к

покупке более дорогого вина [12]. Такие же эксперименты показали зависимость оценки вина как сильного, утонченного и т. п. в зависимости от играемой в тот момент музыки [13]. Все это позволяет говорить о такой новой прикладной науке, как аудиомаркетинг [14]. Вероятно, в мозгу могут активироваться не только «французскость» или «немецкость» музыки, но также и идеологические клише, стоящие за музыкальными произведениями. То есть может возникать и та или иная картина мира, которая фоново проходит, например, в телесериале.

Аудиовойна также может иметь место. Наиболее известным вариантом является использование рока в декабре 1989 г. в борьбе с панамским лидером Мануэлем Нориегой. Аудиозаписи использовало ФБР в Вако, Техас, в 1993-м, когда надо было освободить членов тоталитарной секты. Тогда ФБР хотело также использовать скрытые призывы, спрятанные в записях, по методике И. Смирнова [15].

Когда невозможно было войти в город Фаллуджа, по нему ударила смесь тяжелого рока и оскорблений по-арабски, где прозвучала фраза: «Ты стреляешь, как пастух». Все это для того, чтобы заставить боевиков пойти в атаку [16]. Перед другой атакой из громкоговорителей звучали слова: «Пускай скорым в Фаллудже хватит горючего, чтобы собрать все тела муджахеддинов». Зазвучал Джим Хендрикс и другая рок музыка, крики детей, мужчин, мяуканье котов, лай собак.

В. Гусаров привел следующий пример использования психологических операций в Ираке [17]. В г. Фаллуджа предполагалось с помощью вертолетов обнаружить позиции боевиков в городе и уничтожить их танками. Однако вертолеты в городе – легкая мишень, поэтому для обнаружения боевиков использовали фонограммы взрывов и огня из автоматического оружия. Когда боевики заняли свои позиции, пошла фонограмма рева вертолетных двигателей и скрежета танковых гусениц. А потом призывами на арабском языке удалось убедить боевиков не оказывать сопротивления и сдаться.

Практически теми же методами оперирует и другая сторона [18]. Во время атаки боевиков с мечети начала транслироваться антиамериканская пропаганда. Американский подполковник Рамос потом вспоминал: «Я никогда не забуду это, сколько буду жить, те песнопения, которые слышались. Они были первобытными, дикими, интенсивными, и это было страшно. Я хотел разрушить эту мечеть. Один из переводчиков сказал мне, что в этой записи говорилось: “Жители Фаллуджи, вставайте, неверные рядом. Убивайте их, убивайте всех”».

Премьер-министр Ирака сказал, что 70 % войны, которая ведется, является психологической и только 30 % идет на земле [19]. В том числе и по этой причине американцы создали ежедневный отчет о слухах на багдадских улицах под названием «Багдадский москит» [20]. Этот разведывательный отчет создает команда из следующих лиц: 6 американских разведывательных аналитиков, 2 переводчика, 11 иракцев, причем иракцы есть и сунниты, и шииты, и курды, и христиане. У некоторых женщин есть традиционные шарфы на головах, некоторые работают с непокрытой головой.

Кстати, слухи и анекдоты являются самым прямым отражением того, что слышит и видит массовое сознание. Даже если этого нет в действительности, сознание или боится этого, или очень этого желает. В последнем случае работает так называемый слух-желание. Путнем, возглавляющий этот проект Москито, говорит, что он направлен на «измерение эффективности того, что делает коалиция».

С помощью слухов предлагается определять эффективность информационной работы [21]: «Часто именно слухи приписывают неверные причины и мотивации, поддерживают неправильное восприятие, способствуя усилению конфликтов. Опустившись в наполненный резервуар циркулирующих слухов в Ираке, мы можем определять базовые страхи, тревоги и настроения людей, чтобы использовать эту информацию для создания более успешной кампании, чтобы оценивать, мониторить и получать их поддержку».

Массовое сознание не любит, когда ему указывают, как жить. Поэтому здесь особое значение имеют любые виды скрытого воздействия: от подталкивания Р. Талера, музыкального и аудиовоздействия и до партизанской войны У. Эко. Если воздействие не является видимым, к нему невозможно выработать сопротивление.

Речь идет не только о новых способах воздействия, но и о новых способах защиты от воздействия, один из которых продемонстрировал У. Эко. И это такой же массовый способ, как и то манипулятивное воздействие, которое осуществляется.

Литература

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М., 1996

2. *Тамручи Р.* Медицина и власть // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122

3. *Барышева Е. В.* Политические дискурсы государственных праздников // rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossievedenie/rossievedenie/politicheskie-diskursi-gosudarstvennix-prazdnikov.html

4. *Шаповалов С. Н.* Государственные практики в Советском Союзе: зарубежный опыт исследования // teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/ 2009/3-4/shapovalov.pdf

5. *Успенский В. А.* Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // www.ruthenia.ru/lotman/mem/vl_usp95.html

6. *Thaler R. H.*, Sunstein S. R. Nudge. Improving decisions about health, wealth, and happiness. – New York, 2009

7. *Eco U.* Towards a semiological guerilla warfare // kareneliot.de/downloads/UmbertoEco_Towards%20a%20Semiological%20Guerrilla%20Warfare.pdf

8. Resistance and persuasion. Ed. by E. S. Knowles a. o. – Mahwah, 2004

9. *Vrij A. a. o.* Pitfalls and opportunities in nonverbal and verbal lie detection // people.ok.ubc.ca/stporter/Publications_files/Pitfalls%20and%20 Opportunities-FINAL.pdf

10. *Robson D.* The hidden tricks of of powerful persuasion // www.bbc.com/future/story/20150324-the-hidden-tricks-of-persuasion

11. Music, wine and will // mindhacks.com/2006/02/06/music-wine-and-will

12. *Areni C. S. a. o.* The influence of background music on shopping behavior: classical versus top-forty music in a wine store // www.acrwebsite.org/search/view-conference-proceedings.aspx?Id=7467

13. *North A. C.* The effect of background music on the taste of wine // www.wineanorak.com/musicandwine.pdf

14. *Makomaska S.* Audiomarketing: music as a tool for indirect persuasion // repozytorium.amu.edu.pl/jspui/bitstream/10593/3792/1/09_Makomaska-J.pdf

15. Психологии, которые мы потеряли. Часть четвертая, заключительная. Игорь Смирнов // hrazvedka.ru/blog/psixotexnologii-kotorye-my-poteryali-chast-chetvertaya-zaklyuchitelnaya-igor-smirnov.html

16. Psychological warfare waged in Fallujah // www.rense.com/general51/falj.htm

17. *Гусаров В.* ИПСО в Ираке: война пропаганд // navoine.info/ipso-v-irake.html

18. *McWilliams T. S. a. o.* The battle for Fallujah // www.mcu.usmc.mil/historydivision/Pages/Publications/Publication%20PDFs/FALLUJAH.pdf

19. *Mamoun A.* 70 % of the war against Iraq is psychological while only 30 % occurs on the ground says Prime Minister Abadi // www.iraqinews.com/features/ 70-war-iraq-psychological-30-happens-ground-says-prime-minister-abadi

20. *Shanker T. U. S.* Team in Baghdad fights a persistent enemy: rumors // www.nytimes.com/2004/03/23/international/middleeast/23RUMO.html

21. *Keller S. R.* Rumors in Iraq: a guide to winning hearts and minds. Thesis. – Monterrey, 2004 / Naval Postgraduate School

3.5. Нарративное или нумерическое: медиаархеология о дигитальном будущем

Медиаархеология обращает свое внимание не только в прошлое, но и в будущее. Она способна на это, поскольку занята тенденциями и трендами, которые формируют новые системы медиа. Медиаархелогия может видеть будущее только потому, что внимательно и пристально анализирует прошлое.

Медиаархеология оказалась совершенно новой среди медианаук. Она также необычна и потому, что в ней как бы два крыла: медийное и техническое ([1], см. страницу по медиаархеологии на сайте Моноскоп – monoskop.org/Media_archaeology). Даже более того, одного из ее отцов-основателей Ф. Киттлера упрекали в том, что он вычеркивает человека из этой науки. Его же понимание таково, что смыслы могут образовываться и объясняться самими новыми технологиями. Ведь афористическое высказывание М. Маклюена, что медиум является месседжем, по сути, говорит об этом же: канал передачи в сильной степени предопределяет содержание.

Американский медиаархеолог Э. Хухтама (см. о нем [2–3], его сайт – www.erkkihuhtamo.com) в очень давней своей работе 1995 г. выпятил достаточно важные характеристики медиаархеологического подхода [4]. Хухтаму интересуют не артефакты «сами по себе», а артефакты как симптомы широких культурных, идеологических и социальных феноменов. То есть он делает шаг дальше от обычного коммуникативного объекта изучения.

Если применить эту идею к распаду СССР и восточного блока, то становится понятным, что в числе причин можно с уверенностью назвать новые информационные технологии: и множительная техника, и магнитофоны, а до этого даже пишущие машинки, – все были контркультурой диалога по отношению к советской культуре монолога, которая могла хорошо контролировать печатные станки, но уже не смогла построить такой же контроль по отношению к новой множительной технике. Перестройка добавила к этому переведенное на сторону атакующих телевидение, что позволило убрать со сцены тяжело и нудно говорящих партийных работников, заменив их профессионалами говорения: журналистами, писателями, интеллигенцией и диссидентами. А это тоже является техникой коммуникации, поскольку может существовать и без содержания.

В этой же работе Хухтама формулирует и цели медиаархеологии. Их он увидел две. Это циклически повторяющиеся элементы и мотивы, которые лежат в основе медиакультуры. Второй предлагаемой им целью стали «раскопки» путей, по которым эти дискурсивные традиции и формулировки входят в медиамашины и системы в разные исторические периоды.

Хухтама видит медиаархеологию именно под этим углом зрения. В последующих работах он разворачивает свой подход, присоединяя к нему все новые и новые идеи. Так, в в одной из своих работ он напишет [5]: «“Маленькие люди” является топосом, стереотипной формулой, возникающей снова и снова под разными масками и для разных целей. Такие топосы сопровождают медиакультуру и влияют на ее развитие. Культурные желания выражаются встраиванием их в топос. Функционируя как раковины или корабли из берегов памяти традиций, топосы формируют значения культурных объектов. Высокие технологии могут быть представлены как нечто иное с помощью “сказочных машин” традиций топосов. Они могут прятать культуру как природу, а что-то еще не услышанное – как известное. […] Как процессоры дискурсивных значений топосы не только выражают представления, но могут служить риторическим и убеждающим целям, как это демонстрирует сфера рекламы. Новые продукты продвигаются упакованными в формулы, которые должны предстать наблюдателю как новые, хотя они собраны из составляющих, полученных из культурных архивов».

Мы можем привести пример повторяющейся идеи революционной аргументации. Со времен французской революции четко зафиксированы лозунги «свобода, равенство, братство». И они практически каждый раз возникают с небольшими вариациями в любой протестной акции вплоть до революции.

Наверняка, нейропсихология будущего установит особую чувствительность человека к некоторым подобным символизациям. Со времен Проппа также хорошо известно, что сюжет строится на определенных запретах и их преодолениях. Если в сказке присутствует «не пей из копытца, козленочком станешь», то обязательно последует нарушение запрета с понятными последствиями.

В своем интервью Хухтама продолжает эту тематику [6]: «Эти примеры, модели, в своем исследовании я называю топосами (*«Topos»* во множественном числе). Это определенная формула, идея, опыт, который повторяется снова и снова. Например, идея погружения в медиа. Идея, что в определенный момент мы оказываемся в абсолютной власти медиа, будто живем внутри этого пространства. Мы больше не можем отличить реальность от медиа, границы между ними стираются. Эта идея была очень популярна в 1990-е годы, когда люди начали обсуждать виртуальную реальность и представлять будущее в бестелесном киберпространстве. Все, что сегодня серьезно обсуждается, – на самом деле своего рода разрывы культуры, которые показывают, что многие культурные процессы уже существовали раньше. Теперь мы ясно видим, по крайней мере, я ясно вижу, что идея погружения – это топос. Топос – это какая-то формула или идея, которая повторяется в разных культурных контекстах. Идею погружения на самом деле можно проследить даже в древнекитайской философии, в которой была идея погружения в картины. Картины превращались в пространства, имитацию жизни и реальности».

Немецкий медиаархеолог Вольфганг Эрнст (см. о нем [7], см. список его работ [8]) рассматривает разные способы передачи и фиксации информации в прошлом и настоящем. Отсюда его внимание к архивам, которые трансформируются вслед за медиа, управляя коллективной памятью.

В своем интервью он выделяет еще одну сторону медиаархеологии [9]: «Археология знания, как мы поняли из Фуко, имеет дело с разорванностями, разрывами и отсутствиями, молчанием и прорывами, что находится в оппозиции к историческому дискурсу, который отдает предпочтение понятию преемственности для утверждения возможности субъективности. “Архивы меньше касаются памяти, чем необходимости отменить, стереть, устранить” (Свен Спикер). В то время как археология основана на телеологии и нарративном завершении, архив прерывист и разорван. Как все банки данных он формирует отношения не на базе причин и следствий, а с помощью сетей; архив, по Жаку Лакану, ведет к встрече с реальностью, управляемой сценарием культуры».

И еще одно важное его замечание: «Медиаархеология описывает недискурсивные практики, задаваемые в элементах техно-культурного архива». Недискурсивность архивного способа хранения, как нам представляется, вполне понятна. У нас нет адекватного нарратива, который мог бы охватить эту «разорванную» среду. Нарратив и создает сам упорядоченность, и работает с упорядоченностью.

В этом интервью Эрнст многократно цитирует Льва Мановича (см. о нем [10–12]), который вошел в фокус внимания со своей книгой 2001 г. «Язык новых медиа» [13]. В книге он подчеркивает, что новые медиа базируются на дискретности, но эта дискретность не связана со значениями, как это имеется в морфемах языка. Первой характеристикой новых медиа у Мановича стоит нумерическое представление, что дает возможность изменять все характеристики. Манович обозначает это свойство как то, что «медиа стали программируемыми». Кстати, в этом интервью Эрнст высоко оценивает успехи советской кибернетики, с сожалением констатируя то, что в семидесятые СССР отказался от своих разработок в этой сфере, перейдя на

ИБМ, тем самым была потеряна возможность создания европейского альтернативного варианта.

Эрнст подчеркивает неединственность дискурсивных практик для фиксации информации. Это он делает в своей статье «Повествование против счета» [14], которая затем вошла и в его книгу об архивах [15]. В рецензии на книгу подчеркивается, конечно, среди прочих характеристик и тот момент, о котором мы говорим [16]: «Эрнст подталкивает (медиа) историографию от мифологии и семиотики к математике и компьютерным наукам – от рассказывания историй к подсчету единиц. Действительно, он напоминает нам, что столетиями рассказывание было счетом, а тенденция к нарративу является относительно недавним развитием человеческих систем памяти. Другие исторические модусы передачи культурной информации (такие, как эпос или хроники) функционировали тысячи лет как ненарративные формы рассказывания как счета».

Вот мнение самого Эрнста по этому поводу: «Медиа, взятое как физический канал коммуникации и как технический артефакт, который оперируется математически символическими кодами и обработкой поступающих данных, может анализироваться отлично от текстов культуры, картин живописи, классической музыки или произведений искусства. Археологический взгляд является таким способом рассмотрения медиаобъектов: скорее перечисляющим, а не нарративным, дескриптивным, а не дискурсивным, инфраструктурным, а не социологическим, принимающим во внимание числа, а не только буквы и картинки. Медиаархеология открывает тип структуры (или матрицы) в культурных отложениях, которые не являются ни чисто человеческими, ни чисто технологическими, а, условно говоря, находятся между (латинское – medium, греческое – metaxy): символические операции, которые производятся машинами, что превращает людей также в машины» (с. 70).

И еще: «В западной культуре нарратив был первичным способом обработки архивной информации во имя истории, который в пространстве мультимедиа продолжается в форме рассказов (даже в компьютерных играх, хотя и во фрагментированном виде). Медиаархеологический анализ, наоборот, не работает на феноменологическом мультимедийном уровне, вместо этого он рассматривает все так называемые мультимедиа как радикально дигитальные. В этом анализе обработка дигитальной информации разрушает разделение на визуальные, звуковые, текстовые и графические каналы, которые на поверхности (интерфейс) переводят информацию в человеческие ощущения. Глядя на человеко-машинные интерфейсы (такие, как монитор компьютера) и делая обработку невидимой коммуникации явной, археология медиа, как этого требует значение, следуя *Археологии знания Фуко*, не открывает использования медиа в публичном дискурсе, а вместо этого реконструирует порождающую матрицу, создаваемую медиальными механизмами» (с. 71).

Проблему цифрового или вербального, дигитального или дискурсивного можно увидеть и на ранних этапах развития письма. Ведь первоначально письменность в Месопотамии или Китае возникла при усложнении хозяйственной деятельности человека, когда индивидуальная человеческая память оказалась не в состоянии хранить увеличившиеся объемы информации. Правда, Киттлер и Эрнст говорят, что греческое письмо возникло, чтобы записывать песни Гомера.

Человечество начинает с числа и завершает числом на сегодняшний день. Мы можем построить следующий тип перехода:

Нумерическое	Вербально-дискурсивное (нарратив)	Электронно-цифровое (алгоритм)

Сегодняшняя нейронаука вполне объективно доказывает естественный характер формы нарратива, определенные сюжеты которого заставляют мозг выделять вещество, сходное с малой дозой кокаина. Сюжеты не только нравятся мозгу, но они управляют человеком и программируют его.

Мир построен нарративами. Американцы борются с нарративом Аль-Каиды, ища то, что в их собственных нарративах не делает их достоверными в глазах мусульманского населения. Нарративы воюют не только на войне, но и в политической борьбе, когда к победе приходит кандидат в президенты с более сильным нарративом. При этом странно, что система Голливуда, способная порождать мечты для всего мира, вдруг затормозила на этом повороте создания нарративов.

В статье по медиаархеографии, которая тоже есть в этой его книге, Эрнст пишет (с. 57): «Археология медиа не является просто альтернативной формой реконструирования начал медиа по макроисторической шкале, вместо этого она описывает технологические “начала” (*archai*) оперирования на микротехнологическом уровне. Настоящий медиаархив является *arché* кодов источника; *arché* понимается в древнегреческом не столько как происхождение, сколько как заповедь. Медиархеология имеет дело с перечитыванием и переписыванием эпистемологических, а не просто временных, моментов».

Это достаточно важные слова, поскольку они задают принципы этой новой науки. И в этом плане обоснованным является и технический уклон медиаархеологии, поскольку таким образом с помощью анализа технической эволюции более наглядными становятся единые принципы построения нового и выстраивания вослед всей технологической цепочки вплоть до сегодняшнего дня. Отсюда понятен и взгляд Киттлера на сближение инноваций в военном деле и в медиа.

Если историография строится на нарративной завершенности, то архив – на разрывах и пропусках [17]. Кстати, войны приводят к тому, что разрывы приходится заполнять устными индивидуальными воспоминаниями [18]. М. Хайдеггер, пишет Эрнст, назвал пишущую машинку «Zwischending», а это соответствует слову *medium* [19]. Она тоже переводит индивидуальную память в коллективную, поскольку стоит «между» ними.

Постсоветский человек, попав в бесконечную смену режимов, часто ощущает несовпадение своей индивидуальной памяти о прошлом с тем, что ему рассказывают СМИ. Вероятно, нечто подобное было и в 1937 г., что стало одной из причин сталинских репрессий. Сегодня репрессии физического порядка не нужны, все могут сделать «репрессии» информационного порядка, направленные на коррекцию и замену индивидуальной памяти.

Понимание нарративной завершенности историографии приходит из работ Х. Уайта (см. о нем [20], на русский переведена его главная книга «Метаистория» [21]), который в 1980 г. написал о нарративности как инструментарии историка [22–23]. Уайт пишет об общей проблеме перевода знания в рассказывание. Он подчеркивает, что мы можем не понимать мыслительные модели другой культуры, но при этом легко понимаем рассказ, пришедший откуда угодно. Отсюда он делает вывод, что нарратив является метакодом, универсальным для всех человеческих культур. Уайт подчеркивает, что историкам необязательно было избирать нарративную форму, они могли избрать ненарративные формы, в качестве которых Уайт упоминает медитации, анатомию и эпитому (о последней см. [24]).

Эти и другие статьи Уайта составили его книгу с качественным названием «Содержание формы» [25]. Здесь он вновь выходит за пределы стандартного понимания, только на этот раз, определяя и тем самым задавая пределы наук в разные века. Он пишет: «Знание в гуманитарных науках не принимает более форму поиска сближений и сходств, как это было в шестнадцатом столетии, близости и таблиц соотношений, как это было в классический век, аналогий и последовательностей, как это было в девятнадцатом веке, – а скорее принимает форму поиска поверхностей и глубин, порождаемых возвращением к осознанию не имеющего имени

«молчания», которое лежит в основе и делает возможным любые формы дискурса, даже саму “науку”. По этой причине знание в наше время пытается принять форму либо формализации, либо интерпретации».

В другом эссе он напишет следующее, объясняя тягу историографии именно к нарративу: «Человеческие действия имеют последствия, которые предсказуемы и непредсказуемы, о которых говорят интенции, осознанные и неосознанные, срываемые непредвиденными факторами, известными и неизвестными. Ввиду этого нарратив необходим для представления того, что “реально произошло” в конкретной области исторических событий».

Основной посыл Уайта состоит в том, что историки неправильно думают, что нарративный дискурс является нейтральным для представления исторических событий. Это не так, поскольку перед нами на самом деле мистическое представление реальности. Историки пользуются в действительности аллегориями, говоря одно и думая о другом.

Этот «лингвистический поворот» в истории начался в середине шестидесятых. Другие термины для обозначения этого феномена: текстуальный, культурный, эстетический. Сам Уайт предпочитает термин дискурсивный, давая следующее объяснение в одном из своих е-мейлов от 31 января 2005 г. [26]: «Поскольку прошлое не воспринимается реально, оно уже мертво, то историк может подойти к нему только “дискурсивно”».

Уайт пишет, что разница между историческими и художественными сочинениями лежит в их содержании, а не в форме. История, рассказанная в нарративе, является повтором истории, уже «жившей» в каком-то регионе.

Эрнст рассуждает на тему дигитальной текстуальности [27]: «Гуманизм сам по себе привязан к текстуальной традиции. То, что сегодня часто называют “постгуманизмом”, во многом является критикой историографической текстуальности. Дигитальные коды направляют себя против литературных нарративов с новой формой алгоритмического, процедурного мышления, чтобы заменить их кибернетическими движениями мысли […] Критика постмодерном нарратива исторического дискурса, созданного *Метаисторией* Х. Уайта, окончательно реализовалась в альтернативных путях вписывания времени в медиа».

Исторические изыскания же он характеризует достаточно просто, всего одним предложением: «Исторические исследования в основном остаются текстовой дисциплиной, когда тексты настоящего пишутся на основе текстов прошлого». И, кстати, это не только характеристика истории, но и всей гуманитарной науки, статус и влияние «прошлых» текстов гораздо более силен, чем в науках естественных. Возможно, это также отражает и то, что гуманитарные науки по сути своей ориентированы в прошлое. Лучшие литературные тексты всегда в прошлом, правила языка – там же, мыслители и философы только оттуда.

В интервью, приведенном в конце книги, Эрнст говорит о своем понимании медиаархеологии: «Моя медиаархеология является технологическими условиями говоримого и думаемого в культуре, “раскопок” доказательств того, как техника направляет человеческие и нечеловеческие высказывания, при этом не сводя техники просто к аппаратам, а охватывая, к примеру, также и древние правила риторики».

Проблема разграничения материальности привычной и электронной возникает и у М. Киршенбаума (см. о нем [28]) в его книге «Механизмы» [29]. Он считает, что материальность в реальном мире связана с уникальностью, поскольку нет двух одинаковых физических объектов. Поэтому он пользуется в этом случае термином «судебная» (*forensic*). Но электронная материальность для него лежит в другой сфере. Киршенбаум цитирует Н. Негропонте, который пытался провести это различие, в одном случае оперируя атомами, в другом – битами. Если у атомов есть масса и другие характеристики материальности, то у битов их нет. Кстати, про файлы он говорит, что в судебной практике они интересны не сами по себе, а историей их изменений (см. отдельную его работу по дигитальной материальности [30–31]).

Киршенбаум пишет в своей книге: «Биты являются, говоря другими словами, символами, которые могут устанавливаться и переустанавливаться. Если судебная материальность покоится на потенциале индивидуализации, встроенной в материю, то дигитальная среда – это абстрактная проекция, поддерживаемая и удерживаемая способностью продвигать иллюзию (ее также можно назвать работающей моделью) нематериального поведения: идентификации без неоднозначности, передачи без потерь, повтора без оригинала».

Есть еще одна составляющая материальности, которая исчезает при переходе от единичного произведения искусства к его механически воспроизводимым копиям, которые исследовал В. Беньямин, говорящий об исчезновении в этом случае ауры [32]. В. Хаген справедливо акцентирует два фактора: исчезновение человеческой руки и, цитируя Беньямина, то, что копия может попадать в такие контексты, в какие не может оригинал [33–34]. По поводу первого фактора Беньямин пишет следующее: «Фотография впервые освободила руку в процессе художественной репродукции от важнейших творческих обязанностей, которые отныне перешли к устремленному в объектив глазу».

Самым важным здесь становится тот общий процесс «стирания индивидуального», который во многом, как нам представляется, связан именно с массовым количеством копий. Копировать (и тиражировать) можно только определенный набор параметров, но не все. Тогда копия перестанет быть копией.

К. Висманн в книге «Файлы» приводит пример, что вавилонская империя третьего тысячелетия до нашей эры была полна списков (наличия зерна и пива, названий деревьев и кустарников и т. д.), включая список тех, кого будут обучать составлению списков [35]. Но именно по причине того, что это были списки, их никак не могли дешифровать, думая, что это нарративы. И это еще один пример того, что мы обсуждаем – какова базовая единица фиксации человеческого опыта.

У медиаархеологии мы видим другие «пружины» и другие интересы, чем у привычных нам медианаправлений. Именно это позволяет Хухтамо написать [36]: «Мне представляется, что медиаархеологический подход имеет две цели. С одной стороны, это изучение циклически повторяющихся элементов и мотивов, лежащих в основе и управляющих развитием медиакультуры. С другой, “раскопки” путей, по которым эти дискурсивные традиции и формулировки “впечатываются” в конкретные медиамашины и системы, в разные исторические контексты, помогая их идентичности в терминах социально и идеологически конкретных сетей означивания. Этот тип подхода подчеркивает скорее циклическое, чем хронологическое развитие, повторяемость, а не уникальную инновацию. Это противоречит обычному пути мышления о технокультуре в терминах постоянного прогресса, движущегося от одного технологического прорыва к другому и считающего более ранние машины и приложения устаревшими на этом пути. Целью медиаархеологического подхода является не отрицание “реальности” технологического развития, а, скорее, сбалансирование его путем постановки в более широкое и более многостороннее социальное и культурное понимание».

Из всего этого виден принципиально иной характер цифрового мира. И потеря в нем нарративности является ярким примером несовпадения с миром старым, в котором была другая базисность. Нарративность сопровождает человечество все время, можно даже сказать, что именно нарративность сформировала и человека, и человечество. Ведь нарративность является осмыслением и упорядочиванием окружающего нас мира. И даже когда этого порядка нет в мире, он всегда будет привнесен туда нарративами. Отсюда, вероятно, и потребность в конспирологического типа нарративах, по крайней мере, в них все объясняется достаточно понятно, как в мыльных операх.

Литература

1. *Почепцов Г.* Ложь Одиссея, которую открыла новая наука медиаархеология // gefter.ru/archive/14491

2. Erkki Huhtamo // dma.ucla.edu/faculty/profiles/?ID=9

3. Bio // www.erkkihuhtamo.com

4. *Huhtamo E.* Resurrecting the technological past // www.ntticc.or.jp/pub/ic_mag/ic014/huhtamo/huhtamo_e.html

5. *Huhtamo E.* Dismantling a fairy engine. Media archeology as topos study // Media Archaeology. Approaches, applications, and implications. Ed. by E. Huhtamo, J. Parikka. – Berkeley etc., 2011

6. Эволюция технологий: Эрки Хухтамо о том, чем занимаются археологи медиа // theoryandpractice.ru/posts/10145-arkheologiya-media

7. Wolfgang Ernst // monoskop.org/Wolfgang_Ernst

8. Ernst in English // www.medienwissenschaft.hu-berlin.de/de/medienwissenschaft/medientheorien/ernst-in-english

9. *Lovink G.* Interview with German media archeologist Wolfgang Ernst // www.nettime.org/Lists-Archives/nettime-l-0302/msg00132.html

10. Lev Manovich // en.wikipedia.org/wiki/Lev_Manovich

11. Lev Manovich – biography // www.egs.edu/faculty/lev-manovich/biography

12. *Looy van J.* Digital Marx: Manovich's new language of media // www.imageandnarrative.be/inarchive/mediumtheory/janvanlooy.htm

13. *Manovich L.* The language of new media. – Cambridge, 2001

14. *Ernst W.* Telling versus counting // www.medienwissenschaft.hu-berlin.de/de/medienwissenschaft/medientheorien/downloads/publikationen/ernst-telling-versus-counting.pdf

15. *Ernst W.* Digital media and the archive. – Minneapolis – London, 2013

16. *Young L.* Under the hood of Wolfgang Ernst's media archeology // www.reviewsinculture.com/?r=117

17. *Ernst W.* Dis/continuities // ymsc.commons.yale.edu/files/2009/09/Discontinuities-Wolfgang-Ernst.pdf

18. *Эрнст В.* Архивация: архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // magazines.russ.ru/nlo/2005/74/ern9.html

19. *Эрнст В.* Логос машины и его границы с понятием медиа // magazines.russ.ru/nlo/2005/74/ern9.html

20. Hayden White // en.wikipedia.org/wiki/Hayden_White

21. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург, 2002

22. *White H.* The value of narrativity in the representation of reality // Critical Inquiry. – 1980. – Vol. 7 – № 1

23. *White H.* The question of narrative in contemporary historical theory // History and Theory. – 1984. – Vol. 23. – № 1

24. Эпитома // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BF%D0%B8%D1 % 82%D0%BE %D0%BC%D0%B0

25. *White H.* The content of the form. Narrative discourse and historical representation. – Baltimore, 1987

26. *Yilmaz K.* Introducing the 'linguistic turn' in history education // files.eric.ed.gov/fulltext/EJ841767.pdf

27. *Ernst W*. Signals and symbols // www.medienwissenschaft.hu-berlin.de/de/medienwissenschaft/medientheorien/downloads/publikationen/medtextyale2kurz.pdf

28. *Matthew G*. Kirschenbaum // mkirschenbaum.wordpress.com/about

29. *Kirshenbaum M. G*. Mechanisms. New media and the forensic imagination. – Cambridge, 2008

30. *Kirshenbaum M. G. a. o.* Digital materiality: Preserving access to computers as complete environment // mkirschenbaum.files.wordpress.com/2009/ 10/digitalmaterialityipres2009.pdf

31. *Kirshenbaum M. G. a. o*. Digital forensics and born-digital content in cultural heritage collection // www.clir.org/pubs/reports/reports/pub149/pub149.pdf

32. *Беньямин В*. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // *Беньямин В*. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М., 1996

33. *Hagen W*. Mediatechnologies // www.whagen.de/seminare/2015/MediaTechnologySyllabus.htm

34. *Hagen W*. Walter Benjamin // www.whagen.de/seminare/2015/20150219Slides.pdf

35. *Visman C*. Files. Law and media technology. – Stanford, 2008

36. *Huhtamo E.* From kaleidoscomaniac to cybernerd. Towards an archeology of the media // web.stanford.edu/class/history34q/readings/MediaArchaeology/HuhtamoArchaeologyOfMedia.html

Глава четвертая
Искусственные трансформации информационного пространства

4.1. Традиционные механизмы «гражданских» информационных войн

Под «гражданскими» информационными войнами мы будем понимать корпоративные войны, политические баталии, экономические столкновения и пр. Все это конфликтные ситуации, в которых активно может быть задействован информационный инструментарий. Холодная война также пользовалась этими же моделями, поскольку она все время была нацелена на работу на чужой территории, что заставило ее конструкторов моделировать свои внешние по производству месседжи под внутреннее потребление.

Можно выделить тактические и стратегические информационные интервенции. К примеру, советская цензура как защитный механизм могла реально реагировать в основном только на тактические интервенции, поскольку они носили прямой характер. Хотя все жалуются, что она искала подтексты и аллюзии, но это достаточно трудоемкий процесс как для цензуры, так и для читателя, получавшего такой текст.

Цензура не в состоянии была реагировать на интервенции, которые имеют более долговременные последствия. Сегодня, к примеру, возникла целая новая методология, получившая название Effects-Based Operations (EBO) [1–5]. С одной стороны, речь идет о фокусировании на результатах, под которые подводятся конкретные средства. С другой – о параллельной войне, включающей и невоенные средства.

И самое главное – имея цель, можно расширить инструментарий по ее достижению. Например, использовать для военной цели невоенные средства: если нужно прекратить войну, можно заморозить военные счета командующего в швейцарском банке. То есть имеет место расширение пространства воздействия, хотя пространство целей сохраняется. Теперь возможно не только применение, но и планирование как инструментария физической силы, так и инструментария психологического или экономического.

Конкретный опыт использования операций влияния в Ираке дает интересные результаты, где даже ошибки важны. Например, приводится следующее [6]:

– иракцы не смотрят на листовки, где много текста, необходимо крупное изображение и одно предложение;

– детский англо-арабский разговорник был сделан в виде комикса, где женщина-полицейский выглядела как полуголая амазонка, поэтому родители запрещали читать такую книгу;

– в плакате о демократии были использованы желто-красные цвета, в то время как красный там – это цвет страдания и муки, а желтый и оранжевый цвета пожаров и зноя.

Все это было известно и использовалось. Только теперь такой тип воздействия получил новые и теоретическое, и практическое обоснования.

Мы остановимся на некоторых стратегических особенностях таких коммуникаций, которые будут касаться замен одного варианта подхода другим. То есть единицы и каналы будут интересовать нас не своей основной реализацией, а во взаимозаменах одних единиц другими, одних каналов другими. Например, стандартные единицы в виде сообщений СМИ меняются на слухи или анекдоты, чтобы охватить те аудитории, которые с недоверием относятся к официальным коммуникациям.

Запущенный в Ираке анализ слухов также демонстрирует новый подход ([7–8]). Правда, это, скорее, новый подход с точки зрения сегодняшнего дня, у немцев во время войны слухи и собирались, и каталогизировались по месту и времени появления.

Слухи в Ираке рассматриваются как способ определения среднестатистического иракского мнения [7]. К тому же, пока их не с чем сравнивать, нельзя понять, каковы тренды, поскольку раньше подобной работой не занимались.

Есть четкая фиксация начала настоящих пропагандистских войн в истории человечества. Этот момент процитировал из книги 1937 г. Р. Сторрса один из командиров австралийского подразделения по психологической войне во времена вьетнамской войны. Это мемуары сэра Рональда Сторрса, который в 1917 г., как он говорил, стал «первым военным губернатором Иерусалима после Понтия Пилата» (см. о нем [9]). В воспоминаниях написано следующее [10]: «Наука военной пропаганды начинается, как мне представляется, не ранее чем с 1914-го. У нас не было учебника, на котором мы могли основывать свои методы. Мы знали, что осторожная работа с общественным мнением была не сложнее, чем требуется среди людей другой расы, языка и религии. Статьи, графика и карикатуры, хорошие для Европы, часто производили негативный, иногда даже противоположный, результат на Востоке».

Этот пример говорит о том, что перемещение сообщения в иную среду является одновременно сменой разрешенности/неразрешенности. Возникает конфликт, который разрешается почти всегда в сторону того, что негатив – это правда.

Мы можем говорить, что и содержание также обладает этими характеристиками. Одной из косвенных причин Арабской весны в Тунисе можно считать вышедшие из Викиликс рассказы о роскошной жизни правителя Туниса [11–12]. То есть перед нами есть следующие типы сфер, переходы между которыми запрещены для содержания: официальная, публичная, приватная. Приватное содержание (а с Викиликс очень часто частные разговоры становились публичными) при переходе в публичную сферу создало прецедент жасминовой революции.

Активируется (искусственно или естественно) нарратив, в рамках которого верхи живут в роскоши, а низы – в бедности, что требует революции (Н. Купина для такой единицы употребляет термин *сверхтекст*, описывая официальный текст советского времени [13]). Но все же советским коммуникациям было легче, поскольку под них конструировали своего советского нового человека [14]. Для чужого человека там многое было бы непонятным.

А советский человек жил с ощущением, например, что у всех должны быть затянуты пояса. Поэтому контр-нарративом был рассказ об отнюдь не аскетической жизни верхушки. Когда просочилась информация о том, что при обыске на даче М. Георгадзе были найдены 20 килограммов ювелирных изделий и даже унитазы из золота наивысшей пробы, этого было достаточно для обвинения и суда [15]. Поэтому Георгадзе сам и застрелился. Контр-нарратив очень четко апеллирует к болевым точкам ключевого нарратива, на котором строится вся пропаганда.

По этой причине ведомство Андропова, расчищая ему путь к власти, распустило слухи о коррупции Гришина и Романова. Последнего обвинили в свадьбе дочери в Зимнем дворце и использовании при этом царского сервиза.

Сталин использовал этот же инструментарий в отношении Жукова, когда в результате негласного обыска в 1948 г. у него было найдено бесконечное количество драгоценностей и дорогих вещей [16]. Кстати, список этот начинался с 4000 м ткани.

О себе же слухов Андропов не любил, вероятно, понимая их опасный характер. А. Яковлев писал [16]: «Подобно Сталину, Андропов болезненно переносил разные анекдоты и слухи о себе. Ему приписывали убийства Кулакова и Машерова, само собой – смерть Цвигуна и Брежнева, покушение на папу римского, убийство болгарина Маркова, покушение на Рейгана и многое другое. Доказательств не было, но слухи прилипчивы».

При этом важны не только каналы для передачи сообщений, но и переходы между ними. К примеру, слух, став интернет-сообщением, становится доступным для СМИ, которые без боязни могут его перепечатывать.

Имеем такую цепочку:

Слуховой канал	Интернет-канал	СМИ

Есть интересный механизм удержания в информационном поле нужного источника, чтобы трансформировать в результате все поле. Назовем его «одинокий голос». Когда к этому одинокому голосу присоединяется мощная информационная поддержка, он теряет свой «одинокий» характер, становясь равновесным источником по формированию информационного пространства. Его пытаются удержать в неформальном публичном пространстве. Но на следующем этапе с ним начинают спорить в публичном пространстве, и он в результате даже в такой дискуссии приобретает характеристики настоящего игрока.

Эти этапы превращения «одинокого игрока» в полноправного участника мы можем представить в следующем виде:

Источник в неофициальном поле	Дискуссия в публичном пространстве	Источник смещен в публичное пространство

Подобная ситуация возникает, когда Запад начинает поддерживать умеренных исламистов, предоставляя им площадки для выступлений. Собственно говоря, советские люди тоже читали разнообразную «критику зарубежной философии», чтобы получить информацию не о критике, а о самой философии.

Перестройка также начиналась по этой же модели «одинокого игрока», но потом сразу перешла на следующую стадию, поскольку все имеющиеся СМИ, за редкими исключениями, были отданы в руки «архитекторов перестройки». И массовая пропаганда одного пути была заменена на совершенно противоположную, но такую же массовую.

Литература

1. *Davis P. K.* Effects-based operations. A grand challenge for the analytic community. – Santa Monica, 2001

2. *Lowe D. a. o.* Effects-based operations: language, meaning and the effects-based approach // www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ccrp/ebo_language.pdf

3. *Deptula D. A.* Effects-based operations. Change in the nature of warfare // www.ausairpower.net/PDF-A/AEF-AFA-Effect-Based-Operations-D. A.Deptula-2001.pdf

4. *Williams B. T.* Effects-based operations: theory, application and the role of airpower // www.iwar.org.uk/military/resources/airpower/Williams_B_T_02.pdf

5. Effects-based operations // en.wikipedia.org/wiki/Effects-based_operations

6. *Гусаров В.* ИПСО в Ираке: война пропаганд // navoine.info/ipso-v-irake.html

7. *Keller S. R.* Rumors in Iraq: a guide to winning hearts and minds. Thesis. – Monterrey, 2004 / Naval Postgraduate School

8. *Shanker T.* U. S. Team in Baghdad fights a persistent enemy: rumors // www.nytimes.com/2004/03/23/international/middleeast/23RUMO.html

9. Ronald_Storrs // en.wikipedia.org/wiki/Ronald_Storrs

10. *Cloughley B.* Washington's failures in psychological warfare // media.leeds.ac.uk/papers/vp01b86e.html

11. Ассандж считает, что революции в Тунисе и Египте – его личная заслуга // obozrevatel.com/abroad/assanzh-schitaet-revolyutsii-v-tunise-i-egipte-svoej-lichnoj-zaslugoj.htm

12. *Мотренко Е.* Революцию в Тунисе мог спровоцировать WikiLeaks // www.kp.ru/online/news/814085

13. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995

14. *Марченко Ю. Г.* Социокультурное конструирование «нового человека» в 1920-е гг. и его современный вариант // sun.tsu.ru/mminfo/000063105/ 317/image/317-077.pdf

15. Обсуждение: Георгадзе, Михаил Порфирьевич // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5:%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%B5,_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%B8%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

16. Докладная записка В. С. Абакумова И. В. Сталину от 10.01.1948 // ru.wikisource.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4 % D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0 % BA%D0%B0_%D0%92._%D0%A1._%D0%90%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%98._%D0%92._%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%83_%D0%BE%D1%82_10.01.1948

17. *Яковлев А.* Диктатура двоевластия // 2003.novayagazeta.ru/nomer/2003/60n/n60n-s22.shtml

4.2. Новые методы пропагандистского воздействия: будущее уже рядом

Развитие пропагандистского воздействия не имеет пределов, поскольку возможности воздействия растут, а человек по своим нейробиологическим параметрам остается прежним. Новым становится переход ко все более мягким методам воздействия, поскольку социальные системы все дальше отходят от авторитарности. Новые методы воздействия, хотя все это было предложено еще отцом-основателем пиара Э. Бернейсом, строятся на том, чтобы создать иллюзию у объекта воздействия, что это он сам принимает решение. Кстати, именно так выстроили свою «архитектуру выбора» Р. Талер и К. Санстейн, создавая такой контекст выбора, который приведет человека к нужному решению.

Но это не единственная новизна, присущая современным направлениям воздействия. Можно выделить следующие виды новых подходов, которые отличаются принципиальной новизной:

– новые объекты воздействия: например, гражданское население других государств, где работает публичная дипломатия, стратегические коммуникации;

– новый инструментарий воздействия: нейронаука дает более четкие рекомендации относительно эффективности;

– новые цели воздействия: например, Британия в отличие от США видит цели информационных операций в смене поведения, в то время как США – в смене отношения;

– новые методы управления информационным пространством;

– новые методы управления виртуальным пространством;

– новые методы дезориентации (шок, хаос и др.) с целью введения новых правил;

– новые методы индивидуализации воздействия, рассчитываемые на одного индивида;

– новые методы работы с мирским и сакральным;

– интенсификация атак и нападений в новых пространствах (социальные медиа, киберпространство).

Первыми в пропагандистских целях воспользовались прорывами в новых науках военные. Они выделили грант на то, чтобы объективно попытаться увидеть, почему один нарратив срабатывает лучше другого. Исходная проблема заключалась в том, что нарратив «Аль-Каиды» пользовался у мусульманского населения большим доверием, чем нарратив американский.

Над этой проблемой среди многих других структур работал и Институт креативных технологий Университета Южной Калифорнии. Этот институт изначально был создан для того, чтобы попытаться применить для нужд военных технологии Голливуда. И в случае исследования нарратива они также создали свою исследовательскую группу [1].

Другим интересным участником этих исследований стал профессор Поль Зак (см. о нем [2], его сайт – www.pauljzak.com). Он занят химией мозга, теми веществами, которые мозг выделет при чтении нарративов [3]. К примеру, он обнаружил, что некоторые сюжеты ведут к выделению вещества, сходного по действию с малой дозой кокаина.

П. Зак приходит к следующим выводам [4]: «После нескольких лет экспериментов я теперь рассматриваю окситоцин как неврологический вариант золотого правила: если ты относишься ко мне хорошо, в большинстве случаев мой мозг будет синтезировать окситоцин, чтобы мотивировать меня относиться хорошо к тебе в ответ. Таким образом такие социальные создания, как люди, удерживают себя как часть социальной группы: они ведут себя положительно большую часть времени» (см. также его работу по поводу коллективных действий [5], хотя есть и не столь однозначные трактовки роли окситоцина [6–7]).

В отношении нарратива Зак отмечает, что, делая анализ крови до и после нарратива, удалось установить, что рассказы, базирующиеся на действиях героев, существенно увеличи-

вают производство окситоцина [8]. Количество окситоцина помогает определить, насколько люди готовы помогать другим, к примеру, давать деньги на благотворительность, тематически связанную с данным нарративом.

Нейронаука дает ответы и на другие вопросы. Сегодня, например, проведены исследования, объясняющие феномен вирусного распространения информации [9—11]. Первый фактор – чем сильнее хочется распространить, тем большим будет успех. Второй фактор – чем четче человек понимает, как другие отнесутся к этому содержанию, тем сильнее будет распространение (см. некоторые другие гуманитарные подходы в области военного дела [12]).

Пропаганда, как, кстати, и военное дело, будут находиться в поле благоприятствования, поскольку в них заинтересовано государство, а оно всегда имеет доступ к большим финансовым потокам. А это, в свою очередь, будет стимулировать и науку, и практику. Именно здесь начинают проявлять себя в полную силу прорывные технологии, поскольку их стимулирует набор вышеотмеченных факторов.

Еще одной сферой, к которой прикоснулось государство, стали избирательные технологии на уровне президентских выборов. С. Иссенберг описал применение микротаргетинга как политтехнологического инструментария, что дважды принесло победу Б. Обаме [13–14]. Кстати, его избирательная кампания показала, что волонтеры, которых мы также можем рассматривать как технологию, оказались успешнее, чем колл-центры, поскольку убеждают людей более искренне, тем самым эффективнее работают. Такую же проблему сегодня обнаружили и в соцсетях: автоматически комменты теряют искренность и эффективность.

Американская армия также четко поняла роль коммуникации в своих действиях. Исследование эффективности воздействия констатирует, что проблемы национальной безопасности требуют коммуникации и влияния во взаимоотношениях с иностранными аудиториями [15–16]. Делается даже вариант оценки атмосферы в этой среде, для чего используются такие параметры:

– как население реагирует на проезжающие по деревне патруальные машины (кидание камнями или приветствия);

– степень взаимодействия населения с дружескими силами (контакт глазами, обмен информацией, приглашение в дом);

– количество людей, торгующих на базаре, или движение на дороге к базару;

– количество разведывательных подсказок, выдаваемых населением;

– субъективная оценка атмосферы от достоверных местных источников.

При этом справедливо отмечается, что число таких индикаторов общей атмосферы может быть бесконечным. Но интересной является вообще попытка задать какие-то измеримые характеристики пространству, которое с трудом поддается измерениям. Кстати, отдельно рассматриваются проблемы измерения долговременных результатов и тех, которые с трудом поддаются измерениям.

Два принципиальных вывода, среди прочих, привлекли наше особое внимание:

– хорошая информация не является синонимом квантитативной информации, поскольку качественная информация также может быть достоверной и необходимой;

– единицей измерений должна быть способность узнавания сообщения, принятия его содержания, а не просто того, видела ли его аудитория.

Кстати, и Фейсбук изменил алгоритм наполнения новостной ленты [17]. В отборе видео теперь играет роль включение звука, переход на большой экран, включение лучшего разрешения, а не просто наличие лайка. Все эти действия с видео демонстрируют проявленный к нему интерес.

Интернет и SMS-сообщения в процессе передачи могут быть существенно трансформированными незаметным для потребителя способом [18] – это замечание Дж. Потилла, специалиста в сфере медиаантропологии. Еще одно наблюдение встретилось нам в его исследовании

переноса часов и календаря как западного изобретения в иные культуры [19]. Он подчеркивает, что когда люди говорят о своих любимых программах, они одновременно рассказывают, как они структурируют свои социальные время и место. Радио структурирует день, телевидение – вечер. Как видим, сегодняшние медиа реально структурируют жизнь человека на четкие временные отрезки.

Есть также множество других косвенных параметров, которые может рекомендовать нейропсихология, но пропаганда пока не подумала о них (см., например, [20–22]). То есть потенциал пропаганды пока использован не до конца.

Благодаря Сноудену были обнародованы новые инструменты спецслужб, в данном случае британских, по работе в Интернете (см., например, [23–25]). Работа задается в таких плоскостях:

– введение всех видов фальшивой информации в Интернет для разрушения репутации целей;

– использование социальных наук и других техник для манипуляции онлайновым дискурсом и активностью, чтобы достичь желаемых результатов.

В качестве тактики такой дискредитации используются: размещение фотографий в социальных сетях, написание блогов от имени жертв, отправка информации коллегам, соседям, друзьям.

Совершенно неудивительно, что эти разработки выросли в рамках Британии. Она все время берет на вооружение в систему государственного управления новые открытия из области социальных наук. Общим определением данного подхода со стороны спецслужб становится «использование онлайновых техник для того, чтобы нечто имело место в реальном или киберпространстве».

Понятным становится внимание к соцсетям, если посмотреть на данные Центра Пью [26]. Это данные января 2014 г., по которым 74 % взрослых, использующих Интернет, пользуются соцсетями, что открывает новые возможности как для отслеживания, так и для проведения соответствующих пропагандистских операций. На сентябрь 2014 г.: 71 % онлайновых взрослых использовали Фейсбук, 23 % – Твиттер, 26 % – Инстаграм, 28 % – Пинтерест, 28 % – Линкедин. Соответственно, возникают и научные анализы эффективности «Аль-Каиды» в онлайне [27].

Но соцсети порождают тактический информационный продукт, хотя он и может направляться требованиями стратегического контента. Более интересен стратегический информационный продукт, который плавно перетекает в продукт виртуальный. Это мифы, поскольку именно они «правят миром», задавая его картинку.

Венеция может рассматриваться как один из первых сознательно сконструированных мифов [28–31]. Видимо, не зря ученики Гутенберга были перекуплены в свое время Венецией. Венецию задавали и как страну свободы, и как страну развлечений. Отсюда каждый мог взять себе то, что ближе.

Советский Союз как более близкий нам пример также был полностью сконструированной в виртуальном мире страной. Причем для его жителя виртуальная правда всегда была более правильной, чем реальность, поскольку реальность вокруг тебя лично трактовалась как исключение из правил. Виртуальность навсегда и бесповоротно побеждала реальность. Однако это не могло длиться вечно. Если бы перестройка не произошла тогда, когда это случилось, она бы неизбежно появилась с изобретением Интернета. Советская пропаганда была мощной, но ее существенным компонентом была цензура. А без цензуры она теряла всю свою эффективность.

Сильные игроки массированно укрепляют именно свой стратегический контент, понимая, что, сберегая его, они создают структуру, которая может не бояться чужого мнения, поскольку именно оно, скорее всего, будет восприниматься как неправда.

При этом многие сегодняшние проблемы пропаганды, вероятно, были заданы наличием разных концепций в предвоенное время после успешной роли пропаганды в Первую мировую

войну. Ведь и Липпман, и Бернейс работали в известном комитете Криля по одной из версий, хотя реально Липпман работал в аналогичной военной структуре.

Различие их подходов является весьма существенным (см. сопоставление их концепций [27, 32–35]. Липпман критически относится к манипуляциям общественным мнением в военное время и к переносу этих методов в мирные времена. Бернейс, наоборот, видел в этом позитивные возможности. Бернейс видел плюсы и в стереотипах как помощнике в работе в сфере паблик рилейшнз, которые даже могут сами создавать новые стереотипы в интересах клиента.

Липпман видел структурные «дыры» в новостных системах, что для Бернейса, наоборот, было возможностью по созданию событий и псевдособытий для последующего освещения. Бернейс даже позаимствовал у Липпмана термины «создание согласия» и «невидимое правительство», но при этом превратил их из негативных в позитивные.

И это разделение можно легко понять, глядя из сегодняшнего дня. Если Липпман выступал в роли политолога, в том числе критикующего сложившийся порядок вещей, то Бернейс, являющийся представителем прикладной коммуникативной сферы, обслуживающей бизнес, которую он назвал паблик рилейшнз, естественно видит в том, что критикует Липпман, возможности для своего функционирования.

Правда, оба они отталкивались от одной системы, выстроенной во время войны Дж. Крилем (см. о нем [35]). В его книге «Как мы рекламировали Америку» [36] есть не только раздел на тему войны фильмов, но и раздел на тему войны заборов, где рассказывается об использовании плакатов. Работа Комитета публичной информации, возглавлявшегося Крилем, считается первым системным опытом пропаганды на уровне государства. Хотя нам встретился анализ и не менее существенного опыта Британии в 1854–1902 гг. [37]. Здесь работа в период Крымской войны рассматривается как прародительница современной пропаганды. А отдельная глава этой работы вообще посвящена бурской войне, которая давно причислена к типу современной пропаганды. В ней автор выделяет два типа кампаний: оправдание и поношение. Их направленность вполне понятна по этим названиям.

Но у Криля системный подход был явно сильнее. Современный анализ видит в его «домашней пропаганде» следующие элементы [38]:

– эмоционализация: немецкий дипломат писал, что американцы более сентиментальны, что не учитывается немецкими пропагандистами;

– демонизация врага;

– война, которая закончит все войны: два первых простых приема не годились для интеллектуалов и пацифистов, поэтому пришлось запустить данную, более сложную форму воздействия;

– нечестность, которая всегда присутствует в пропаганде во время войны.

Сегодня новая пропаганда грядет не только через литературу, но и через телесериалы, которые более любимы всеми, поскольку число зрителей растет, а читателей – падает и из-за не только образования, но и из-за видеоигр, которые получают все большее распространение. Самым важным в таких новых направлениях остается то, что никто и никогда не подумает, что перед ним пропаганда.

Литература

1. Project: neurobiology of narrative framing // narrative.ict.usc.edu/neurobiology-of-narrative-framing.html

2. *Paul J.* Zak // en.wikipedia.org/wiki/Paul_J._Zak

3. Future of StoryTelling: Paul Zak // www.youtube.com/watch?v= DHeqQAKHh3Mchanging behaviour by changing brain chemistry

4. *Zak P. J.* Why inspiring stories make us react: the neuroscience of narrative // www.pauljzak.com/images/documents/Why_Inspiring_Stories_Make_Us_React.pdf

5. *Zak P. a. o.* Neurobiology of collective action // journal.frontiersin.org/article/10.3389/fnins.2013.00211/full

6. *Radke S. a. o.* The other side of the coin: oxytocin decreases the adherence to fairness norms // Towards a neuroscience of social interaction. Ed. by Ulrich Pfeiffer

7. Oxytocin does not make a shy person less fearful of angry faces // www.socialsciences.leiden.edu/psychology/news/oxytocin-does-not-make-a-shy-person-less-fearful-of-angry-faces.html

8. *Zak P. J.* Why your brain loves good storytelling // hbr.org/2014/10/why-your-brain-loves-good-storytelling

9. *Falk E. B. a. o.* Creating buzz – the neural correlates of effective message propagation // cn.isr.umich.edu/Papers/Falk_et_al_buzz_PsychSci.pdf

10. *Falk E. B. a. o.* The neural bases of atitudes, evaluation and behaviour change // cn.isr.umich.edu/Papers/Chapter4_Falk_Lieberman_Neural_bases_of_attitudes.pdf

11. *Pillay S.* Which messages go viral and which ones don't // hbr.org/2014/04/which-messages-go-viral-and-which-ones-dont&cm_sp=Article-_-Links-_-Top%20of%20Page%20Recirculation

12. *Почепцов Г.* Военные исследования проблем коммуникации и мышления // psyfactor.org/psyops/pocheptsov3.htm

13. *Isenberg S.* Dept. of experiment // www.politico.com/magazine/story/2014/02/campaign-science-dept-of-experiments-103671.html#.VUb9EWSqqkr

14. *Issenberg S.* The victory lab. The secret science of winning campaigns. – New York, 2012

15. *Paul C. a. o.* Assessing and evaluating Department of Defense efforts to inform, influence and persuade. Desk reference. – Santa Monica, 2015

16. *Paul C. a. o.* Assessing and evaluating Department of Defense efforts to inform, influence and persuade. Handbook for practitioners. – Santa Monica, 2015

17. *Thadani T.* Facebook changes News Feed algorithm for videos // www.usatoday.com/story/tech/2015/06/30/facebook-newsfeed/29517799

18. *Postill J.* What is the point of media archeology? // www.academia.edu/4149841/What_is_the_point_of_media_anthropology

19. *Postill J.* Clock and calendar time: a missing anthropological problem // www.philbu.net/media-anthropology/Postill_ClockCalendar.pdf

20. *Hardesty L.* Explaining the origins of word order using information theory // newsoffice.mit.edu/2012/applying-information-theory-to-linguistics-1010

21. Edward Gibson // bcs.mit.edu/people/gibson.html

22. *Trafton A.* How attention helps you remember // newsoffice.mit.edu/ 2012/neuroscientists-shed-light-on-plasticity-0927

23. Human Science Operation Cell // en.wikipedia.org/wiki/Human_Science_Operations_Cell

24. *Greenwald G.* How covert agents infiltrate the Internet to manipulate, deceive and destroy reputations // firstlook.org/theintercept/2014/02/24/jtrig-manipulation

25. The art of deception: training for a new generation of online covert operations // firstlook.org/theintercept/document/2014/02/24/art-deception-training-new-generation-online-covert-operations

26. Social networking fact sheet // www.pewinternet.org/fact-sheets/social-networking-fact-sheet

27. *Lyons D. K.* Analyzing the effectiveness of Al Qaeda's online influence operations by means of propaganda theory // academics.utep.edu/Portals/ 1892/Theses/Analyzing%20the%20Effectiveness%20of%20Al%20Qaeda's%20Online%20Influence%20Operations%20(Lyons). pdf

28. *Rosand D*. Myths of Venice. The figuration of a state. – Chapel Hill, 2001

29. *Steven S. N*. Venice as no-place: liminality and the modernist interpretation of the myth of Venice // shareok.org/bitstream/handle/11244/9535/Stevens_okstate_0664M_10780.pdf?sequence=1

30. *Packwood D*. Notes on the "Venetian Renaissance propaganda machine" http://artintheblood.typepad.com/art_history_today/2014/04/notes-on-the-venetian-renaissance-propaganda-machine.html

31. *McPherson D. C.* Venetia, Venetia: the myth of Venice // ransdell.faculty.arizona.edu/sites/ransdell.faculty.arizona.edu/files/mcpherson_venice_myth.pdf

32. *Mars E.* Four perspectives of propaganda and their Implication in a modern society // www.york.cuny.edu/academics/honors/theses/2010/mars_thesis

33. *Jansen S. C*. Semantic tyranny: how Edward L. Bernays stole Walter Lippmann's mojo and got away with it and why it still matters // ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1955/907

34. *Greene F*. Working in the field of propaganda: early trailers & modern discourses of social control // framescinemajournal.com/article/working-in-the-world-of-propaganda-early-trailers-modern-discourses-of-social-control

35. George Creel // en.wikipedia.org/wiki/George_Creel

36. *Creel G*. How we advertised America. – San Francisco, 2007

37. *Meller P*. The development of modern propaganda in Britain, 1854–1902 // etheses.dur.ac.uk/246/1/The_Development_of_Modern_Propaganda_in_Britain,_1854-1902_-_FINAL_CORRECTED_THESIS.pdf?DDD17+

38. *Delwiche A*. Of fraud and force fast woven: domestic propaganda during the First World War // www.firstworldwar.com/features/propaganda.htm

4.3. Аудитория как товар: из истории канадской коммуникативной теории

В свое время нам всем объяснили переход от понятия СМИ к СМК, которое, кстати, так и не прижилось: мол, СМИ – это односторонняя передача, и это плохо, а СМК – двусторонняя, и это хорошо и прогрессивно. Однако средства массовой коммуникации никогда и не осуществляли двустороннюю передачу, поскольку источник и получатель здесь всегда будут несопоставимыми по своей мощности. Это в принципе асимметричные информационные процессы, где один имеет хорошие возможности только для «говорения», а другой – только для «слушания». И они технологически никогда не смогут сравняться по своей мощности, поскольку выполняют разные функции.

В. Моско как автор исследования «Политическая экономия коммуникации», где политическую экономию он задает как «изучение контроля и выживания в социальной жизни» ([1], его сайт – www.vincentmosco.com), а он, в свою очередь, взял это понимание от Д. Смита [2], увидел другую разницу между коммуникацией и передачей информации. Информацию он видит как часть процесса технологического, а коммуникацию – как процесса социального.

Моско рассказывает в своем интервью [3]: «Считаю важным социальный подход к коммуникации, поскольку существует определенное напряжение между актом коммуникации и передачей информации. Коммуникацию следует рассматривать как социальный процесс, который отражает степень или характеристику социальных отношений. Другими словами, это продукт индивидуального и коллективного воображения. То есть с самого начала для меня было важным смотреть на коммуникацию как на обмен, базовый для конструирования сообществ, а не просто как на передачу информации».

А в теории Смита есть два базовых концепта – невидимый треугольник (телепроизводители, рекламщики и аудитория) и понятие аудитории как товара. Последнее понятие, которое стало полузабытым сегодня, всплывает в трудах как американских, так и российских исследователей (к последним относится Е. Островский, например).

Мнение Смита таково [4]: «Медиа реально не продает рекламное время рекламодателям. Оно продает людей, которые смотрят на экран в это рекламное время». Он также говорит о том, что время отдыха становится временем работы аудитории. И это рабочее время – время отдыха – продается.

Будучи марксистом, Смит приходит к своей идее, отталкиваясь от того, что такие буржуазные концепты, как он их называет, как «месседж», «информация», «имиджи», «манипуляции», «развлечение», «образование» и подобные, являются субъективными и чисто ментальными, то есть оторванными от процессов реальной жизни [5]. Большая часть из них вообще не имеют отношения к содержанию массовой коммуникации, отражающему цели процесса. Материальной же основой он считает только работу аудитории, которой она «оплачивает» рекламодателя.

Смит считает, что марксизм в лице Маркса и Ленина пропустил этот вариант материального аспекта коммуникации, потому что пресса на тот момент получала деньги не от рекламы, а от политических партий. С точки зрения того периода, пресса производила и продавала газеты и журналы, поскольку не было организованного рынка продажи аудитории.

Правда, чтобы сохранить марксистскую трактовку, ему приходится вводить вышеприведенное понимание того, что аудитория продает работу в свое свободное время. Причем она даже не получает за эту «работу» денег.

Кстати, У. Шрамм, всем известный гуру американской теории коммуникации, работал, закладывая теоретические основы пропаганды в период холодной войны, причем некоторые его тексты не рассекречены ЦРУ по сегодняшний день [6]. Д. Смит, наоборот, еще в дово-

енное время был противником Франко, избежал ударов маккартизма, уехав из Вашингтона в Иллинойс, но жаловался, что на него доносит информатор ФБР… У. Шрамм ([7], см. также [8–9]). Они пересеклись в Иллинойском университете, где Шрамм основал первую в Америке программу по коммуникации.

Кстати, Шрамм был одним из трех авторов известной на Западе книги «Четыре теории прессы», где была и «нехорошая» советская. С этой книгой Запад прошел всю холодную войну. В то же время теория Смита не предполагала идеологических акцентов, она по сути вообще не касалась содержания коммуникации.

Моско в своей политэкономии коммуникации, как и Смит, говорит о превращении в товар не только содержания, но и аудитории [1]. Общей идеей также становится децентрализация медиа, которая нужна, чтобы перевести их в статус интегрированных в экономические, социальные, политические, культурные процессы общества.

Моско вновь повторяет в книге «Политическая экономия коммуникации» свой подход к коммуникации, которую он задает как социальный процесс обмена, продукт которого отражает социальные отношения. Коммуникация и общество оказываются взаимозависимыми. Кстати, и намека на это нет в рассмотрении коммуникации с точки зрения чисто информационной модели Шеннона. Коммуникативные практики, по его мнению, конструируют социальный и культурный мир, включающий символы и мифы. По этой причине Интернет формируется не только большими компаниями, но и людьми, создающими мифы, отталкиваясь от технологий.

Моско говорит о трех понятиях, которые ему потребовались для описания политэкономии коммуникации [10]. Это *коммодификация* как превращение в товар информационных продуктов, это *«пространстворизация»*, занимающаяся преодолением пространственных ограничений информацией и коммуникацией, а также *структуризация,* создающая действиями и структурой социальные отношения.

Он рассказывает о своем базовом термине коммодификации: «Коммодификация является моим исходным пунктом для понимания коммуникации, мне представляется, что сегодня она стала более важной для понимания масс-медиа, новых медиа и информационных технологий, чем когда-либо раньше. […] Новые медиа, которые появились сегодня, сделали гораздо более легким процесс превращения рассказов, новостей и других форм информации и развлечений в товары, а также облегчили процессы их распространения. У нас появляется все больше и больше транснационального бизнеса, который использует новые технологии для производства коммерческого продукта. Коммодификация в основе своей центральна, поскольку становится все более и более явным факт, что масс-медиа – это коммерческие продукты». Смита и Моско объединяют под одной «шапкой» как канадских политэкономистов коммуникации ([11], см. также [12]).

Причем Моско активно выступает и на современные темы, анализируя Интернет и киберпространство. К примеру, он четко указывает на то, что коммодификация сегодня коснулась и личной информации. Он пишет [13]: «Угроза приватности внутренне присуща процессу коммодификации. […] Все это отражает фундаментальное противоречие, угрожающее медиабизнесу: конфликт между необходимостью выстраивать доверие потребителей, нужное для того, чтобы превратить Интернет в универсальное рыночное средство, и необходимостью превращения в товар с помощью глубокого отслеживания всего, что происходит в Интернете, включая личные данные».

Это логическое завершение «товаризации» любой информационно-коммуникативной цепочки: если в ней есть нечто, что может быть продано, оно будет продано. Более того, его сознательно «упакуют», чтобы придать привлекательный для продажи вид.

Политэкономия коммуникаций является в наши дни распространенным направлением. Ф. Грехем выводит его из понятия монополистов знаний Г. Инниса [14]. Как известно, именно этими словами Г. Иннис, к примеру, характеризовал монастыри в средние века, которые сами

решали, что было достойно перевода в более долговечную форму – пергамент, а что – нет. Тем самым были уничтожены тысячи текстов, которые с точки зрения христианства были языческими. Разные слои общества имеют разный доступ к знаниям. Затем в качестве «корней» направления он перечисляет таких фигуры, как Лассвелл или Бернейс.

Кстати, Смит, Моско, как и Иннис были экономистами, которые потом применили имеющийся у них несомненно более объективный аппарат к анализу коммуникаций, перенеся его на новую почву. Иннис вообще перешел от исследования производства бумаги к исследованию газетных потоков, то есть вновь прошел путь отслеживания исключительно материальной составляющей.

Развитие политэкономии сегодня, как считает Моско, идет по следующим пяти направлениям [15]: глобализация сферы, продолжение акцента на исторических исследованиях, рост исследований с альтернативных позиций, например, феминистической и трудовой, смена акцентов со старых на новые медиа, рост активизма, связанного со старой политэкономической традицией. В последнем случае это реформы медиа и борьба за нейтральность сети (см. также обобщающий сборник статей по этому направлению [16]).

Кстати, Моско видит в будущем уничтожение политики киберпространством за счет появления электронной демократии [17]. С другой стороны, Моско видит, что многие сегодняшние прогнозы о последствиях, связанных с введением Интернета, являются скорее мифами, а не реальностью [18].

В своем интервью Моско говорит о сложностях, в которые попала политэкономия коммуникации из-за того, что политическая наука занята только властью в системе государства, а экономика не занимается властью вообще. Он же пытался преодолеть это разделение, сведя их вместе. Он также называет небольшой набор отдельных фигур, которые занимались политэкономией коммуникации [19]. Это Д. Смит, это Г. Шиллер и это Т. Губак. Г. Шиллер – достаточно известный ученый, заслуживший даже отдельную посвященную ему книгу [20–21]. О Т. Губаке сохранилось много личностных воспоминаний ([22], см. также его имя в списке американских русинов [23]). В архиве Дж. Гербнера есть два письма Т. Губака, к которым прилагается два его выступления по поводу Смита [24–25]. Здесь он приводит множество биографических и чисто человеческих фактов о Смите.

Л. Артц пишет, что Смит первым попытался опровергнуть романтизм американской теории массовой коммуникации [26]. Он сделал это своей теорией, обозначив, что аудитории тоже являются продуктами, которые продают корпоративным рекламодателям. Рекламодатели не интересуются содержанием программ, их интерес лежит только в том, будет ли присутствовать в это время их аудитория. Она также подчеркивает, что, несмотря на его роль, Смит отсутствует в большинстве историй коммуникативных исследований.

В своей книге 2015 г. Л. Артц говорит, что уже нет «своих» медиа в двадцать первом веке [27]. Они все рассчитаны на среднего жителя любой страны. И это, кстати, очень хорошо понятно именно с точки зрения экономики. Глобальная экономика потребовала такой же глобальности и от телевидения.

Ж. Васко, которая является сегодняшним продолжателем этого направления, рассказывает [28]: «Думаю, в этом направлении появилось много людей. Это не то, что было раньше, когда все они были изолированными: Даллас Смит – здесь, Герб Шиллер – там. Много людей работают в критическом направлении, но, несмотря ни на что, возникает немало интересного. Это все равно еще не принято полностью, и точно не находится в мейнстриме» (см. также подключение более широкого круга предшественников к политэкономии коммуникации [29]).

Однако так происходит всегда с любым новым направлением, потому в этом нет ничего особо плохого. Оно заняло свое место и задало свои интересы. Так что дело теперь за будущим.

Свою статью о будущем журналистики В. Моско начинает с констатации того, что у журналистики нет будущего, если не будет журналистов [30]. Однако все тренды демонстрируют

сокращение численности журналистов. Ученые смотрят в будущее журналистики с позиций академических, Моско призывает журналистов объединиться на международном и локальном уровнях, чтобы защитить свои права.

В предисловии к сборнику статей «Политическая экономия информации», где он и Ж. Васко выступили соредакторами, Моско прямо пишет, что власть и товар связаны [31]. Другими словами, это звучит как связка бизнеса и власти. И это соответствует выводам нашумевшей статьи двух американских профессоров осенью 2014 г., авторы которой утверждают, что граждане не имеют никакого реального воздействия на американское правительство ([32], см. также [33–36]), на него влияют только экономические элиты и группы интересов, связанные с бизнесом. Это делает из Америки олигархию, а не демократию. Один из авторов объясняет эту ситуацию двумя факторами. С одной стороны, богатые граждане могут финансировать избирательные кампании и оплачивать лоббирование своих интересов. С другой – нет массовых организаций, выстроенных под интересы среднего гражданина, профсоюзы же растеряли все за последние тридцать-сорок лет. Также отсутствует социалистическая или рабочая партия. В результате постсоветское олигархическое пространство уже не выглядит таким исключением.

Политическая экономия коммуникации открыла среди своих объектов и феномен превращения зрителей в товар. Такова культурная практика, привнесенная бизнесом, которая и создала этот новый феномен. И на него не следует закрывать глаза, тем более что бизнес не воспротивился такому рассмотрению, предложенному Д. Смитом. И как ни парадоксально звучит, многие исследователи писали, что телевидение продает рекламодателям своих зрителей.

Литература

1. *Mosco V.* The political economy of communication. – Thousand Oaks, 2009

2. Dallas Walker Smythe // en.wikipedia.org/wiki/Dallas_Walker_Smythe

3. Interview with Vincent Mosco // figureground.org/interview-with-vincent-mosco

4. *Flores G.* Learning object: Dallas W. Smythe's "On the audience commodity and its work" // prezi.com/njkukd5ousc2/learning-object-dallas-w-smythes-on-the-audience-commodity-and-its-work

5. *Smythe D. W.* On the audience commodity and its work // www.surfacenoise.info/neu/1220a/readings/SmytheAudienceCommodity.pdf

6. *Simpson C.* Science of Coercion. Communication research & psychological warfare, 1945–1960. – Oxford, 1996

7. Wilbur Schramm, the FBI and CIA // dijoh2o.wordpress.com/2012/01/05/wilbur-schramm-the-fbi-and-cia

8. *Singhal A.* Wilbur Schramm: portrait of a development communication pioneer // utminers.utep.edu/asinghal/Articles%20and%2 °Chapters/singhal-Wilbur%20Schramm-communicator.pdf

9. Wilbur Schramm // en.wikipedia.org/wiki/Wilbur_Schramm

10. The political economy of communication: power and resistance, an interview with Vincent Mosco // globalmediajournal.com/open-access/the-political-economy-of-communication-power-and-resistance-an-interview-with-vincent-mosco.pdf?aid=35297

11. *Shade L. R.* Political economy of communication: Canadian theorists // www.infoamerica.org/documentos_pdf/smythe01.pdf

12. *Fuchs C.* Dallas Smythe reloaded: critical media and communication studies today // fuchs.uti.at/wp-content/dsmythe.pdf

13. *Mosco V.* Bridging the gap: processees of communication and institutions of political economy // lirne.net/resources/netknowledge/mosco.pdf

14. *Graham P.* Political economy of communication: a critique // www.philgraham.net/MME %2 °Chapter_Final.pdf

15. *Mosco V.* Current trends in the political economy of communications // www.gmj.uottawa.ca/0801/inaugural_mosco.pdf

16. The political economies of media. Ed. by D. Winseck a. o. – London – New York, 2011

17. *Mosco V.* Brand new world? // www.er.uqam.ca/nobel/gricis/actes/bogues/Mosco.pdf

18. *Mosco V.* Myth-ing links: power and community on the information highway // www.moyak.com/papers/vincent-mosco.pdf

19. On Mosco street: an interview with Vincent Mosco // journals.fcla.edu/demcom/article/download/76485/74114

20. Herbert Schiller // en.wikipedia.org/wiki/Herbert_Schiller

21. *Maxwell R.* Herbert Schiller. – Oxford, 2003

22. Thinking with James Carey. Essays in communications, transportation, history. Ed. by J. Parker a. o. – New York, 2006

23. List of American rusyns // en.wikipedia.org/wiki/List_of_Rusyn_Americans

24. *Guback T.* Counterclockwise: Dallas Smythe's contribution to communication policy and research // web.asc.upenn.edu/Gerbner/Archive.aspx?sectionID=95&packageID=711

25. *Guback T.* A tribute to Dallas Smythe: confronting communication under capitalism // web.asc.upenn.edu/Gerbner/Archive.aspx?sectionID=95&packageID=711

26. *Artz L.* Media relations and media product: audience commodity // journals.fcla.edu/demcom/article/download/76591/74207

27. *Artz L.* Global entertainment media. A critical introduction. – Chichester, 2015

28. *Prodnik J. A.* An interview with Janet Wasko // www.triple-c.at/index.php/tripleC/article/view/543/640

29. *Young J. R.* An investigation of commodity theory and its application to critical media studies // www.bookpump.com/dps/pdf-b/5856402b.pdf

30. *Mosco V.* Th future of journalism // jclass.umd.edu/classes/jour698m/mosco.pdf

31. *Mosco V.* Introduction. Information in the pay-per society // Political economy of information. Ed. by V. Mosco, J. Wasko. – Madison etc., 1988

32. *Gilens M., Page B. I.* Testing theories of American politics: elites, interest groups, and average citizens // scholar.princeton.edu/sites/default/files/mgilens/files/gilens_and_page_2014_-testing_theories_of_american_politics.doc.pdf

33. *Bartels L.* Rich people rule! // www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/04/08/rich-people-rule

34. *Cassidy J.* Is America an oligarchy? // www.newyorker.com/news/john-cassidy/is-america-an-oligarchy

35. *Kapur S.* Scholar behind viral 'oligarchy' study tells you waht it mean // talkingpointsmemo.com/dc/princeton-scholar-demise-of-democracy-america-tpm-interview

36. Study: US is an oligarchy, not democracy // www.bbc.com/news/blogs-echochambers-27074746

4.4. Анекдоты и слухи при переходе от книжного мира в мир Интернета

Сегодня человечество делает переход от информационного общества к обществу знаний. Точно так, как до этого был сделан переход передовых стран от индустриального общества к информационному. Постсоветское пространство пока не сделало этого последнего перехода, «застряв» на индустриальной стадии, что выражается в том, что ВВП здесь вырабатывается индустриальными механизмами. Другой статус знания в этом новом обществе заставляет нас пристальнее взглянуть на более традиционные способы хранения и передачи знаний, которые также сохранились в этом новом обществе Интернета.

В отсутствие СМИ слухи функционировали в роли основного информационного потока. Есть фиксированный здравый смысл, который записан в голове каждого. И есть здравый смысл, который передается путем народной молвы. В этом случае достоверность обеспечивается тем, что это все говорят. То есть выделяются два типа социально значимых информационных объектов, получающих обоснование из социального функционирования. Это знания и коммуникация:

– здравый смысл: все знают;

– слухи: все говорят.

Элементом, стоящим между ними, являются анекдоты, фиксирующие такой аспект знания, формулировка которого из-за его юмористического акцента способна передаваться в устных сетях.

Анекдоты создают неофициальную историю только своей страны, именно акцент на своем и на неофициальном создает в них «энергетику», необходимую для осуществления устной циркуляции. Тем более что «антисоветский» анекдот в советское время мог распространяться исключительно по социальной сети с высоким уровнем доверия к тому, кому он пересказывается, поскольку за рассказывание таких анекдотов полагалось уголовное наказание.

Политические анекдоты всегда являются контркультурой, они невозможны в официальных контекстах, поскольку противоречат тому, что тиражирует власть. Удивительно, что эта устная культура сохраняется во времени и пространстве (см. современные исследования политического анекдота [1—10]).

Знания, кроме тайной формы, например оккультной, все же стремятся к открытости. Сегодня даже крупные университеты выставляют в сети циклы своих лекций.

Знания тоталитарных государств строились на очень четкой своей собственной идеологической матрице. И только такие знания признавались единственно истинными. Например, «кванты» знаний, которые им противоречили, могли в советское время существовать только в виде анекдотов. Брежнев, читающий по бумажке, становится героем анекдотов, в то время как Брежнев-оратор был героем советских СМИ. Сводки НКВД фиксируют анекдоты о Сталине уже с 1925 г. И это понятно, в 1924 году умирает Ленин, и начинается новая эпоха, в которой появились новые точки активности, как позитивной, так и негативной.

Перетекание из сферы контркоммуникации в сферу официальной коммуникации очень осложнено, если невозможно, особенно в условиях тоталитарного государства, которое как раз призвано удерживать одну точку зрения. СССР в этом плане как раз было коммуникативным государством, где значительная часть усилий была направлена на удержание единой точки зрения на все события.

Я. Плампер в своей статье «Запрет на двусмысленность» пишет [11]: «В 1930-е годы на советскую цензуру была возложена дополнительная обязанность – борьба с двусмысленностью. Между тем, в течение всего советского периода цензурная практика была направлена на ликвидацию инакомыслия».

На цензуру можно посмотреть как на вариант антиплагиата. Если борьба с плагиатом ведет ко множеству разных текстов, то цензура, наоборот, занята тем, что пытается вывести все тексты из одного, наказывая остальных за отступления от канонического текста.

Идеальной моделью для описания советской схемы циркуляции информации можно признать круг, когда циркулирует тот же набор все время. Интернет представляет собой линию, где каждый раз можно ожидать новую информацию. Знания при этом представляют собой также круговую передачу в случае образования, поскольку образование достаточно консервативно и допускает к себе только устоявшиеся типы информации/знаний.

Если в античности были люди устного типа, создавшие все в устном виде и хранившие все это в учениках или в рабах, поскольку тексты еще не умели фиксировать в более долговечном виде, то в советское время тоже были люди устного типа, уходившие в такое функционирование, поскольку или их направления, или их идеи не совпадали с идеологическим мейнстримом, а то и противоречили ему.

Советская система порождала не диалог, а монолог. А это не является плодотворной средой для порождения нового. Если посмотреть на новые акценты в информационной политике разных развитых государств, то можно заметить, что они отличаются от прежних. С одной стороны, повторяется старый тезис важности свободы слова, только теперь речь идет об экономической выгодности этой свободы. С другой – возник новый тезис, особенно при обсуждении обратной практики интернет-поиска, о важности получения разнообразной информации, подаваемой в том числе о разных политических событиях, чего требует интенсификация креативности. А акцент именно на креативности и креативном классе стал весьма значимым после фиксации этого положения в книге Флориды [12]. В новом исследовании продемонстрировано разное расселение в городах креативного класса, обслуживающего класса и класса рабочего [13–14].

Практически те же акценты на важности многообразия можно увидеть в современных исследованиях по историко-антропологическим анализам возникновения первых городов, идущих даже из такого института, как Санта-Фе, где города рассматриваются с точки зрения теории сложных систем [15–21]. Именно в городах имеет место мультипликация произведенного результата, гораздо большего, чем число добавленных жителей.

Л. Беттанкур [22–23] пишет [24]: «Города всегда были первичными создателями и пользователями информационных и коммуникативных технологий: от ежедневной газеты и почтовой службы до телеграфа и мобильного телефона. Поэтому не должно удивлять то, что новые информационно-коммуникативные технологии будут первично усиливать города, а не конкурировать с ними». Л. Беттанкур назвал города социальными реакторами [25]. Правда, там не только растет позитив, но и негатив, например преступность. Но город все равно является источником разнообразия, что и позволяет именно ему совершать прорывы в будущее.

Япония хочет раскрыть свое образование для привлечения иностранных профессоров и отправки своих студентов за рубеж на учебу, видя в этом создании многообразия залог своего успеха [26]. Япония уже имела успешный опыт такого раскрытия в эпоху Мэйдзи, который позволил ей произвести модернизацию [27–29]. Интересно, что в предыдущую эпоху – в эпоху Токугава, которая характеризовалась закрытием от внешнего мира, морю в той системе ценностей приписывались положительные смыслы, поскольку именно оно отделяло «культуру» от «варварства».

Слухи ориентированы на отрицательные события, поскольку именно они более важны с точки зрения выживания, чем события позитивные. Поэтому, например, рассказы о негативном опыте распространяются многократно сильнее. К негативу существует совсем другая чувствительность у массового сознания. Индивид действует точно так же. Известно, что первой реакцией на хруст ветки в лесу за спиной будет ожидание приближающейся опасности, хотя потом это может оказаться просто естественным событием.

Слухи – это дестабилизатор, в то время как ритуалы, вплоть до первомайской советской демонстрации, призваны быть стабилизаторами социосистем. Слухи несли негатив о советской системе, поскольку о позитиве она могла рассказать и сама.

Санстейн, известный своей книгой «Подталкивание» («Nudge»), написанной вместе с Р. Талером (см. биографию Санстейна [30–31]), пишет в своей книге о слухах [32]: «В последние годы многие американцы верили, что Барак Обама был мусульманином, что он не родился в Соединенных Штатах, что он “дружит с террористами”. Слухи широко распространяются о якобы ужасных актах, представлениях и мотивациях официальных лиц и о якобы скандальной частной жизни не только этих лиц, но и многих известных людей. Слухи также могут повредить экономике. Если возникают слухи, что компания может упасть, акционеры могут испугаться и продать акции. Из-за слухов компании могут падать. Слухи влияют и на сам фондовый рынок, даже если они безосновательны».

Он подчеркивает, что люди принимают слухи, поскольку слухи базируются на их страхах или их надеждах. Тогда одновременно нам придется признать, что и слухи, и анекдоты активно управляют нами, поскольку в них есть полное соответствие того, что люди хотят услышать, тому, что они получают.

Санстейн, кстати, пишет о методологии государственного подталкивания населения к правильному поведению в своей новой книге «Зачем подталкивать?» [33]: «Учитывая то, что в некоторых контекстах люди склонны к ошибкам, патерналистские интервенции сделают их жизнь лучшей». Поэтому и подзаголовок книги звучит как «политика либертарианского патернализма».

В книге о слухах он перечисляет ряд слухов, которые дают почву для конспирологических теорий. Это причастность ЦРУ к убийству Кеннеди, что СПИД создан сознательно докторами, что изменение климата – это преднамеренное мошенничество, что Мартин Лютер Кинг был убит федеральными агентами, что высадка на Луну – инсценировка, а Великая депрессия была придумана богачами, чтобы уменьшить зарплаты рабочим.

В СССР слухами пользовалось ведомство Андропова, чтобы расчистить путь наверх своему шефу. Эти слухи рассказывали о неправедной жизни его конкурентов в борьбе за пост генсека: Романове и Гришине. Одной рукой Советский Союз боролся со слухами и анекдотами, а другой, как видим, сам же их и распускал, когда это требовалось.

Следует подчеркнуть, что наиболее сильным недостатком подхода Санстейна, который задает во многом направление его интересов и соответствующей критики, является заранее принятая и необсуждаемая гипотеза о том, что слухи порождаются со злым умыслом. Но такого большого числа коммуникативных «злоумышленников» в принципе быть не может.

Это видно в самом уже выборе слова для распространителей слухов – пропагандисты [34]. И первым же типом таких пропагандистов для него становятся те, кто хотят навредить конкретнму лицу или группе. Представителей этого типа он задает как имеющих узкую самозаинтересованность. Следующие имеют широкую самозаинтересованность. Этот типаж не ставит цель навредить другому, а хочет привлечь к себе внимание. Именно он характерен, с его точки зрения, для Интернета. Третьих он считает альтруистами. Когда они распространяют фальшивые слухи, то делают это ради общего блага. Они чаще всего проявляются в области политики, присутствуя в Интернете и на ток-шоу.

Санстейн продолжает свой рассказ в книге о слухах, связывая их с понятием каскада: «Каскад имеет место, когда группа первых передающих говорит или делает нечто, а другие люди повторяют этот сигнал. В экономике слухи могут питать спекулятивные пузыри, существенно раздувая цены, и реально спекулятивные пузыри несут ответственность за финансовый кризис 2008 г. Слухи также ответственны за многие варианты паники, когда страх быстро распространяется от одного человека к другому, создавая пророчества, которые могут накликать

беду. Если соответствующие слухи могут вызывать сильные эмоции типа страха или отвращения, они будут распространяться с большей вероятностью».

Он говорит о групповой поляризации и в книге, и в статье, что она имеет место, когда одинаково мыслящие люди начинают спорить, то все завершается более экстремальной версией того, о чем они думали до начала разговора. Сюда можно добавить, что, вероятно, это является причиной столь мощных «драк» на телевизионных ток-шоу.

Санстейн видит два источника поляризации [35]. Один касается социального влияния в поведении, другой лежит в области ограниченного набора аргументов, куда могут двигаться члены группы. Все это ведет к тому, что обсуждение может ухудшать, а не улучшать ситуацию.

Он пишет: «Результатом является то, что группы часто принимают более экстремальные решения, чем это было бы в случае типичного или среднего индивида в группе («экстремальный» понимается внутренне, исходя из отсылки на исходную позицию группы). Есть прямое отношение между групповой поляризацией и каскадными эффектами: поляризация и каскад имеют дело с информационными и репутационными влияниями. Но ключевое различие лежит в том, что каскадный эффект строится на повторении имеющейся тенденции, в то время как поляризация – на переходе к более экстремальной точке в том же направлении».

От слухов Санстейн переходит к конспирологическим теориям, приходя к выводу о необходимости «когнитивной инфильтрации» в группы, которые распространяют подобную информацию, чтобы помешать им делать это путем введения информационного разнообразия [36]. То есть делать нечто вроде партизанской когнитивной войны. Естественно, что это вызвало бурную протестную реакцию [37]. Причем обе стороны имеют разумные аргументы.

Санстейн дает определение конспирологической теории, понимая ее как «попытку объяснить некоторое событие или практику с помощью отсылки на махинации могущественных людей, которым удается скрывать свою роль в этом».

Характерной чертой конспирологических теорий он считает то, что они слабо поддаются коррекции, особенно если это делают официальные лица. Кстати, как раз это очень понятно, поскольку опровержение со стороны «обвиняемых» по определению не должно пользоваться доверием.

Санстейн видит следующий возможный набор действий правительства в ответ:

– запретить заниматься конспиративными теориями;

– правительство должно обложить налогом распространителей таких теорий;

– правительство должно включиться в контркоммуникацию, распространяя аргументы для дискредитации конспирологических теорий;

– правительство может нанять частных участников, пользующихся доверием, чтобы они включились в контркоммуникацию;

– правительство может предоставлять информационную помощь таким участникам;

– правительство должно заняться когнитивной инфильтрацией в такие группы, порождающие конспирологические теории.

Читая эти предложения, становится вполне понятной позиция тех, кто возмутился. Но, кстати, это ничем не отличается от представлений Санстейна в области оправдания его и Талера методологии подталкивания Он пишет в своей собственной книге по этому поводу, которая носит название «Зачем подталкивать?» [38]: «правительство не верит, что выбор людей будет продвигать их благополучие, поэтому делает шаги по влиянию или изменению выбора людей для их собственной пользы».

В любом случае желающие могут обратиться либо к книге Санстейна «Конспирологические теории и другие опасные идеи» [39], либо к книге его противника Гриффина «Когнитивная инфильтрация. План назначенца Обамы по подрыву конспирологической теории 11 сентября» [40]. Причем книга Гриффина издана еще до книги Санстейна, являясь реакцией на его статьи. Предложения же Санстейна полностью лежат в русле работы США по поддержке

умеренных взглядов в мусульманской среде, когда голосу противников радикализации помогают усилиться.

Более развернутое высказывание Санстейна по поводу когнитивной инфильтрации звучит следующим образом: «Во-первых, отвечая многому, а не малому числу конспирологических теорий, – инфильтрация имеет синергетический эффект: происходит уменьшение легитимизирующего эффекта с помощью ответа на любую из них, поскольку ослабляет противопоставление с неопровержимыми теориями. Во-вторых, мы предлагаем другую тактику для разрушения экстремистского ядра, поставляющего конспирологические теории: когнитивную инфильтрацию в экстремистские группы, когда правительственные агенты или их союзники, действуя или виртуально, или в реальном пространстве, открыто или анонимно будут разрушать искривленную эпистемологию тех, кто подвержен данным теориям. Они сделают это, сея сомнения в их теориях и стилизированных фактах, которые циркулируют внутри таких групп, внося благоприятное когнитивное разнообразие».

Возможно, для нас покажется странным, что высокий чиновник администрации Белого дома, а таким он был на тот момент, уделяет столь пристальное внимание проблеме распространения конспирологических фактов. Но факт остается фактом. Тем более что проблема есть. Например, Санстейн приводит в книге социологические данные, что 49 % нью-йоркцев верят в то, что правительство США знало заранее об атаках 11 сентября. 22 % канадцев считают, что Усама бен Ладен не имел отношения к этим атакам, а они были заговором влиятельных американцев. 37 % американцев думают, что климатические изменения – это обман, а 21 % – что американское правительство скрывает доказательства существования инопланетян. Все это достаточно большие цифры, чтобы ими можно было пренебречь. По крайней мере, сфера государственного управления должна видеть такие цифры.

Сегодняшний Интернет открыл большие возможности для распространения слухов, и, что не менее важно, облегчение доступа к радикальной информации является сегодня одним из факторов распространения терроризма.

Интернет явился наименее контролируемым медиумом из всех созданных человечеством технологий. Естественно, что и его стараются приручить, но пока это не так просто, поэтому государства и политики пошли по пути создания собственных армий троллей и ботов, которые будут удерживать нужную точку зрения в информационном пространстве.

Сегодняшние исследователи Интернета пишут [41]: «Слухи, домыслы, вырывание из контекста, предубеждения, фактические ошибки – дезинформация – существуют с тех пор, как человечество начало общаться. В сети дезинформация просто взорвалась». Фраза Санстейна почти такая же [34]: «С появлением Интернета фальшивые слухи стали вездесущими».

Еще один исследователь конспирологических теорий заявляет [42]: «Интернет особо значим. Он создал глобальную сеть связанных между собой конспирологических мыслителей. Кликните на вебсайт и войдете в конспирологическую вселенную, где будут ссылки на подтверждающие сайты и близкие конспирологические теории. В этом параллельном мире конспирология заменила историю и управляет миром. В блогах посвященные личности отделяются, чтобы искать не информацию, а подтверждение».

Все эти высказывания говорят об одном: Интернет облегчил как порождение, так и распространение слухов. Это хорошо заметно в ситуации выборов или другого типа политической борьбы на постсоветском пространстве. Здесь за это время сформировалась тактика выдачи негативной информации через Интернет. А на следующем этапе эту информацию начинают распространять печатные издания или телевидение, уже имея возможность сослаться на Интернет, чтобы самим не нести ответственности за неправду.

Интернет парадоксальным образом объединил в себе функции передачи и хранения, то есть он одновременно работает на коммуникацию и на знания. Однако массово распространя-

емая коммуникация несомненно повлияла на уровень «знаниевости» этих знаний. Как считал русский мистик Гурджиев, знание – материально, поэтому его нельзя раздать всем.

СССР прятал знание об авторах брежневской эпопеи за семью печатями, но правда все равно постепенно проявилась ([43–44]). Соответственно, нельзя было изучать то, чего «не было», например, политических анекдотов. Это сегодня можно изучать протестные акции как социологам, к чему все давно привыкли, так и антропологам, что является совершенно новым (см., например, [45]).

Мы имеем дело с открытыми и закрытыми знаниями, со знаниями, которые усиленно пропагандируются, и знаниями, которые прячутся поглубже, чтобы затруднить к ним доступ.

Однако это еще не все: есть знания явные и неявные, которые могут быть невербализованными и тогда они станут явными [46]. Японский профессор И. Нонака, разрабатывая проблемы менеджмента знаний, предложил модель СЭКИ (Социализация, Экстернализация, Комбинация, Интернализация), которая отразила переходы между этими разными видами знаний [46–51].

Эти переходы между явными и неявными знаниями принимают следующий вид: Социализация (от неявного к неявному), Экстернализация (от неявного к явному), Комбинация (от явного к явному), Интернализация (от явного к неявному) (см. картинку в [47]).

Для описания процессов создания знаний Нонака использует даже понятие диалога [50]: «Синтез в создании знаний достигается с помощью диалога. Можно достичь сути кажущихся противоречивыми вещей и принять взгляды других с помощью диалога. Это позволяет откидывать предположения и находить новые решения для противоречий. Диалог является методом изучения взглядов других, которые отличаются от ваших, чтобы принять и синтезировать их. Для этого надо открыть свои мысли самоутверждению и сдержанности. В диалогах важны значения, которые создаются, а не то, в какой форме логики это происходит».

И последнее. Есть также скрытые знания (например, оккультные, гностические), которые принципиально не выходят на поверхность. Есть скрытые смыслы, которые доступны только в результате специального изучения. Е. Дайс (см. о ней [52–53]) ищет гностические мотивы в современной литературе, включая Стругацких, Пелевина и даже «Старика Хоттабыча» Лагина ([54–59], см. также выступление Вяч. Вс. Иванова на тему гностицизма в России [60]).

Другой интересный и недавний пример – это проявление элементов нацистской пропаганды в известном французском послевоенном фильме, который снимался во время войны – «Дети райка». Профессор Й. Морали утверждает о фильме Марселя Карне следующее [61]: «Ход событий вынудил Карне расставить акценты по-иному. В 1942 году, когда начиналась работа над «Детьми райка», Германия казалась безоговорочным победителем, но уже в 1943-м это было не так однозначно. А в 1944-м, в канун высадки союзников в Нормандии, очень многие французы, ранее охотно сотрудничавшие с немцами, стали искать себе алиби и пытаться помочь каким-то своим знакомым евреям. Так и Карне привлек к работе над фильмом Косма и Траунера, переделал сценарий и смонтировал уже снятые сцены таким образом, что силы зла ассоциировались не с евреями, а с немецкими оккупантами. Но полностью замести следы ему не удалось».

Скрытое и тайное, как и финансы, любят тишину. Интернет не любит тишины, поэтому он и становится главным врагом скрытого и тайного. Именно Интернет создал атмосферу открытости для современной бюрократии.

Интернет резко увеличил скорости и объемы переходов от информации закрытой к открытой, от информации скрываемой или личной к информации публичной. Объем негатива в этом мире резко вырос. Но удивительным образом исчезло разумное реагирование на него, поскольку иными стали пороги восприятия негатива. Слухи и анекдоты перестали быть «запретным плодом», специально для них даже появились отдельные сайты.

Литература

1. *Трофимова Т.* Александра Архипова об устной традиции, сюжетах и практиках 90-х // www.colta.ru/articles/90s/3937

2. *Архипова А.* Анекдоты о Путине и выборах десять лет спустя, или есть ли фольклор «Снежной революции»? // anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/arkhipova.pdf

3. *Архипова А. С.* Пантофлевая почта – еврейский телеграф – сарафанное радио – агентство ОБС: устный речевой жанр в поисках самоназвания // www.academia.edu/5326422/%D0%90%D1%80%D1%85%D0 % B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%90.%D0%A1._%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%84%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D1%87%D1%82%D0%B0_-_%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84_%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE_-_%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%9E%D0%91 % D0%A1_%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B6%D0%B0 % D0%BD%D1%80_%D0%B2_%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%85_%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%B0._%D0%9C._2011_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%A4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_._9._%D0%A1._58-73

4. *Архипова А.* «Штирлиц шел по коридору…»: как мы придумываем анекдоты // booknik.ru/library/all/shtirlits-shel-po-koridoru

5. *Архипова А. С.* Анекдот и его прототип: анализ текста и формирование жанра. Автореф. канд. дисс. // newstar.rinet.ru/~minlos/Avtoreferaty/%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf

6. *Архипова А.* Традиции и новации в анекдотах о Путине // ecsocman.hse.ru/data/2012/06/09/1274425151/10_02_arkhipova.pdf

7. Главный герой политического анекдота. Интервью с А. Архиповой // www.gazeta.ru/science/2014/07/10_a_6108049.shtml

8. *Архипова А., Мельниченко М.* Структура фонда ранних анекдотов о Сталине: 1925–1940 годы // www.academia.edu/5620228/%D0%90%D1 % 80%D1%85%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%90._%D0%9C%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D0%9C._%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%85_%D0%B0%D0 % BD

%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0 % BE_
%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B5_1925-1940_
%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B_%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD
%D0%B8%D0%BA_%D0%A0%D0%BE
%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_
%D0%B3%D0%BE
%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD
%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD
%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_
%D1%83%D0%BD
%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%B0._9._
%D0%A4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BB%D0%BE
%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0._%D0%9C._
%D0%A0%D0%93%D0%93%D0%A3_2009._%D0%A1._271-352

9. *Алексеевский М.* Анекдоты от Зюганова: фольклор в современной политической борьбе // www.academia.edu/225912/%D0%90%D0%BD% D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%8B_%D0%BE%D1%82_%D0%97%D1%8E%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%84%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D1%80_% D0%B2_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B5_Anecdotes_from_Zyuganov_Folklore_in_the_Modern_Political_Battle_

10. *Алексеевский М*. Советские вожди в постсоветских политических анекдотах // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве. – М., 2013

11. *Плампер Я*. Запрет на двусмысленность // www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26179-zapret-na-dvusmyslennost-sovetskaya-cenzurnaya-praktika-1930-h-godov.html

12. *Florida R*. The rise of a creative class. – New York, 2002

13. *Martin R.* The divided city // martinprosperity.org/2014/08/25/the-divided-city

14. *Badger E.* Mapped: how the 'creative class' is dividing U. S. cities // www.washingtonpost.com/blogs/wonkblog/wp/2014/09/29/mapped-how-the-creative-class-is-dividing-u-s-cities

15. *Page S.* On the emergence of cities // www.santafe.edu/media/workingpapers/98-08-075.pdf

16. *Bettencourt L.* The kind of problem the city is // www.santafe.edu/media/workingpapers/98-08-075.pdf

17. *Ortman S. G. a. o.* The pre-history of urban scaling // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3922752

18. *Ortman S. G. a. o*. Settlement and increasing returns in and ancient society // www.santafe.edu/media/workingpapers/14-11-041.pdf

19. Social networks key to city growth both ancient and modern, say researchers // popular-archaeology.com/issue/winter-01012015/article/social-networks-key-to-city-growth-ancient-and-modern-say-researchers

20. Social networks built ancient Mesoamerica // motherboard.vice.com/read/social-networks-built-ancient-mesoamerica

21. *Mehaffy M.* 5 key themes emerging from the new science of cities // www.citylab.com/design/2014/09/5-key-themes-emerging-from-the-new-science-of-cities/380233

22. Bettencourt Luis M. // tuvalu.santafe.edu/~bettencourt/index/Home_files/Curriculum_Vitae_LBettencourt_02%3A13.pdf

23. *Luis M. A.* Bettencourt // cnls.lanl.gov/External/people/Luis_Bettencourt.php

24. *Bettencourt L.* The uses of big data in cities // alliance.columbia.edu/files/newalliance/content/The_uses_of_big_data_in_cities.pdf

25. *Smith M.* Urban scaling: cities as social reactors // wideurbanworld.blogspot.com/2013/09/urban-scaling-cities-as-social-reactors.html

26. *Shimomura H.* Making Japanese higher education more international // info.japantimes.co.jp/ads/pdf/20130902_global_30_universities.pdf

27. *Beech P.* Japan and early Westernization // www.japanvisitor.com/japanese-culture/history/westernization

28. *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. – М., 2009

29. *Мещеряков А.* Модернизационный опыт Японии // znanie-sila.su/?issue=articles/issue_1613.html&r=1

30. Cass Sunstein // en.wikipedia.org/wiki/Cass_Sunstein

31. Cass Sunstein // www.discoverthenetworks.org/individualProfile.asp?indid=2422

32. *Sunstein C. R.* On rumors. How falsehoods spread, why we believe them, what can be done. – New York, 2009

33. *Sunstein C. R.* Why nudge? The Politics of Libertarian Paternalism – New Haven – London, 2014

34. *Sunstein C. R.* 'She said what?' 'He did that?' Believing false rumors // papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1304268

35. *Sunstein C. R.* The law of group polarization // www.law.uchicago.edu/files/files/91.CRS_.Polarization.pdf

36. *Sunstein C. R. a. o.* Conspiracy theories // www.ringnebula.com/obama/Conspiracy_Theories.pdf

37. *Tencer D.* Obama staffer wants 'cognitive infiltration' of 9/11 conspiracy groups // www.911truth.org/obama-staffer-wants-cognitive-infiltration-of-911-conspiracy-groups

38. *Sunstein C. R.* Why nudge? – New Haven – London, 2014

39. *Sunstein C. S.* Conspiracy theories and other dangerous ideas. – New York, 2014

40. *Griffin D. R.* Cognitive infiltration. An Obama appointtee's plan to undermine 9/11 conspiracy theory. – Northampton, 2011

41. *Besterman M.* Someone is wrong on the Internet // mattbesterman.com/blog/wp-content/uploads/2013/12/Someone-is-Wrong-on-the-Internet.pdf

42. *Goldberg R. A.* Enemies within: the conspiracy culture of modern America // www.fau.edu/osullivan/images/Robert_A__Goldberg_booklet.pdf

43. *Филиппов А. В.* Живописцы Малой земли. Как создавались воспоминания Л. И. Брежнева // lenta.ru/articles/2015/02/07/brezhnev

44. *Филиппов А. В.* Живописцы Малой земли—2 // lenta.ru/articles/2015/ 02/28/brezhnev2

45. *Ферапонтов И.* «Это нам испытание послано, надо перетерпеть». Митинговая магия антимайдана глазами антрополога // www.colta.ru/articles/science/6530

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.